

Читатель этой книги впервые получает интересную подборку текстов по проблемам массовых коммуникаций, социальных движений и социальной политики, написанных в русле социального конструктивизма. Большая часть статей зарубежных социологов впервые переведена на русский язык.

Хотя социальный конструктивизм порой и ассоциируют с призывами к беспринципному релятивизму в оценке тех или иных явлений, эта книга не только задает тон критической рефлексии социальных проблем, но и представляет модели активного, осмысленного гражданского участия в конкретных преобразующих действиях. Эти вопросы особенно актуальны в наши дни, когда пространство публичных дискуссий по социальным проблемам столь уязвимо и подчас сужается до размеров так называемого «экспертного сообщества».

Работы, вошедшие в хрестоматию, охватывают три основные и наиболее значимые области анализа: во-первых, методологию конструктивистского подхода, во-вторых, собственно технологии повышения значимости событий в массовом сознании и, наконец, в-третьих, роль властных структур (в том числе «четвертой власти» – масс-медиа) в процессах социального конструирования. Этот анализ демонстрирует, с одной стороны, зазоры в объективистской интерпретации событий социальной политики, а с другой, – возможности мобилизации коллективных ресурсов для решения тех или иных задач.

Автору удалось составить цельную картину конструктивизма с помощью собрания наиболее ярких работ, когда-либо публиковавшихся по данной проблематике. Надеюсь, что эта книга станет бесценным подспорьем для тех, кто занимается преподаванием и исследованиями в области современной социальной политики, социальной работы, социологии массовых коммуникаций, а также продвижением социально значимых проектов.

Павел Романов

доктор социологических наук, профессор,
со-редактор Журнала исследований социальной политики, Саратов

Социальные проблемы: конструкционистское прочтение

Социальные проблемы: конструкционистское прочтение

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: КОНСТРУКЦИОНИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

*Составление, перевод с английского
И.Г.Ясавеева*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007**

УДК 304.2
ББК 60.56
С 69

*Издание осуществлено в рамках совместного проекта
Казанского государственного университета
им. В. И. Ульянова-Ленина и
Университета Ратгерс (Нью-Джерси, США)
«Построение демократии в мультиэтнических обществах»*

Рецензент:
доктор социологических наук, профессор
П.В.Романов

С 69 Социальные проблемы: конструкционистское прочтение /
Сост. И.Г.Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – 276 с.

ISBN 978-5-7464-1484-7

Книга включает в себя научные статьи, эссе и отрывки из книг, представляющие конструкционистский подход к социальным проблемам: работы Г.Блумера, П.Ибарры и Дж.Китсьюза, Дж.Беста, С.Хилгартнера и Ч.Боска, М.Эделмана, М.Фишмана, П.Мейлахса, И.Ясавеева.

Социальные проблемы в рамках данного направления рассматриваются как конструкции, создаваемые людьми посредством выдвижения требований изменить какую-либо ситуацию. В предлагаемых текстах раскрываются сущность конструкционистского понимания социальных проблем, стратегии проблематизации и депроблематизации ситуаций, роль средств массовой коммуникации и властных структур в возникновении или исчезновении такого рода конструкций. Некоторые работы публикуются на русском языке впервые.

Для студентов, преподавателей и исследователей в области социальных и политических наук, журналистов, специалистов по управлению коммуникацией (PR), активистов социальных движений.

УДК 304.2
ББК 60.56

ISBN 978-5-7464-1484-7

© Издательство Казанского университета, 2007
© Перевод на русский язык, И.Г.Ясавеев, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Герберт Блумер. Социальные проблемы как коллективное поведение.....	11
Джоел Бест. Социальные проблемы.....	26
Питер Ибарра, Джон Китсьюз. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы.....	55
Джоел Бест. Ограничения строгой конструкционистской интерпретации социальных проблем.....	115
Стивен Хилгартнер, Чарльз Л. Боск. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен.....	145
Муррей Эделман. Конструирование социальных проблем как часть политического спектакля.....	185
Марк Фишман. Волны преступности как идеология.....	197
Петр Мейлахс. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ.....	229
Искэндэр Ясавеев. Конструирование “не-проблем”: стратегии депроблематизации ситуаций.....	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследователи, приступающие к изучению какой-либо социальной проблемы, обычно задаются вопросами о том, каков ее масштаб, в частности, какое количество людей она затрагивает, каким образом она возникла и как развивается, каковы ее последствия и, наконец, что необходимо сделать для того, чтобы данную проблему решить. Эти вопросы соответствуют традиционному социологическому подходу к социальным проблемам как объективно существующим вредным (патологическим, дисфункциональным) социальным условиям и ситуациям, которые можно и необходимо изменить. Несомненно, эти вопросы очень важны для понимания происходящего в обществе. Однако пытливый исследователь вскоре может заметить, что не на все вопросы можно получить ответ в рамках такого традиционного “объективистского” подхода. Например, почему одни “вредные” и “опасные” ситуации определяются в обществе как социальные проблемы, а другие нет? (В частности, почему такую обеспокоенность в российском обществе вызывает употребление наркотиков, тогда как существующие масштабы потребления алкоголя воспринимаются как что-то естественное? Или почему отсутствие в России независимой судебной власти, домашнее насилие, дискриминация ВИЧ-позитивных людей и людей с ограниченными возможностями крайне редко определяются в качестве социальных проблем?) Чем объясняются изменчивость и избирательность внимания общественности к социальным проблемам? С какими целями проблематизируются те или иные ситуации? Какие стратегии и приемы применяются для того, чтобы вызвать внимание к какой-либо ситуации и, наоборот, для того, чтобы затушевать невыигрышную для кого-либо проблему? Какую роль в определении соци-

альных проблем играют средства массовой информации? Как возникают “волны преступности” и другие моральные паники?

Мне кажется, что поиск ответов на эти вопросы предполагает иную трактовку социальных проблем – не как объективных условий, а как конструкций, создаваемых различными людьми и группами посредством выдвижения утверждений требовательного характера (утверждений-требований) относительно тех или иных предполагаемых ситуаций. Формы выдвижения утверждений-требований, т. е. конструирования социальных проблем могут быть самые разные: митинги, пикеты, марши протеста, письма, инициирование судебных разбирательств, слушания в парламенте, выступления ученых, политиков, духовенства, сообщения средств массовой информации, книги, художественные фильмы и театральные постановки и т. д.

В данном издании я постарался собрать эссе, статьи, отрывки из книг, дающие представление именно о таком *конструкционистском подходе* к социальным проблемам – направлении в социологии социальных проблем, которое активно развивается в последние тридцать лет (после публикации в 1977 году книги Малькольма Спектора и Джона Китсьюза «Конструирование социальных проблем»). Начинается сборник со статьи Герберта Блумера «*Социальные проблемы как коллективное поведение*», одной из первых конструкционистских работ теоретического характера. Предложенные Блумером критика традиционного социологического подхода к социальным проблемам и модель развития социальных проблем не потеряли своего значения до сих пор, о чем свидетельствует частота обращения к ним социологов.

Статья Джоела Беста «*Социальные проблемы*» описывает сущность конструкционистского понимания социальных проблем, возникновение данного подхода, теоретические споры, которые ведутся в его рамках, главные темы и перспективы конструкционистских исследований и поэтому является превосходным введением в проблематику конструкционизма.

Ключевым теоретическим текстом данного сборника является эссе Питера Ибарры и Джона Китсьюза «*Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы*», очерчивающее перспективы развития строгой версии конструкционистского подхода. Это своего рода развернутая исследовательская программа, предполагающая анализ риторических идиом, контрриторических стратегий, лейтмотивов и стилей конструирования социальных проблем.

Работа Ибарры и Китсьюза, впервые опубликованная в 1993 году, вызвала очередной виток полемики между конструкционистами о том, насколько строгим должен быть конструкционистский анализ, в частности о том, допустимы ли в его рамках предположения о тех условиях, относительно которых выдвигаются утверждения-требования. Ибарра и Китсьюз полагают, что исследователи-конструкционисты должны сосредоточиться исключительно на риторике, т. е. на том, что говорится о каком-либо условии, без каких-либо объективистских допущений. Ответом на аргументацию Ибарры и Китсьюза является эссе Джоела Беста «*Ограничения строгой конструкционистской интерпретации социальных проблем*», отстаивающее более мягкую версию конструкционистского подхода, которая допускает обращение к социальному контексту выдвижения утверждений-требований (контекстуальный конструкционизм).

Еще один ключевой текст, имеющий теоретико-прикладной характер, – статья Стивена Хилгартнера и Чарльза Боска «*Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен*». Она представляет модель конкуренции между социальными проблемами за обладание таким дефицитным ресурсом, как место на аренах публичного дискурса и действия. На мой взгляд, современные социологи еще не оценили по достоинству весь потенциал данной модели. Между тем именно она дает целостное представление о совокупности факторов, определяющих «повестку дня» исполнительной и законодательной власти, средств массовой информации, религиозных орга-

низаций, научного сообщества и других публичных арен, на которых происходит конструирование социальных проблем. Данная модель вполне применима к процессам, происходящим в российском обществе. Она высвечивает, в частности, специфику конкуренции между социальными проблемами в России, которая заключается в решающем значении интересов властных элит как принципа отбора проблем.

Целый ряд интересных идей сформулирован Мурреем Эделманом в его работе *«Конструирование политического спектакля»*. Эделман рассматривает конструирование социальных проблем как часть политического спектакля, обсуждая такие последствия проблематизации ситуаций, как формирование “иммунитета” к вниманию и критике, которым наделяются вредные условия, не входящие в перечень проблем, а также легитимацию с помощью социальных проблем предпочитаемых курсов действий, когда “решения проблем”, как ни парадоксально, предшествуют самим “проблемам”.

Таким политическим спектаклем нередко является конструирование волн терроризма, преступности, потребления наркотиков и т. д. Классическим исследованием волны преступности считается работа Марка Фишмана *«Волны преступности как идеология»*, сосредоточенная на конкретном случае – драматическом росте числа сообщений на тему преступности против пожилых людей в нью-йоркских средствах массовой информации в конце 1976 года, который вызвал усиление чувства страха людей перед преступностью, укрепление правоохранительных органов и попытки ужесточения уголовного законодательства. Фишман не столько демонстрирует “социологическую иронию” по поводу таких волн, не имеющих оснований с точки зрения официальных статистических конструкций, сколько раскрывает, каким образом и почему СМИ и власти время от времени конструируют волны преступности.

Моральную панику, но уже в отношении потребления наркотиков в России изучает Петр Мейлахс в работе *«Дискурс прес-*

сы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ». Цель его исследования – «показать, как социальная проблема наркотиков конструируется в прессе и таким образом сдвинуть существующее в сегодняшней российской социологии внимание от исключительно наркозависимых и их “проблем” к тем, кто конструирует и определяет ситуацию вокруг наркотиков, и тем самым проблематизировать “очевидные” и “само собой разумеющиеся” категории доминирующих медицинских и криминологических дискурсов».

Наконец, в статье *«Конструирование “не-проблем”: стратегии депроблематизации ситуаций»* предпринимается попытка на основе идей П. Ибарры и Дж. Китсьюза выявить стратегии контрриторики, используемые российскими властными элитами в отношении ситуаций, конструирование которых в качестве социальных проблем не отвечает их интересам (нарушение прав человека в России, насилие в армии, коррупция). Описываются такие стратегии, как натурализация ситуации, в частности, расширение рамок проблемы – от внутренней до международной, антитипизация (представление проблемы в качестве “отдельных инцидентов”), контрриторика неискренности, стратегия “опровергающих историй” и др.

Я надеюсь, что настоящее издание будет способствовать прояснению вопросов о природе социальных проблем, отказу от искусственного противопоставления традиционных и конструкционистского подходов к социальным проблемам, не исключая друг друга, и дальнейшему развитию конструкционистских исследований. Конструкционистский подход имеет не только научное значение, он может помочь людям, стремящимся к изменениям в обществе (например, нацеленным на улучшение положения уязвимых групп, устранение различных видов дискриминации), продумать и осуществить действия по продвижению своей проблематики в публичную “повестку дня”. На мой взгляд, есть прямая связь между активностью людей по

конструированию социальных проблем и существованием гражданского общества.

Мне хотелось бы выразить признательность Кристин Белкин, Зиве Галили, Сергею Ерофееву, Марине Могильнер, Джоанне Регульске, Евгению Чиглинцеву и Центру демократизации образования КГУ, поддержка которых в рамках проекта «Построение демократии в мультиэтнических обществах» сделала возможными подготовку и издание этой книги; Джоелу Бесту, Питеру Ибарре, Петру Мейлахсу, Марку Фишману, Стивену Хилгартнеру за согласие на перепечатку своих работ; Владимиру Козловскому и Журналу социологии и социальной антропологии, издательствам The University of California Press, AltaMira Press, AldineTransaction (отделение Transaction Publishers), The University of Chicago Press за разрешение на перепечатку, а также факультету журналистики и социологии, кафедре социологии и Центру социологии культуры Казанского государственного университета за организационное и техническое содействие.

21 сентября 2007 г.

*Искэндэр Ясавеев
yasaveyev@gmail.com*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ*

Основной мой тезис заключается в том, что социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются прежде всего результатами процесса коллективного определения. Этот тезис идет вразрез с той посылкой, которая лежит в основании обычного социологического исследования социальных проблем.

Начнем с краткого описания традиционного социологического подхода к исследованию и анализу социальных проблем. Такой подход предполагает, что социальная проблема существует как объективное условие в структуре общества. Считается, что это объективное условие имеет вредную или злокачественную природу, противоположную природе нормального или социально здорового общества. На социологическом жаргоне это определяется как состояние дисфункции, патологии, дезорганизации или девиантности. Задача социолога заключается в том, чтобы выявить вредное условие и разложить его на существенные элементы или части. Такой анализ объективного строения социальной проблемы обычно сопровождается определением условий, которые вызвали проблему, и предложением путей ее решения. Проанализировав объективную природу социальной проблемы, установив ее причины и указав, каким образом проблема может быть решена, социолог полагает, что он выполнил свою научную миссию. Знание и информация, которые он собрал, могут, с одной стороны, пополнить запас

* Blumer, Herbert. *Social problems as collective behavior // Social problems*. 1971. Vol. 18. P. 298–306. Copyright © 1971 by The University of California Press. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения издательства Калифорнийского университета (The University of California Press).

научного знания, а с другой – быть предоставлены в распоряжение политиков и рядовых граждан.

Такой типичный для социологии подход представляется на первый взгляд логичным, обоснованным и оправданным. Однако, на мой взгляд, он отражает грубое непонимание природы социальных проблем и, соответственно, является крайне неэффективным в обеспечении контроля над ними. В качестве первоначального, исходного указания на неадекватность этого подхода определим в нескольких словах, в чем заключается ложный или недоказанный характер его ключевых допущений.

Во-первых, современные социологическая теория и социологическое знание сами по себе не способны установить или идентифицировать социальную проблему. Социологи распознают социальные проблемы только после их признания в качестве таковых обществом. Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере социетального признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем. Примеров этому имеется множество. Бедность была серьезной социальной проблемой для социологов полвека назад, затем практически исчезла с социологической сцены в 1940-е и в начале 1950-х гг., а затем вновь появилась в наше время. Расовая дискриминация и эксплуатация в нашем обществе были гораздо распространеннее в 1920–1930-е гг. по сравнению с тем, как обстоит дело сейчас, однако они не пользовались значительным вниманием со стороны социологов до череды событий, последовавших за решением Верховного Суда о десегрегации школ и бунтом в Уоттсе. Загрязнение окружающей среды лишь недавно стало определяться социологами в качестве социальной проблемы, хотя существование и проявления угрожающей экологической ситуации насчитывают не один десяток лет. Проблема неравенства женского статуса, столь решительно заявляющая о себе на нашей научной сцене, имела периферийное значение для социологов несколько лет назад. Не обращаясь к другим приме-

рам, я просто утверждаю, что, идентифицируя социальные проблемы, социологи постоянно руководствовались тем, что находилось в фокусе общественного беспокойства. Этот вывод подтверждается безразличием социологов и общества в равной степени по отношению ко многим сомнительным и угрожающим феноменам современной жизни. Эти феномены могут замечаться время от времени, но несмотря на их серьезность они не получают статуса социальных проблем в работах социологов. Приведу лишь несколько приходящих на ум примеров: колоссальная и продолжающаяся развиваться заорганизованность современной жизни, ... губительные социальные последствия нашей национальной системы автомагистралей, пагубные социальные последствия идеологии "роста", неприглядные стороны обычной деловой этики... Я полагаю, эмпирические данные ясно показывают, что признание социальных проблем социологами основывается на общественном признании.

К сказанному остается только добавить, что несмотря на претензии социологов социологическая теория *сама по себе* совершенно беспомощна в определении или идентификации социальных проблем. Это заметно в случае с тремя наиболее "популярными" социологическими понятиями, которые используются в настоящее время для объяснения возникновения социальных проблем, а именно, понятиями "девиантность", "дисфункция" и "структурное напряжение". В качестве средства идентификации социальных проблем перечисленные понятия оказываются бесполезными. Во-первых, ни одно из них не имеет набора исходных показателей, на основании которых исследователь мог бы обнаружить в эмпирическом мире так называемые примеры девиантности, дисфункции или структурного напряжения. Испытывая недостаток таких ясных идентифицирующих характеристик, исследователь не может обратиться к какому-либо социальному условию и установить, является оно примером девиантности, дисфункции, структурного напряжения или нет. Однако этот недостаток, серьезный уже сам по себе,

не является самым существенным в рассматриваемом мною вопросе. Значительно более важной представляется неспособность исследователя объяснить, почему одни примеры девиантности, дисфункции или структурного напряжения, замеченные им, не могут достичь статуса социальных проблем, тогда как другие получают этот статус. Существует множество разнообразных видов девиантности, которые не получают признания в качестве социальных проблем; нам никогда не говорят, как или когда отклонение становится социальной проблемой. Точно так же существует множество предполагаемых дисфункций или структурных напряжений, которые никогда не рассматриваются в качестве социальных проблем, и нам не говорят, как и когда так называемые дисфункции или структурные напряжения становятся социальными проблемами. Очевидно, что нет тождества между девиантностью, дисфункцией и структурным напряжением, с одной стороны, и социальными проблемами – с другой.

Если традиционная социологическая теория решительно неспособна идентифицировать социальные проблемы, и если социологи занимаются такой идентификацией, ориентируясь на общественное признание социальных проблем, то из этого следует, что исследователи социальных проблем должны изучать процесс, посредством которого общество признает социальные проблемы. Социологи, однако, этим не занимались.

Второй недостаток традиционного социологического подхода заключается в том его допущении, что социальная проблема существует в обществе главным образом в форме идентифицируемого объективного условия. Социологи относятся к социальной проблеме так, словно она состоит из ряда объективных компонентов, таких, как уровни или показатели, тип людей, связанных с данной проблемой, их число, их социальные характеристики, связь их условий с различными социетальными факторами. Предполагается, что разложение социальных проблем на подобные объективные элементы позволяет “схватить” сущ-

ность проблемы и представляет собой ее научный анализ. На мой взгляд, это допущение ошибочно. Как я предполагаю показать ниже, социальная проблема существует прежде всего с точки зрения определения и восприятия в обществе, не являясь объективным условием с определенной объективной структурой. Социетальное определение придает социальной проблеме ее характер, обуславливает как подход к ней, так и то, что предпринимается в отношении данной проблемы. Относительно этого решающего влияния так называемое объективное существование или структура социальной проблемы на самом деле весьма вторичны. Социолог может отмечать, что на его взгляд является пагубным условием в обществе, но общество может игнорировать существование данного условия. В таком случае условие не является социальной проблемой для общества, несмотря на доказанное объективное его существование. Или прорыв в научном знании, сделанный социологом, может значительно отличаться от того, как данная проблема видится в обществе. Его объективный анализ может не оказать никакого влияния на действия относительно проблемы и вследствие этого не иметь реального отношения к ней. Эти наблюдения свидетельствуют о необходимости исследовать процесс, посредством которого общество рассматривает, определяет свои социальные проблемы и обращается с ними. Исследователи социальных проблем очевидно игнорировали этот процесс, поскольку в социологической теории он не рассматривается.

Третье крайне спорное допущение, составляющее основание традиционной ориентации социологов в исследовании социальных проблем, заключается в том, что данные, полученные в результате исследования объективной структуры социальной проблемы, наделяют общество надежными и эффективными средствами ее решения. Все, что необходимо или следует сделать обществу, это обратить внимание на представленные данные и следовать той логике действий в отношении проблемы, которую эти данные подсказывают. Однако это допущение

во многом является абсурдным. Оно игнорирует или искажает то, каким образом действует общество в отношении социальных проблем. Социальная проблема всегда является средоточием различных, подчас конфликтующих интересов, намерений и целей. Именно взаимодействие этих интересов и целей определяет то, каким образом общество действует в отношении какой-либо социальной проблемы. Фокус социологического описания объективной структуры данной проблемы находится далеко за пределами указанного взаимодействия. Эта удаленность социологического исследования от реального процесса действий общества в отношении его проблем является главной причиной неэффективности социологического изучения социальных проблем.

Отмеченные выше недостатки имеют принципиальный характер, однако их критика является лишь началом необходимой полноценной критики традиционного социологического подхода к социальным проблемам. Вместе с тем они служат ключом и, следовательно, прологом к развитию того тезиса, что социальные проблемы являются результатом процесса коллективного определения. Этот процесс обуславливает возникновение социальных проблем, то, каким образом они представляются, подход к ним и их рассмотрение, форму разрабатываемого официального плана решения проблемы и трансформацию этого плана в ходе его осуществления. Короче говоря, процесс коллективного определения детерминирует развитие и судьбу социальных проблем от начальной точки их возникновения до конечного пункта существования. Проблемы существуют прежде всего в этом процессе коллективного определения, а не являются некой объективной сферой опасности. Неспособность признать этот факт является, на мой взгляд, фундаментальным недостатком социологического исследования и социологического знания социальных проблем.

Для того, чтобы понять возникновение, развитие и судьбу социальных проблем в рамках процесса коллективного опреде-

ления, необходимо рассмотреть механизм последнего. На мой взгляд, данный процесс включает в себя пять стадий: 1) возникновение социальной проблемы, 2) легитимация проблемы, 3) мобилизация действия в отношении проблемы, 4) формирование официального плана действия и 5) трансформация официального плана в ходе его эмпирического осуществления.

Возникновение социальных проблем

Социальные проблемы являются результатом не существенных сбоев в функционировании общества, а процесса определения, в ходе которого данное условие отбирается и идентифицируется как социальная проблема. Социальная проблема не существует для общества до тех пор, пока общество не признает, что она существует. Не осознавая социальную проблему, общество не воспринимает ее, не обращается к ней, не обсуждает ее и ничего не предпринимает. Проблемы просто нет. Необходимо, следовательно, рассмотреть, каким образом возникают социальные проблемы. Несмотря на решающее значение этого вопроса, он, в сущности, игнорировался социологами.

Грубой ошибкой было бы полагать, что любое вредное социальное условие в обществе автоматически становится социальной проблемой для этого общества. История изобилует примерами ужасных социальных условий, не замечаемых в тех обществах, в которых они возникали. Внимательные наблюдатели, использующие стандарты какого-либо общества, могут заметить существование вредных условий в другом обществе, абсолютно не воспринимаемых как проблемы членами последнего. Далее, индивиды, проницательные в отношении своего общества или наделенные в результате своего опыта страданий способностью воспринимать определенные социальные условия своего общества как вредные, могут быть бессильны в том, чтобы пробудить какое-либо общественное беспокойство относительно этих условий. Кроме того, данные социальные

условия могут игнорироваться в один период времени и, совершенно не изменившись, стать предметом глубокого беспокойства – в другой. Подобного рода примеры настолько часто встречаются, что не требуют документального подтверждения. Большая часть наблюдений и размышлений ясно показывает, что признание обществом социальных проблем является крайне избирательным процессом, при этом многие вредные социальные условия не удостоиваются никакого внимания, а другие оказываются на обочине зачастую жестокой конкурентной борьбы. Многие проблемы находятся на пути к социетальному признанию, но лишь некоторые из них достигают конца этой “воронки”.

Можно предположить, что исследователи социальных проблем должны почти автоматически считаться с необходимостью изучать процесс, посредством которого данные социальные условия признаются в качестве социальных проблем. Однако в общем и целом социологи либо не видят эту необходимость, либо не считают с ней. Социологические трюизмы, такие, как “восприятие социальных проблем зависит от идеологий или традиционных убеждений”, практически ничего не говорят нам о том, что общество избирает в качестве своих социальных проблем и каким образом это происходит. Вряд ли проводились какие-либо исследования, и накоплено ничтожно мало сведений о роли агитации в достижении признания проблемы; роли насилия в обретении такого признания; действиях заинтересованных групп, ожидающих получения материальных выгод в результате перевода некоего условия на уровень проблемы (таких, как полиция в случае с современной проблемой преступности и наркомании); роли политических деятелей в провоцировании беспокойства относительно одних проблем и снижении беспокойства относительно других; роли влиятельных организаций и корпораций в том же процессе; беспомощности групп, не обладающих властью, в привлечении внимания к тому, что они считают проблемами; роли средств массовой

коммуникации в отборе социальных проблем; роли случайных, шокирующих общественность событий.

Существует огромная область, требующая исследования в том случае, если мы хотим разобраться в простом, но фундаментальном вопросе: каким образом возникают социальные проблемы.

Легитимация социальных проблем

Социетальное признание дает жизнь социальной проблеме. Но для того, чтобы социальная проблема развивалась и не гибла, едва родившись, она должна получить социальную легитимность. Рассуждение о том, что социальные проблемы должны быть легитимированы, может показаться странным. Тем не менее, после первоначального признания социальная проблема должна получить социальную поддержку (endorsement) для того, чтобы восприниматься серьезно и продвигаться в своем развитии. Социальная проблема должна приобрести необходимую степень респектабельности, дающую ей право быть рассматриваемой на признанных аренах общественного обсуждения. В нашем обществе такими аренами являются пресса, другие средства массовой коммуникации, церковь, школа, гражданские организации, законодательные собрания и места сосредоточения должностных лиц (бюрократии). Если социальная проблема не имеет мандата респектабельности, необходимого для выхода на такие арены, то она обречена. Не следует думать, что признание данного социального условия опасным некоторыми людьми – теми, кто действительно обращает на него внимание посредством агитации, – означает, что проблема прорвется на арену общественного рассмотрения. Напротив, проблема, о которой говорят, может считаться незначительной, не заслуживающей рассмотрения, соответствующей обычному порядку вещей и, таким образом, не требующей вмешательства; необходимость ее решения может быть

признана противоречащей порядку приоритетности рассмотрения проблем, а само ее существование может расцениваться как кликушество подозрительных или разлагающих общество элементов. Любое из этих условий может помешать уже возникшей проблеме приобрести легитимность. Если социальная проблема не в состоянии получить легитимность, то она “застревает” и “чахнет” за пределами арены общественного действия.

Мне хочется подчеркнуть, что из широкого множества социальных условий, признаваемых вредными различными группами людей, легитимности достигают относительно немногие. Здесь мы вновь сталкиваемся с избирательным процессом, в ходе которого одни развивающиеся социальные проблемы отрицаются, другие игнорируются, третьим приходится пробиваться к респектабельному статусу, четвертые продвигаются к легитимности посредством сильной и влиятельной поддержки. Мы очень мало знаем об этом избирательном процессе, который должны пройти социальные проблемы для того, чтобы достичь стадии легитимности. Разумеется, такой переход не обуславливается лишь степенью важности данной социальной проблемы. Он также не обуславливается ни предшествующим состоянием общественного интереса или знания, ни так называемыми общественными идеологиями. Данный избирательный процесс гораздо сложнее, чем предполагают эти простые и тривиальные идеи. Очевидно, многие факторы, которые влияют на признание социальных проблем, продолжают действовать и в отношении легитимации последних. Ясно, однако, что существуют и другие благоприятные факторы, благодаря которым социальные проблемы получают едва уловимое качество социальной респектабельности. Мы многого не знаем об этом процессе, поскольку он практически не исследовался. Безусловно, этот вопрос является важнейшим, и его нельзя обходить стороной в исследованиях социальных проблем.

Мобилизация действия

Если социальная проблема прошла стадии социетального признания и социальной легитимации, то она вступает в новую стадию своего развития. Проблема теперь становится объектом обсуждения, полемики, различных описаний и разнообразных требований. Те, кто стремится к изменениям в связи с данной социальной проблемой, сталкиваются с теми, кто пытается защищать интересы истеблишмента в этой области. Завышенные требования и искаженные описания, содействующие интересам истеблишмента, становятся общераспространенным явлением. Посторонние, чье отношение к данной ситуации является косвенным, вносят свои чувства и образы в построение проблемы. Обсуждение, защита, оценка, фальсификация, отвлекающая тактика и выдвижение предложений – все это имеет место в сообщениях средств массовой коммуникации, в стихийных и организованных митингах, в работе законодательных палат и т. д. Все это составляет стадию мобилизации общества в отношении социальной проблемы. Едва ли необходимо указывать, что судьба социальной проблемы в значительной степени зависит от того, что произойдет в ходе процесса мобилизации. Как определяется проблема, как она изменяется под влиянием пробудившегося общественного чувства, как она изображается с целью защиты интересов истеблишмента и как она отражает роль стратегических позиций и власти – все это неизбежные вопросы, говорящие о важности процесса мобилизации действия.

Как мне представляется, исследователи социальных проблем обходят вниманием и эту стадию процесса коллективного определения. В основном наше знание о ней исходит от исследователей общественного мнения. Тем не менее, их вклад фрагментарен и крайне неадекватен прежде всего вследствие отсутствия детального эмпирического анализа данного процесса. Исследования общественного мнения очень мало говорят о

том, каким образом определенные социальные проблемы выживают в этих столкновениях, и как они переопределяются для того, чтобы выжить. Точно так же они почти ничего не говорят нам о том, как “отмирают” другие социальные проблемы, постепенно исчезающие именно на данной стадии. Исследователи, не замечающие этой решающей стадии в развитии (“карьере”) социальных проблем, представляются мне крайне близорукими.

Формирование официального плана действия

На этой стадии карьеры социальных проблем формируется решение общества относительно того, как действовать в отношении данной проблемы. Данная стадия включает в себя составление официального плана действий так, как это происходит в парламентских комитетах, законодательных палатах и исполнительных органах. Официальный план почти всегда является результатом согласования различных взглядов и интересов. Компромиссы, уступки, сделки, подчинение влиянию, реакция на власть и обсуждение того, что может быть осуществлено, – все это оказывает влияние на конечную формулировку. Это процесс определения и переопределения в концентрированной форме, который включает в себя формирование, переработку и исправление коллективного образа социальной проблемы, вследствие чего результат может в значительной степени отличаться от того, как представлялась проблема на ранней стадии своей карьеры. Предписанный официальный план сам по себе составляет официальное определение проблемы; он отражает то, каким образом общество воспринимает проблему посредством своего официального аппарата, и как оно намерено действовать в отношении проблемы. Подобные замечания тривиальны, тем не менее, они указывают на ход процесса определения, который имеет важное значение для судьбы проблемы. Разумеется, эффективное исследование социальных проблем должно включать в себя изуче-

ние того, что происходит с проблемой в ходе этого определения официального действия.

Осуществление официального плана

Предполагать, что официальный план и его осуществление на практике суть одно и то же, значит не считаться с фактами. На практике в ходе своего воплощения этот план всегда в некоторой (часто – в значительной) степени модифицируется, переформулируется, причем иногда непредвиденным образом. Этого и следует ожидать. Осуществление плана возвещает начало нового процесса коллективного определения. Оно закладывает основы формирования новых линий действия со стороны тех, кто вовлечен в проблему, и тех, кого затронул данный план. Люди, которым угрожает опасность утраты существующих преимуществ, стараются ограничить реализуемый план или направить его в другую сторону. Те же, кто выигрывает в результате осуществления этого плана, могут стремиться использовать новые возможности. Еще один вариант заключается в том, что обе группы могут вырабатывать новые, не предусмотренные планом компромиссные соглашения. Административный персонал склонен подменять своей политикой политику официальную, лежащую в основании плана. Часто разрабатываются различного рода секретные приемы, которые оставляют незатронутыми центральные области социальной проблемы или трансформируют другие области таким способом, который никогда не предполагался официально. Такого рода приемами, блокированиями, непредусмотренными дополнениями и непреднамеренными трансформациями, о которых я говорю, изобиловали многие попытки осуществления официальных планов на практике. Подобные следствия бросались в глаза при осуществлении восемнадцатой поправки [к Конституции США, т. е. “сухого закона” – прим. переводчика]. Они заметны в случае с деятельностью органов социального контроля

в нашей стране. Они должны просматриваться в случае с большинством новых законодательных программ, предназначенных справиться с проблемой преступности. Я не вижу более важного, менее понятного и менее исследованного аспекта общей области социальных проблем, чем аспект непредвиденной и непреднамеренной перестройки области социальной проблемы, происходящей при осуществлении официального плана действия. Я не могу понять, почему исследователи социальных проблем (как в своих исследованиях, так и при построении своих теорий) позволяют себе игнорировать эту решающую стадию в существовании социальных проблем.

Я надеюсь, что мое описание пяти стадий в карьере социальных проблем показывает необходимость развития новых перспектив и подходов в социологическом исследовании социальных проблем. Размещение социальных проблем в контексте процесса коллективного определения представляется мне совершенно необходимым. Именно этот процесс детерминирует признание существования проблемы и необходимости ее рассмотрения; он определяет и то, каким образом она должна рассматриваться, что должно быть сделано, и как она перестраивается при попытках контроля над ней. Социальные проблемы обретают существование, развитие и свой удел в этом процессе. Игнорирование данного процесса может вести к получению лишь фрагментарного знания и мнимой картины социальных проблем.

Мои рассуждения не следует толковать как отрицание значения традиционного подхода социологов к теме социальных проблем. Знание объективной составляющей социальных проблем (что является целью такого подхода) необходимо для устранения неведения или неверной информации относительно этой составляющей. Тем не менее, такое знание является крайне неадекватным как в отношении действий, так и в отношении развития социологической теории. Относительно действий знание объективной составляющей социальной проблемы имеет значение только в той степени, в какой оно участвует

в процессе коллективного определения, определяющем судьбу социальной проблемы. В этом процессе такое знание может игнорироваться, искажаться или подавляться другими соображениями. Не требует доказательств, на мой взгляд, и то, что социологи, стремящиеся к улучшению условий с помощью своих исследований, должны более тщательно изучать и более адекватно понимать процесс коллективного определения, посредством которого происходят изменения. С точки зрения социологической теории, знание объективной составляющей социальных проблем в сущности бесполезно. Оно бесполезно потому, что, как я пытался показать, социальные проблемы относятся не к объективным областям, на которые они лишь указывают, а к процессу их рассмотрения и определения в обществе. Все эмпирические данные, которые я мог найти, несомненно ведут к этому заключению. Я бы приветствовал любые данные, противоречащие ему. Социологи, которые стремятся разрабатывать теорию социальных проблем и при этом исходят из посылки, что социальные проблемы свойственны некоторого рода объективной социальной структуре, неправильно понимают мир. Относить социальные проблемы к предполагаемым структурным напряжениям, нарушениям равновесия социальной системы, дисфункциям, распаду социальных норм, конфликту социальных ценностей или отклонению от социального конформизма означает невольное перенесение в область предполагаемой социальной структуры того, что является частью процесса коллективного определения. Как я уже говорил, ни одно из этих понятий не способно объяснить, почему одни эмпирические примеры, охватываемые данными понятиями, становятся социальными проблемами, а другие – нет. Это объяснение следует искать в процессе коллективного определения. Если социологическая теория стремится быть обоснованной в своем знании эмпирического мира социальных проблем, то она должна обращать внимание на природу этого мира и считаться с ней.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

Понятие “социальная проблема” находится в странном положении в социологической науке: хотя “социальные проблемы” – это название стандартного предмета, предлагаемого студентам на первых курсах университетов, социологи редко используют данный термин в качестве ключевого в рамках своих исследований. Это понятие применяется в отношении очень большого числа разнообразных явлений, таких, как аборты, преступность, бедность, расизм, перенаселенность и т. д. Любое определение, способное охватить все социальные условия, классифицируемые как социальные проблемы, становится слишком аморфным для того, чтобы обладать аналитической ценностью. Конструкционизм был разработан в качестве теоретического подхода, позволяющего разрешить данную проблему.

Корни конструкционизма

Несмотря на то, что с позиций здравого смысла социальная проблема представляется объективно существующим социальным условием – изъяном в социальном устройстве, – оказывается невозможным определить данный термин, не обращаясь к субъективным оценкам – ощущениям людей, что какое-либо условие является социальной проблемой. Критики отмечали проблематичность объективистских определений данного понятия задолго до того, как слово “конструкционизм” стало модным. Например, еще Р. Фуллер и Р. Майерс утверждали:

* Best, Joel. *Social problems* // *Handbook of symbolic interactionism* / Ed. by L. T. Reynolds, N. J. Herman-Kinney. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2003. P. 981–996. Copyright © 2003 by AltaMira Press. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения Джоела Беста и издательства AltaMira Press.

«Социальные проблемы – это то, что люди считают социальными проблемами, и если условия не определяются как социальные проблемы теми людьми, которых данные проблемы касаются, они не являются проблемами для этих людей, хотя могут быть проблемами для других, например, для ученых»¹. С подобной критикой периодически выступали отдельные социологи. Так, Г. Блумер утверждал: «Социальная проблема существует прежде всего с точки зрения определения и восприятия в обществе, не являясь объективным условием с определенной объективной структурой»². Однако такая критика традиционного объективистского подхода к социальным проблемам, какой бы обоснованной она ни была, не способствовала проведению исследований, базирующихся на каком-либо ином, альтернативном подходе. Для этого необходим был новый аналитический поворот к идее социальной конструкции.

П. Бергер и Т. Лукман³ использовали понятие “социальная конструкция” для обозначения процесса, посредством которого люди придают миру смысл. Впоследствии данное понятие стало использоваться в различных отраслях социологии, включая исследования социальных проблем. В 1970-е гг. были опубликованы несколько статей М. Спектора и Дж. Китсьюза, развивавших теорию социальных проблем. Итогом этой теоретической работы стала книга «Конструирование социальных проблем»⁴. Спектор и Китсьюз использовали идею социальной конструкции для переориентации внимания социологов на субъективный характер социальных проблем. Т. е. вместо выявления объективных качеств, общих для различных условий, которые определяются как социальные проблемы, Спектор и Китсьюз утверждают, что общим для них является всего лишь сам ярлык “социальная проблема”. Условие становится социальной проблемой, когда оно конструируется – признается, идентифицируется, именуется – в качестве социальной проблемы. Спектор и Китсьюз обозначают данный процесс как “выдвижение утверждений-требований” (*claims-making*); они

определяют социальные проблемы как «деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий»⁵. Таким образом, они утверждают, что исследование социальных проблем должно сосредотачиваться не на самих условиях, а на дефиниционных процессах, в результате которых те или иные условия начинают идентифицироваться в качестве проблематичных. Понятие «социальное конструирование социальных проблем» обозначает, следовательно, процессы, посредством которых определенные социальные условия становятся предметом общественного беспокойства.

Конструкционистский подход не требует от социологов отказа от изучения объективных условий. Аналитики, интересующиеся, скажем, бедностью, могут по-прежнему стремиться определить число бедных или выявить причины бедности или как-то еще исследовать бедность как социальное условие. Однако конструкционисты утверждают, что понимание бедности как *социальной проблемы* требует иного подхода. В самой природе бедности нет ничего, что делало бы ее социальной проблемой; во многих обществах бедность воспринималась как нечто само собой разумеющееся, как естественная часть социального порядка, т. е. не считалась социальной проблемой. Бедность становится социальной проблемой только тогда, когда люди определяют ее как вызывающую беспокойство, когда они заявляют о том, что она проблематична. Например, «война с бедностью», которая началась в США в 1960-е гг., сделала бедность предметом более пристального внимания, т. е. более заметной социальной проблемой.

Хотя термины «*социальная конструкция*» и «*выдвижение утверждений-требований*» были введены в социологию социальных проблем М. Спектором и Дж. Китсьюзом, в 1970-е гг. предпринимались и другие попытки разработать субъективистские подходы к социальным проблемам. Следует указать, в

частности, на статью Г. Блумера «Социальные проблемы как коллективное поведение»⁶ и книгу А. Мосса «Социальные проблемы как социальные движения»⁷. Все эти аналитики считали, что социология социальных проблем должна развиваться посредством кейс-стади. Все они разрабатывали также модели естественной истории (natural history), т. е. типичных стадий развития социальных проблем. С конца 1970-х гг. стали появляться статьи, представляющие результаты кейс-стади – исследований конкретных социальных проблем⁸. Вскоре были опубликованы первые монографии⁹. К концу столетия конструкционистская литература включала в себя сотни кейс-стади, а также все более сложные и тонкие теоретические разработки¹⁰.

Отчасти этот растущий интерес к социальным проблемам отражал изменения, происходившие в других социологических отраслях. Так, 1960-е гг. были временем расцвета исследований девиантности, связанного с развитием теории “наклеивания ярлыков”. Однако к середине 1970-х гг. поток новых теоретических идей в рамках этого направления иссяк, одновременно теоретики “наклеивания ярлыков” были подвергнуты критике за неспособность должным образом оценить значение власти и политики¹¹. Некоторые ученые, такие, как Дж. Китсьюз и Дж. Гасфилд, ранее занимавшиеся исследованиями девиантности, обратились к социологии социальных проблем. В то же время изучение социальных движений – до этого периода тихая заводь в рамках социологической дисциплины – оживилось благодаря растущему интересу к движениям за гражданские права, антивоенным и студенческим движениям и стало сферой новых теоретических разработок и исследовательской активности. Исследования конструирования социальных проблем часто сосредоточивались на усилиях активистов того или иного движения привлечь внимание к игнорируемым социальным условиям. В частности, в работах о мобилизации ресурсов¹² и фрейминге¹³ изучались вопросы об организации движений и риторике, сходные с вопросами конструкционистского анализа.

Таким образом, развитию нового направления – исследований конструирования социальных проблем – способствовали как спад интереса к изучению девиантности, так и возросшее внимание к анализу социальных движений.

Теоретические споры

Сразу после своего появления конструкционизм стал подвергаться критике. Сторонники традиционных объективистских подходов к изучению социальных проблем настаивали на том, что социологам следует по-прежнему изучать условия, обычно называемые социальными проблемами, вместо анализа процессов, в результате которых эти условия начинают рассматриваться как проблематичные¹⁴. Другие критики утверждали, что конструкционизм игнорирует тех, кто не обладает властью, позволяющей привлекать внимание к своим утверждениям-требованиям¹⁵.

Однако наиболее серьезная критика прозвучала со стороны С. Вулгара и Д. Полач¹⁶, утверждавших, что конструкционистская аргументация неизбежно связана с “онтологическими подтасовками”. Употребляя это выражение, они имели в виду следующее: конструкционистские аналитики делают вид, что не касаются социальных условий и сосредотачиваются на утверждениях-требованиях, тогда как в действительности их анализ основывается на допущениях о социальных условиях. Так, в рамках обычной конструкционистской аргументации время А (до выдвижения утверждений-требований, например, до того, как жестокое обращение с детьми стало считаться социальной проблемой) может противопоставляться времени Б (после того, как утверждения-требования сконструировали новую социальную проблему, в данном случае жестокое обращение с детьми). Конструкционистские аналитики, утверждают Вулгар и Полач, обычно исходят, по крайней мере неявно, из допущения о том, что условие, относительно которого выдвигаются утвер-

ждения-требования, не изменилось (т. е. дети подвергались жестокому обращению и во время А, и во время Б). Другими словами, допущения о социальных условиях (например, понимание того, что ситуация с жестоким обращением с детьми не изменилась) имеют существенное значение для конструкционистской аргументации; аналитики не ограничиваются – не могут ограничиваться – сосредоточением исключительно на утверждениях-требованиях.

Критики Вулгара и Полач привела к расколу в конструкционистском лагере. Некоторые социологи – *строгие конструкционисты* – сочли эту критику обоснованной; они утверждали, что аналитики действительно не должны делать никаких допущений о социальных условиях, ограничиваясь только изучением утверждений-требований¹⁷. *Контекстуальные конструкционисты*, напротив, настаивали на том, что социологическое исследование неизбежно вплетено в социальный контекст, т. е. отделить утверждения-требования от людей, которые их выдвигают, от арен, на которых это происходит, или от аудиторий, которые реагируют на эти утверждения-требования, короче говоря, от их контекста, невозможно¹⁸. На практике зависимость аналитиков от языка – в свою очередь встроенного в социальный контекст – означает, что любой социологический анализ должен основываться на некоторых допущениях о социальной жизни.

Возникающая подчас терминологическая путаница является результатом распространения понятия “*социальная конструкция*” в рамках целого ряда дисциплин за пределами социологии¹⁹. Ученые, работающие в этих сферах, часто неправильно используют данный термин для обозначения ложных или ошибочных идей. Этой путанице способствуют аналитики, иллюстрирующие процесс социального конструирования примерами сомнительных утверждений-требований. Например, популярность такого примера социально сконструированной проблемы, как ритуальное насилие в рамках сатанистского культа²⁰, отражает тот факт, что каких-либо данных, обосновывающих обес-

покоенность по этому поводу, крайне мало. Отсутствие убедительных данных о том, что такое насилие имеет место, обнажает процесс социального конструирования и подчеркивает его значимость²¹. Важно понимать, что все знание – и подкрепленное весомыми данными, и почти неподкрепленное эмпирически – возникает и распространяется в процессе социального конструирования. Бедность – это такая же социальная конструкция, как и сатанистское ритуальное насилие.

Главные темы конструкционистских исследований

Если первые модели естественной истории чрезмерно упрощали процессы возникновения и развития социальных проблем, то дальнейшие конструкционистские исследования позволили очертить общую последовательность такого развития: от появления утверждений-требований и их распространения до создания, осуществления и оценки социальной политики.

Утверждения-требования и риторика

Все утверждения-требования представляют собой попытку убедить некоторую аудиторию в существовании определенной социальной проблемы; утверждения-требования, таким образом, являются формой риторики²². Ответ на вопрос о том, что составляет убедительную риторику, меняется в зависимости от времени и места выдвижения утверждений-требований, однако конструкционистские исследования позволили выявить набор элементов, характерных для многих современных утверждений-требований. Социальные проблемы часто иллюстрируются с помощью типизирующих примеров, обычно представляющих проблему в мелодраматическом виде – показывающих ужасные страдания жертв, бесчеловечность “злодеев” и т. д. Такого рода примеры соседствуют со статистическими данными, обычно характеризующими проблему как значительную и рас-

тущую²³. Определения социальных проблем являются, как правило, достаточно широкими (подтверждая тем самым статистические данные). Во многих случаях определения ориентированы на классификацию проблемы; например, в процессе *медиализации* проблема представляется в качестве болезни, которая требует лечения, осуществляемого профессиональными медиками²⁴. Важнейшее место в рамках утверждений-требований обычно занимают объяснения, идентифицирующие причины проблемы. Кроме того, риторика конструирования социальных проблем должна содержать своего рода обоснование (*warrant*), объясняющее посредством обращения к ценностям, почему социальное условие следует считать проблематичным. Почти всегда утверждения-требования включают в себя выводы и рекомендации, указывающие, как следует обращаться с проблемой, а также призывы к действию. Данные элементы образуют своего рода “рецепт”; аргументация, составленная из них, может убедить многих людей в том, что проблема существует и заслуживает внимания и действия. Большинство современных социальных проблем представляет собой некоторую комбинацию этих риторических элементов.

Эффективные утверждения-требования задействуют культурные ресурсы²⁵. Каждая культура содержит идеи, символы, мотивы, ценности и другие элементы, которые могут использоваться для выдвижения убедительных утверждений-требований. Конструирование новых социальных проблем часто происходит посредством переработки привычных элементов: старые образы детской невинности, эпидемического заболевания, несправедливости, заговора девиантов и тому подобное могут использоваться при выстраивании новых тревог. Новые утверждения-требования могут основываться на уже устоявшихся проблемах; знание традиционных форм угрозы детям или виктимизации женщин облегчает привлечение внимания к новым аналогичным проблемам. Кроме того, со временем область многих проблем расширяется: вначале они определяются в отношении наибо-

лее тяжелых (хотя и менее распространенных) случаев, а впоследствии их определения становятся более широкими, охватывая множество других, менее серьезных случаев. Так, посттравматический стресс первоначально определялся как достаточно редкое состояние, испытываемое ветеранами ожесточенных боевых действий, однако впоследствии этот диагноз стал распространяться на сексуальную виктимизацию, стрессы, связанные с работой, и множество других травм²⁶.

Определения социальных проблем зависят от риторического выбора²⁷. Изнасилование может быть представлено как сексуальное преступление или преступление, связанное с насилием²⁸. Бедность может рассматриваться как явление, в основе которого находятся структурные неравенства, существующие в обществе, или как результат безответственности бедных. Истории многих социальных проблем – это истории изменения конструкций, вытеснения прежнего понимания новыми утверждениями о причинах проблемы. При этом волны интенсивного внимания и беспокойства сменяются периодами относительно безразличия²⁹.

Индивиды и группы, выдвигающие утверждения-требования

Выбор риторических элементов зависит от людей, выдвигающих утверждения-требования³⁰. Многие социальные проблемы конструируются активистами социальных движений. Поскольку активисты обычно не обладают влиятельными связями с должностными лицами, определяющими и осуществляющими социальную политику, социальные движения используют демонстрации и другие тактические приемы для привлечения внимания к социальным условиям, которыми пренебрегают чиновники. Группы давления представляют собой организации с более прочными связями с официальными структурами; они могут использовать этот доступ с целью лоббирования своих

интересов. Утверждения-требования могут выдвигаться официальными лицами и правительственными органами, привлекающими внимание к социальным проблемам в сфере своей компетенции. Наконец, процесс выдвижения утверждений-требований может быть инициирован экспертами; ученые, врачи и другие авторитетные специалисты также могут идентифицировать социальные проблемы.

Выдвижение утверждений-требований может иметь различный масштаб. Некоторые хорошо разрекламированные кампании способствуют продвижению национальных или даже международных вопросов; другие имеют локальный характер, ограничиваясь отдельной организацией или каким-либо городом. Однако даже те вопросы, которые первоначально конструировались широко и абстрактно, должны быть трансформированы в конкретные, локальные утверждения-требования³¹. Выдвижение утверждений-требований – это конкурентный процесс: существует множество арен, в рамках которых могут конструироваться социальные проблемы (например, газетные площади, время, отведенное для телевизионных выпусков новостей, слушания в городских советах или парламентских комитетах), однако способность каждой арены “обрабатывать” утверждения-требования является ограниченной, вследствие этого индивидам и группам, выступающим с проблематизирующей риторикой, приходится конкурировать за часть общественного внимания³².

Многие из тех, кто выдвигает утверждения-требования, имеют свои интересы (*vested interests*) в этом процессе. Активисты могут извлекать выгоду из своих движений и участвовать в кампаниях непосредственно с целью улучшения своего положения. Кампании, осуществляемые группами давления, делают их более заметными и влиятельными в глазах как общественности, так и людей, определяющих политику. Чиновники обычно способствуют принятию предложений, увеличивающих их ресурсы или расширяющих сферу их властных полномочий.

Так, ФБР способствовало росту обеспокоенности серийными убийствами для того, чтобы обеспечить поддержку программе развития национальной системы сбора данных³³. Подобным образом эксперты повышают свою значимость, играя ключевые роли в конструировании социальных проблем, как это было, например, когда детские рентгенологи занимали лидирующие позиции в выдвижении утверждений-требований относительно жестокого обращения с детьми³⁴. В ходе многих кампаний по конструированию социальных проблем заключаются союзы между людьми, выдвигающими утверждения-требования, основанные на совместных интересах. Например, эксперты могут получать финансирование и признание со стороны официальных лиц, тогда как последние выигрывают, заручаясь авторитетным мнением³⁵. Хотя риторика конструирования социальных проблем обычно преуменьшает такую заинтересованность, лишь немногие из тех, кто выдвигает утверждения-требования, полностью альтруистичны.

Успешное выдвижение утверждений-требований может привести к “приватизации” социальной проблемы. Т. е. конструирование проблемы – ее масштаба, причин, решений и т. д. – может принести широкое признание людям, выдвигающим утверждения-требования³⁶. Когда возникают новые вопросы о какой-либо проблеме, люди обращаются за интерпретацией к ее “собственникам”. “Собственность” такого рода даже активистов превращает из аутсайдеров в инсайдеры: она трансформирует социальные движения в группы давления. “Собственники” обретают влияние; они обнаруживают, что в их власти расширить сферу “своей” проблемы или даже сконструировать новую³⁷. Сохранение и расширение выгод, получаемых в результате владения проблемой, становится важным вопросом для многих из тех, кто выдвигает утверждения-требования.

Конструирование социальных проблем начинается с первичных утверждений-требований³⁸. Медиа могут инициировать конструирование социальной проблемы, например, посредством журналистских расследований, но чаще они распространяют утверждения-требования активистов или кого-либо другого из выдвигающих первичные утверждения-требования. При этом медиа транслируют и трансформируют последние таким образом, чтобы они соответствовали канонам (conventions) медиа-репрезентаций. В случае с прессой это означает представление утверждений-требований в качестве новостей; в случае с развлекательными медиа утверждения-требования, конструирующие проблему, становятся темами ток-шоу, сюжетами телесериалов и т. д. Как пресса, так и развлекательные медиа основываются на определенных канонах или формулах: ожидается, что новости должны быть сбалансированы, насыщены фактическим материалом и объективны; свои требования свойственны и развлекательным жанрам.

Утверждения-требования, конструирующие социальную проблему, должны соответствовать этим канонам; как новостные, так и развлекательные медиа отдают предпочтение утверждениям-требованиям, которые могут быть представлены в виде убедительных нарративов, соответствующих формулам жанра³⁹. Представление социальных проблем медиа определяется ресурсами последних: провести кампанию по конструированию социальной проблемы легче из медиа-центров, таких, как Нью-Йорк и Лос-Анджелес, нежели из мест с более ограниченными медиа-ресурсами. Медиа, таким образом, реконструируют социальные проблемы во вторичные утверждения-требования.

Представление социальных проблем медиа может расширить пределы досягаемости утверждений-требований; некоторые медиа-аудитории насчитывают десятки миллионов человек. Однако можно легко преувеличить влияние медиа; получе-

ние сообщений, содержащих утверждения-требования, не означает их принятие. Неверно утверждать, что члены аудитории некритически принимают все сообщения, передаваемые медиа. Тем не менее, изменение уровня внимания медиа может повлиять на представления общественности о социальных проблемах. Криминологи признают, что большая часть волн преступности, моральных паник и страхов по поводу наркотиков отражает в большей степени изменения уровня внимания со стороны медиа, нежели рост криминальной активности, употребления наркотиков или масштабов других социальных условий, вызывающих беспокойство⁴⁰.

Для того, чтобы привлечь внимание аудитории, сообщения медиа должны обладать новизной. Утверждения-требования о новых социальных проблемах, а также новые утверждения-требования о знакомых проблемах являются “сырьем” как для информационных программ, так и для популярной культуры. Такие утверждения-требования могут вызвать волны внимания со стороны медиа, идеальные для попадания данного вопроса в поле зрения общественности, однако предпочтение, отдаваемое медиа новым темам, означает, что как только проблема привлекает к себе повышенное внимание медиа, последние обычно начинают поиск других, более свежих тем, даже несмотря на то, что проблема по-прежнему существует⁴¹.

Распространение медиа, прежде всего рост числа кабельных телеканалов и возникновение Интернета, отражает переход от масс-медиа, ориентированных на широкую гетерогенную аудиторию, к медиа, нацеленным на узкие гомогенные рынки⁴². Это означает, что многие утверждения-требования циркулируют только в определенных сегментах населения, а те, кто конструирует социальные проблемы, используют различную риторику для различных аудиторий. Лишь относительно небольшое число утверждений-требований достигает всего населения.

Реакция общественности на утверждения-требования

Предположение о том, что представление социальных проблем медиа автоматически влияет на общественное мнение, чрезмерно упрощает действительность. Индивиды интерпретируют первичные и вторичные утверждения-требования и перерабатывают их в свое (“popular”) понимание социальных проблем. Хотя социологи чаще всего пытаются измерить реакции общественности посредством обследований общественного мнения, опросы обычно сводят сложную картину понимания ситуации респондентами к ответам типа “за” и “против” на простые вопросы. Альтернативный подход заключается в изучении третичных утверждений-требований, выдвигаемых обычными людьми в рамках фокус-групп⁴³ или в форме фольклора: рассказываемых друг другу историй, анекдотов (jokes), карикатур (cartoons) и т. д.

Утверждения-требования, выдвигаемые в настоящее время, часто становятся темами современных легенд (историй, которые рассказываются так, словно они имели место в действительности, часто в форме «это случилось с другом моего друга») или циклов анекдотов (joke cycles), представляющих собой ряд анекдотов на общую тему⁴⁴. Фольклор предполагает определенный уровень интереса людей; истории и шутки должны быть достаточно захватывающими для того, чтобы их запомнили и повторяли. Фольклор часто содержит предупреждения об опасностях современной жизни, такие, как истории о ритуалах посвящения в члены шайки через совершение убийства, страшных новых видах преступлений, умышленной передаче ВИЧ и тому подобном. Поскольку фольклор сводит социальные проблемы к коротким развлекательным историям и шуткам, их образность способствует упрощению сложных вопросов, превращая их в мелодрамы. В данном случае “злодеи” со скверными помыслами безжалостно эксплуатируют наивных и невинных жертв. Фольклор распространяется посредством суще-

ствующих социальных сетей. Так, легенды или шутки, содержащие определенные конструкции социальных проблем (часто критические по отношению к обществу в целом), распространяются среди афро-американцев⁴⁵, геев-мужчин⁴⁶ и в других меньшинствах. Поскольку существование фольклора зависит от его способности быть запоминающимся и легко повторяемым, его изучение позволяет прояснить понимание социальных проблем обычными людьми.

Итак, выдвижение утверждений-требований можно рассматривать как процесс, обычно начинающийся с относительно сложных первичных утверждений-требований, основанием которых является четко выраженная политическая или социальная идеология активистов или профессиональное экспертное знание. Медиа трансформируют их в более простые, идеологически менее нагруженные вторичные утверждения-требования, соответствующие определенным жанровым критериям. Наконец, осмысление данной риторики людьми ведет к формированию третичных утверждений-требований, еще более сжатых и упрощенных. В зависимости от того, какие утверждения-требования рассматриваются, мы можем иметь дело с различными конструкциями какой-либо социальной проблемы.

Утверждения-требования и социальная политика

Авторами большинства работ о социальной политике являются представители политической науки, сосредоточивающиеся на деятельности законодательных учреждений, бюрократий и других правительственных органов. Конструкционистский анализ предполагает переориентацию внимания исследователей, а именно изучение той роли, которую играют в формировании социальной политики представления о социальных проблемах.

Традиционные социологические объяснения формирования политики подразделяются, как правило, на объяснения, основанные на идее ценностей, – представляющие политику как отражение социетального консенсуса относительно общих ценностей, – и модели, основанные на идее интересов, – предполагающие, что политика формируется с целью реализации интересов групп, обладающих властью. Оба подхода указывают на важные аспекты формирования политики: риторика, оправдывающая новую политику, почти всегда подкрепляется ссылкой на широко распространенные ценности, тогда как различия во власти облегчают продвижение и осуществление той или иной политики. Между тем в политической науке растет число работ о конструировании политики, т. е. о том, как дефиниции проблем и другие утверждения-требования определяют процесс формирования политики⁴⁷. Кроме того, социологи политики стали уделять больше внимания манипулированию символами в рамках данного процесса.

Законодательные учреждения и другие органы формирования политики являются привлекательным местом для людей, выдвигающих утверждения-требования, – продвигающих свои определения проблем и предлагающих решения. Ключевые вопросы в данном случае таковы: какие утверждения-требования окажут влияние на ход формирования политики; какие вопросы займут приоритетные позиции в “повестке дня” людей, формирующих политику; какой вариант действий в отношении проблемы будет выбран из существующих альтернатив.

Если исследования конструирования социальных проблем обычно сосредотачиваются на роли активистов и социальных движений в привлечении общественного внимания к некоторым вопросам, то исследования конструирования социальной политики часто высвечивают значение утверждений-требований, выдвигаемых инсайдерами – чиновниками и заинтересованными

ми группами, составляющими государственное устройство, т. е. теми, кто, как правило, обладает возможностями влиять на формирование политики⁴⁸. В отличие от кампаний по выдвижению утверждений-требований, осуществляемых аутсайдерами и нацеленных на то, чтобы привлечь внимание медиа и вызвать обеспокоенность общественности, деятельность инсайдеров, понимающих, как воздействовать на процесс формирования политики, обычно менее заметна. Инсайдерами могут быть чиновники; так, нынешняя обеспокоенность жестоким обращением с детьми является результатом целенаправленных усилий по документированию проблемы физического насилия, предпринимавшихся Бюро охраны детства США⁴⁹. Подобным образом, Бюро по защите гражданских прав США (U.S. Office of Civil Rights) сыграло ключевую роль в том, чтобы вопрос о правах людей с ограниченными возможностями оказался в федеральной повестке дня⁵⁰. Хорошо развитые заинтересованные группы, такие, как Национальная ассоциация развития расовых меньшинств или Национальная стрелковая ассоциация, имеют своих лоббистов, прочные связи которых с законодателями и другими чиновниками обеспечивают им больший доступ к формированию политики и большее влияние на этот процесс по сравнению с активистами социальных движений, находящимися вне государственного аппарата.

Хотя утверждения-требования привлекают внимание к определенным проблемам, процесс формирования политики определяется также наличием предложений по осуществлению тех или иных мер⁵¹. Часто конкурирующие утверждения-требования представляют проблему по-разному, что ведет к столкновению различных планов по ее решению. Различные предложения пользуются поддержкой различных органов и заинтересованных групп; обычно те, кто продвигает определенную политику, надеются реализовать свои собственные интересы (например, какое-либо агентство может выступать за принятие определенной программы, которую оно будет осуществ-

лять, используя увеличенный бюджет). Совокупность организаций и идей, ориентированных на проведение политики в какой-либо области, составляет определенную сферу политики (policy domain)⁵². Конкуренция внутри какой-либо сферы может привести к поиску поддержки со стороны медиа и общественности (во многом так же, как это происходит при конструировании социальных проблем), кроме того, она может потребовать заключения политических союзов для продвижения определенных предложений. Обычно сферы политики эволюционируют с течением времени – по мере вхождения в сферу новых групп, появления новых определений проблем и новых предложений по поводу политики, изменения представлений о причинах и возможных вариантах решения проблем. Этот процесс чаще имеет форму постепенного развития, нежели резких сдвигов⁵³.

На процесс формирования политики влияют также политические соображения⁵⁴. Новая администрация может сосредоточиться на сокращении или расширении масштабов правительственных программ. Какое-либо драматическое событие может привлечь внимание медиа к определенной социальной проблеме и сделать ее предметом беспокойства со стороны общественности, в результате те, кто формирует политику, скорее всего поспешат заняться данной темой, хотя до этого времени они могли и не считать ее приоритетной.

Работа с социальными проблемами

После того, как политика объявлена, наступает время ее осуществления. Это работа “бюрократов уличного уровня”: офицеров полиции, социальных работников и других индивидов, которые сталкиваются с реальными ситуациями и должны принимать решения о том, является ли какая-либо ситуация примером определенной социальной проблемы, и какой может быть надлежащая реакция.

В данном случае конструкционистский анализ пересекается с другими областями социологических исследований, в частности, с полевыми исследованиями процесса “наклеивания ярлыков”, которым занимаются полиция и другие должностные лица. Законодательный орган может принять закон об уголовной ответственности за сексуальное преследование (stalking), однако каждый индивид, считающий внимание другого индивида назойливым, должен решить, является ли данное поведение примером сексуального преследования. В свою очередь, офицеры полиции должны выслушивать жалобы, принимать решение о том, какая из них соответствует сфере уголовной ответственности, и арестовывать (и таким образом наклеивать ярлык на) индивидов за совершение актов сексуального преследования. Такого рода действия конструкционисты называют “работой с социальными проблемами” (social problems work)⁵⁵. (Работой с социальными проблемами занимаются не только профессионалы; жертвы, очевидцы и медиа также решают, когда применять обозначение “социальная проблема”, однако ярлыки, наклеиваемые профессионалами, имеют особенно ощутимые последствия).

Свобода действий и неопределенность играют ключевую роль в работе с социальными проблемами⁵⁶. Ситуации и события не обязательно точно соответствуют определенным категориям. “Работники с социальными проблемами” постоянно должны принимать решения: этот случай является примером социальной проблемы, а этот нет; в этом случае наилучшим вариантом будут формальные действия, а в других лучше действовать неформально или ничего не предпринимать и т. д. Обозначение некоторого поведения или некоторой ситуации в качестве социальной проблемы имеет важные последствия. Работники с социальными проблемами активно применяют социологическое воображение, поскольку классификация какого-либо случая как примера социальной проблемы предполагает извещение индивидов, вовлеченных в данную ситуацию (в ка-

честве правонарушителя, жертвы или как-либо еще), о том, что эта конкретная “личная трудность” относится к более широкой “общественной проблеме”. Исследования работы с социальными проблемами позволили сформулировать важные вопросы в ряде областей, такие, как “наклеивание ярлыков” на неговорчивых или недееспособных правонарушителей⁵⁷, обучение женщин, подвергающихся физическому насилию, реинтерпретировать эмоциональный кризис как виктимизацию⁵⁸, информирование клиентов профессионального обучения об их ограниченном выборе⁵⁹ и т. д.

Оценка политики

Социология социальных проблем неизменно сосредоточивается на вопросах, вызывающих беспокойство и заставляющих людей выдвигать утверждения-требования. Так и исследователи, анализирующие оценку политики, склонны уделять особое внимание критикам, которые заявляют, что проводимая политика является провальной, ошибочной, неэффективной и т. д. Успешная социальная политика редко представляет собой безупречные решения, обладающие немедленным эффектом, скорее она ведет к постепенному улучшению ситуации (например, в США на протяжении последних десятилетий число автомобильных аварий со смертельным исходом на миллион проеханных миль автодорог постепенно сокращалось благодаря сочетанию таких факторов, как производство более надежных автомобилей, более безопасное устройство дорог и др.).

Ключевым вопросом для конструкционистов является вопрос о конструкциях социальной политики. Критика политики может быть связана с перфекционизмом, однако ожидания того, что проводимая политика полностью устранит социальные проблемы, почти всегда ведут к разочарованию. Другой вид риторики включает в себя утверждения о безотлагательности; те, кто их выдвигает, заявляют о том, что ситуация является критической, что-то должно быть сделано немедленно и что люди,

определяющие политику, должны объявить проблеме “войну”. Некоторые утверждения-требования отражают заинтересованность собственников проблемы в поддержании высокого уровня обеспокоенности ею; если “их” проблема исчезнет, то же самое может произойти с их влиянием. Таким образом, те, кто выдвигает утверждения-требования, стремятся к расширению масштабов “своей” проблемы, призывая предпринять новые или более широкие усилия по изменению ситуации.

Утверждения-требования, призывающие проводить определенную политику, часто становятся объектом критики. Призывы к незамедлительному решению, такие, как заявления о критическом положении дел или “войне с социальной проблемой”, обычно порождают нереалистичные ожидания или ведут к расходованию ресурсов на “экстренные меры”, не пригодные для эффективного обращения с проблемой в долгосрочной перспективе⁶⁰. По мнению аналитиков, во многих случаях утверждения-требования о природе социальной проблемы (и о легкости, с какой она может быть устранена) способствуют проведению политики, которая впоследствии скорее всего будет определяться как неудачная.

В то же самое время, когда социальная политика становится мишенью для критики, выдвижение утверждений-требований, которое привело к проведению данной политики, порождает инерцию⁶¹. Адвокаты проводимой политики и те, кто обладает собственными интересами в ее сохранении, включая инициаторов конструирования социальной проблемы, медиа и тех, кто вовлечен в осуществление политики в качестве работников с социальной проблемой, вероятнее всего будут ее защищать. Часто такого рода защитники утверждают, что любые недостатки, свойственные политике, являются следствием нехватки ресурсов: если бы законы были жестче, бюджет больше, а работники с социальной проблемой многочисленнее, политика, говорят они, была бы успешной. Хотя изредка происходят резкие из-

менения в политике (например, отмена “сухого закона”), защитники обычно обеспечивают неизменность существующего курса.

Направления дальнейших исследований

Ранние конструкционистские теоретические разработки предписывали исследователям изучать истории социальных проблем, в результате чего большинство конструкционистских исследований представляло собой кейс-стади. Типичный исследовательский проект сосредоточивается на роли конкретных действующих лиц на конкретных стадиях конструирования какой-либо современной проблемы. Получающаяся в результате картина конструирования социальной проблемы обычно является более тонкой и сложной по сравнению с той схемой, которая описывалась в ранних теоретических работах. Тем не менее, необходимым условием для дальнейшего развития конструкционизма является выход за пределы узких рамок кейс-стади.

Сравнительные и исторические исследования

Большинство конструкционистских исследований сосредоточивается на современных Соединенных Штатах, при этом данные работы в основном касаются социальных проблем, пользующихся общенациональным вниманием. Эту закономерность легко понять: конструкционизм появился в рамках американской социологии, а американским социологам проще всего изучать современные проблемы в своей собственной стране, кроме того, библиотеки, как правило, собирают и хранят указатели национальных источников (например, национальных журналов и крупнейших газет, документов федерального правительства, новостей теле- и радиокompаний). Впрочем, существуют и исключения: исследования социальных проблем, конструируемых в других странах или в определенной местности, а также конструировавшихся в прошлом.

Конструирование социальных проблем определяется культурой и социальной структурой, свойственными данной социальной среде. Культура и социальная структура, варьирующиеся в зависимости от места и времени, формируют контекст, в рамках которого люди выдвигают и реагируют на утверждения-требования. Исторические и сравнительные исследования, сопоставляющие возникновение и развитие социальных проблем в разных местах и в разное время, позволяют выявить влияние таких культурных и структурных различий. Одни и те же социальные проблемы могут конструироваться по-разному в различных социальных условиях⁶², при этом на вид странные утверждения-требования могут иметь смысл при рассмотрении в их собственном контексте⁶³.

Распространение

Другое направление дальнейших исследований, связанное с предыдущим, предполагает анализ распространения конструкций социальных проблем. В США легче инициировать процесс выдвижения утверждений-требований из медиа-центров, таких, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Вашингтон⁶⁴. Медиа распространяют конструкции социальных проблем из этих центров к периферии: городам регионального значения и глубинке (heartland).

Социальные проблемы распространяются также, пересекая международные границы⁶⁵. Процесс распространения предполагает наличие объекта (в данном случае утверждений-требований), отправителей (тех, кто распространяет утверждения-требования), получателей и каналов, связывающих отправителей и получателей. Условием успешного распространения утверждений-требований обычно является достаточное сходство отправляющего и принимающего обществ, наделяющее утверждения-требования (о том, что некоторое социальное условие существует, обладает определенными характеристиками, должно считаться проблематичным и т.д.) риторической

властью в обоих обществах, а также существование каналов передачи утверждений-требований от одного к другому. В целом социальные проблемы легче всего распространяются между обществами, члены которых говорят на одном и том же языке: коммуникация в данном случае облегчается благодаря новостным передачам, общей популярной культуре, контактам между коллегами по социальным движениям и профессионалами, занимающимися работой с социальными проблемами.

Обычно утверждения-требования, выдвигаемые в Соединенных Штатах, которые обладают влиятельными новостными и развлекательными медиа, имеющими аудитории во многих странах, распространяются на другие англоговорящие нации, такие, как Канада и Великобритания. Менее типичным является распространение американских утверждений-требований в странах, не говорящих на английском языке, таких, как Франция, или распространение в США утверждений-требований, выдвигаемых в других странах.

Неконструируемые или будущие проблемы

Целью большинства конструкционистских исследований является объяснение возникновения и развития определенных проблем, при этом лишь немногие исследователи пытаются понять безуспешность некоторых утверждений-требований. Например, Р. Столингз⁶⁶ отмечает, что широкомасштабное выдвижение утверждений-требований об опасности землетрясений и необходимости защитных мер, которым занимались эксперты и официальные лица, было относительно безуспешным в плане формирования социальной политики. Другие исследователи⁶⁷ указывают на то, что опасность кофеина для здоровья не вызывает значительного беспокойства, тогда как риск, связанный с употреблением никотина, определяется в качестве значительной социальной проблемы.

В целом конструкционисты избегают задавать вопросы о том, почему некоторые проблемы остаются несконструированными, и какие проблемы могут конструироваться в будущем. Такие темы, как представляется, предполагают признание приоритета объективных условий, поскольку аналитик должен идентифицировать некоторые условия в качестве заслуживающих по той или иной причине более интенсивного или, по крайней мере, более успешного выдвижения утверждений-требований. Тем не менее, такого рода вопроса важны. Вообразите социолога-конструкциониста в 1960 г., когда движение за гражданские права еще не завладело вниманием нации, а вопросы об освобождении женщин, правах геев и многие другие, ныне привычные, были еще за пределами повестки дня. Разве стремление аналитика оценить потенциал конструирования различных социальных проблем было бы неразумным? Современные аналитики предлагают ретроспективные объяснения успешного роста некоторых движений, указывающие на активистов, мобилирующих ключевые ресурсы, на изменения медиа-практик, сдвиги в культуре и т. д. Существует ли какая-либо причина для того, чтобы не проецировать подобные модели на будущее и не обращаться к вопросу о потенциале успешного выдвижения утверждений-требований в отношении различных социальных проблем?

Значение конструкционизма

Интерес социологов к социальным условиям, называемым социальными проблемами, традиционно сосредоточивался на природе этих условий, их размерах, образцах, причинах и т. д. Эти вопросы были и остаются легитимными, важными темами для социологического исследования. Однако, поскольку эти условия были столь различны, термин “социальные проблемы” вряд ли мог быть чем-то большим, нежели общим ярлыком, неопределенным концептуальным одеялом, охватывающим

огромное аналитическое пространство. Конструкционизм сужает эту сосредоточенность до того, что объединяет эти разнообразные условия, – процесса определения условий в качестве социальных проблем – и стремится объяснить его.

Конструирование социальных проблем – это сложный процесс выдвижения убедительных утверждений-требований, которые создаются и распространяются некоторой группой индивидов, привлекающих внимание, вызывающих беспокойство со стороны медиа, общественности и тех, кто определяет политику, и способствующих принятию определенных мер. На каждой стадии этого процесса происходит приписывание и согласование смысла; конструирование социальных проблем, таким образом, есть важная форма символического взаимодействия.

В настоящее время конструкционизм является хорошо развитым, признанным направлением в социологии социальных проблем. Его дальнейшее развитие зависит от способности аналитиков расширить поле своего внимания, выйти за пределы кейс-стади посредством сравнительного анализа, а также изучения распространения социальных проблем и других процессов, охватывающих множество случаев. При условии такого развития конструкционистский анализ социальных проблем может и дальше оставаться продуктивной ареной для интеракционистских исследований.

Примечания

¹ **Fuller, Richard C., Richard R. Myers.** The natural history of a social problem // American sociological review. 1941. Vol. 6. P. 320.

² **Blumer, Herbert.** Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 300.

³ **Berger, Peter L., Thomas Luckmann.** The social construction of reality. Garden City, NY: Doubleday, 1966.

⁴ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

⁵ Ibid. P.75.

- ⁶ **Blumer, Herbert.** Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 298–306.
- ⁷ **Mauss, Armand L.** Social problems as social movements. Philadelphia: Lip-pincott, 1975.
- ⁸ **Pfohl, Stephen J.** The discovery of child abuse // Social problems. 1977. Vol. 24. P. 310–323; **Rose, Vicki McNickle.** Rape as a social problem // Social prob-lems. 1977. Vol. 25. P. 75–89.
- ⁹ **Gusfield, Joseph R.** The culture of public problems. Chicago: University of Chicago Press, 1981; **Wiener, Carolyn L.** The politics of alcoholism. New Bruns-wick, NJ: Transaction, 1981.
- ¹⁰ **Loseke, Donileen R.** Thinking about social problems. 2nd ed. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
- ¹¹ **Sumner, Colin.** The sociology of deviance. New York: Continuum, 1994.
- ¹² **McCarthy, John D., Mayer N. Zald.** Resource mobilization and social move-ments // American journal of sociology. 1977. Vol. 82. P. 1212–1241.
- ¹³ **Benford, Robert D., David A. Snow.** Framing processes and social move-ments // Annual review of sociology. 2000. Vol. 26. P. 611–639.
- ¹⁴ **Jones, Brian J., Joseph A. McFalls Jr., Bernard J. Gallagher.** Toward a uni-fied model for social problems theory // Journal for the theory of social behaviour. 1989. Vol. 19. P. 337–356.
- ¹⁵ **Collins, Patricia Hill.** The social construction of invisibility // Perspectives on social problems. 1989. Vol. 1. P. 77–93.
- ¹⁶ **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // Social problems. 1985. Vol. 32. P. 214–227.
- ¹⁷ **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse.** Vernacular constituents of moral discourse: an interactionist proposal for the study of social problems // Constructionist contro-versies: issues in social problems theory / Ed. by G. Miller, J. A. Holstein. Haw-thorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 21–54.
- ¹⁸ **Best, Joel.** But seriously folks: the limitations of the strict constructionist inter-pretation of social problems // Constructionist controversies: issues in social prob-lems theory / Ed. by G. Miller, J. A. Holstein. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 109–127.
- ¹⁹ **Hacking, Ian.** The social construction of what? Cambridge, MA: Harvard Uni-versity Press, 1999.
- ²⁰ **Richardson, James T., Joel Best, David G. Bromley** (eds.) The satanism scare. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1991.
- ²¹ **Best, Joel.** The apparently innocuous ‘just’, the law of levity, and the social problems of social construction // Perspectives on social problems. 2000. Vol. 12. P. 3–14.
- ²² **Best, Joel.** Threatened children. Chicago: University of Chicago Press, 1990; **Gusfield, Joseph R.** Op. cit.; **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse.** Op. cit.
- ²³ **Best, Joel.** Damned lies and statistics. Berkeley: University of California Press, 2001.
- ²⁴ **Conrad, Peter.** Medicalization and social control // Annual review of sociology. 1992. Vol. 18. P. 209–232.

- ²⁵ **Best, Joel.** Random violence. Berkeley: University of California Press, 1999.
- ²⁶ **Scott, Wilbur J.** The politics of readjustment. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.
- ²⁷ **Loseke, Donileen R.** Thinking about social problems. 2nd ed. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
- ²⁸ **Rose, Vicki McNickle.** Op. cit.
- ²⁹ **Jenkins, Philip.** Moral panic. New Haven, CT: Yale University Press, 1998; **Jenkins, Philip.** Mystics and Messiahs. New York: Oxford University Press, 2000.
- ³⁰ **Loseke, Donileen R.** Thinking about social problems. 2nd ed. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
- ³¹ **Mann, Ruth M.** Who owns domestic abuse? Toronto: University of Toronto Press, 2000.
- ³² **Hilgartner, Stephen, Charles L. Bosk.** The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94, № 1. P. 53–78.
- ³³ **Jenkins, Philip.** Intimate enemies. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1992.
- ³⁴ **Pfohl, Stephen J.** Op. cit.
- ³⁵ **Best, Joel.** Random violence. Berkeley: University of California Press, 1999.
- ³⁶ **Gusfield, Joseph R.** Op. cit.; **Mann, Ruth M.** Op. cit.
- ³⁷ **Jenness, Valerie, Kendal Broad.** Hate crimes. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1997.
- ³⁸ **Best, Joel.** Threatened children. Chicago: University of Chicago Press, 1990; **Best, Joel.** Random violence. Berkeley: University of California Press, 1999.
- ³⁹ **Lowney, Kathleen S.** Baring our souls. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1999; **Nichols, Lawrence T.** Social problems as landmark narratives // Social problems. 1997. Vol. 44. P. 324–341.
- ⁴⁰ **Fishman, Mark.** Crime waves as ideology // Social problems. 1978. Vol. 25. P. 531–543; **Jenkins, Philip.** Synthetic panics. New York: New York University Press, 1999; **Goode, Erich, Nachman Ben-Yehuda.** Moral panics. Cambridge, MA: Blackwell, 1994.
- ⁴¹ **Downs, Anthony.** Up and down with ecology – the “issue-attention cycle” // Public interest. 1972. Vol. 28. P. 38–50.
- ⁴² **Best, Joel.** Social progress and social problems // Sociological quarterly. 2001. Vol. 42. P. 1–12.
- ⁴³ **Sasson, Theodore.** Crime talk. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1995.
- ⁴⁴ **Fine, Gary Alan.** Manufacturing tales. Knoxville: University of Tennessee Press, 1992; **Dundes, Alan.** Cracking jokes. Berkeley, CA: Ten Speed, 1987.
- ⁴⁵ **Turner, Patricia A.** I heard it through the grapevine. Berkeley: University of California Press, 1993; **Fine, Gary Alan, Patricia A. Turner.** Whispers on the color line. Berkeley: University of California Press, 2001.
- ⁴⁶ **Goodwin, Joseph P.** More man than you'll ever be. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- ⁴⁷ **Edelman, Murray.** Constructing the political spectacle. Chicago: University of Chicago Press, 1988; **Rochefort, David A., Roger W. Cobb.** (eds.) The politics of problem definition. Lawrence: University Press of Kansas, 1994.

- ⁴⁸ **Kingdon, John W.** Agendas, alternatives, and public policies. New York: HarperCollins, 1984.
- ⁴⁹ **Nelson, Barbara J.** Making an issue of child abuse. Chicago: Chicago University Press, 1984.
- ⁵⁰ **Scotch, Richard K.** From good will to civil rights. Philadelphia: Temple University Press, 1984.
- ⁵¹ **Kingdon, John W.** Op. cit.
- ⁵² **Burstein, Paul.** Policy domains // Annual review of sociology. 1991. Vol. 17. P. 327–350.
- ⁵³ **Burstein, Paul, Marie Bricher.** Problem definition and public policy // Social forces. 1997. Vol. 75. P. 135–169.
- ⁵⁴ **Kingdon, John W.** Op. cit.
- ⁵⁵ **Holstein, James A., Gale Miller.** Social constructionism and social problems work // Reconsidering social constructionism / Ed. by J. A. Holstein, G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 151–172; **Miller, Gale, James A. Holstein** (eds.) Social problems in everyday life. Greenwich, CT: JAI Press, 1997.
- ⁵⁶ **Loseke, Donileen R.** Thinking about social problems. 2nd ed. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
- ⁵⁷ **Holstein, James A.** Court-ordered insanity. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.
- ⁵⁸ **Loseke, Donileen R.** The battered woman and shelters. Albany: State University of New York Press, 1992.
- ⁵⁹ **Miller, Gale.** Enforcing the work ethic. Albany: State University of New York Press, 1991.
- ⁶⁰ **Best, Joel.** Random violence. Berkeley: University of California Press, 1999; **Lipski, Michael, Steven Rathgeb Smith.** When social problems are treated as emergencies // Social service review. 1989. Vol. 63. P. 5–25.
- ⁶¹ **Becker, Howard S.** The power of inertia // Qualitative sociology. 1995. Vol. 18. P. 301–309.
- ⁶² **Jenkins, Philip.** Intimate enemies. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1992; **Jenkins, Philip.** Moral panic. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
- ⁶³ **Fine, Gary Alan.** Scandal, social conditions, and the creation of public attention // Social problems. 1997. Vol. 44. P. 297–323; **Fine, Gary Alan, Lazaros Christoforides.** Dirty birds, filthy immigrants, and the English sparrow war // Symbolic interaction. 1991. Vol. 14. P. 375–393.
- ⁶⁴ **Best, Joel.** Random violence. Berkeley: University of California Press, 1999.
- ⁶⁵ **Best, Joel** (ed.). How claims spread. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2001.
- ⁶⁶ **Stallings, Robert A.** Promoting risk. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1995.
- ⁶⁷ **Troyer, Ronald J., Gerald E. Markle.** Coffee drinking // Social problems. 1984. Vol. 31. P. 403–416.

**Питер Ибарра
Джон Китсьюз**

ДИСКУРС ВЫДВИЖЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЙ-ТРЕБОВАНИЙ И ПРОСТОРЕЧНЫЕ РЕСУРСЫ*

Введение

Малькольм Спектор и Джон Китсьюз в работе «Конструирование социальных проблем»¹ очертили инновационный подход к теории социальных проблем и их исследованию. Основываясь на работах Ричарда Фуллера и Ричарда Майерса², Герберта Блумера³ и других, они предложили направление исследования социальных проблем, в корне отличное от “объективистских” подходов, которые сосредоточивались на функционалистских и нормативных объяснениях социальных условий, считающихся обременительными (onerous) или дисфункциональными. Социальные проблемы рассматривались Спектором и Китсьюзом в контексте определенных видов активности членов общества. Предметом их особого интереса были методы, используемые людьми для определения (и институционализации) чего-либо в качестве социальной проблемы, поскольку именно эти методы и составляют в сущности сам феномен социальных проблем.

Спектор и Китсьюз отстаивали определенный взгляд на социальные проблемы, способствовавший осуществлению исследований на основе ряда теоретических вопросов. По их мнению, именно эти исследования могут быть с полным пра-

* Ibarra, Peter R., Kitsuse, John I. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by J.A. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 17–50. Copyright © 2003 by Aldine Publishers. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения Питера Ибарры и издательства AldineTransaction, отделения Transaction Publishers.

вом названы социологией социальных проблем. Основопологающим моментом была критика нестрогого и часто логически непоследовательного использования понятия “социальные проблемы” в качестве аналитической категории социологической науки. Спектор и Китсьюз проанализировали основные “программные заявления” с позиций объективистских подходов и обнаружили, что под рубрикой “социальные проблемы” обычно объединялись ad hoc самые разные социальные условия (например, проституция и преступность). При этом само понятие социальных проблем использовалось без какой-либо теоретической строгости и определенности. «Понятие “социальные проблемы” никогда не использовалось для обозначения какого-либо особого набора условий, процессов или видов активности. Применение данного термина к условиям, определяемым в качестве дисфункциональных, не имеет никакого смысла. Дает ли что-либо при исследовании девиантного поведения его обозначение в качестве социальной проблемы? Углубляется ли наше понимание преступности или бедности, если мы называем их социальными проблемами?»⁴.

Вместо нормативно-функционалистской концепции социальных проблем⁵ Спектор и Китсьюз предложили интерпретативную⁶, ориентированную на выяснение того, «что люди, как представляется, знают и используют»⁷ в различении и выражении тех явлений, которые вызывают недовольство в их коллективной жизни. Спектор и Китсьюз отмечают, что их «формулировка не является конкурирующей версией общепринятого предмета социологии социальных проблем». «Мы выступаем за то, чтобы считать предметом социологии социальных проблем совершенно другое»⁸. В их работе представлена исследовательская программа, сосредоточенная на том, каким образом социальные проблемы конституируются социальными взаимодействиями, определяемыми как «выдвижение утверждений-требований».

Последовательный перевод теоретической позиции, сформулированной Спектором и Китсьюзом, в эмпирическую плоскость предполагает проведение различия между точками зрения социолога и участника (*member*). Точка зрения участника используется всякий раз, когда *кто-либо* предлагает или оспаривает обозначение предполагаемого поведения или предполагаемых процессов как “отвратительных” (“*offensive*”), относительно которых что-то должно быть сделано, т. е. когда имеет место «выдвижение утверждений-требований и реакция на него»⁹. Согласно нормативной концепции, социологи “объективно” (т. е. независимо от обычных участников) решают, следует ли отнести “социальное условие” к категории социальных проблем, часто ссылаясь при этом на несоответствие между ценностями и нормами общества и данным социальным условием. При таком подходе дефинициональные аспекты несущественны, внимание к ним – это не более чем пролог к рассмотрению “более важных” вопросов о масштабе, причинах и последствиях ныне помазанной социальной проблемы. Согласно конструкционистской концепции, социолог рассматривает/интерпретирует участников как мыслящих субъектов, играющих активную роль в конструировании социальных условий (или “предполагаемых условий”) как моральных объектов. В рамках данного подхода дефинициональная активность имеет первостепенное значение в качестве предмета исследования: предпочтение отдается интерпретирующим практикам участников, поскольку социальные проблемы с этой точки зрения возможны исключительно как то, что конституируется их активностью. Соответственно, эти два подхода совершенно по-разному решают вопрос об *основаниях* (*warrant*), которыми обладают участники для придания своему опыту и действиям рационального, осмысленного характера. В то время как представители традиционного подхода принимают роль “экспертов”, вынося суждения о “рациональности”, “ценности”, “осмысленности” и т. д. формулировок социальных проблем участников или от-

существовании таковых, конструкционист исследует, *каким образом* участники производят эти основания во взаимодействии друг с другом, наотрез отказывая себе в такой привилегии.

Подход, предложенный Спектором и Китсьюзом, требует сохранения позиции “рациональности изнутри”¹⁰, что неизменно вызывает затруднение исследователей, выражающих симпатии в отношении конструкционизма. О непреходящем характере этого затруднения свидетельствует продолжительность так называемой “полемики между объективистами и субъективистами”, определявшей комментарии по поводу конструкционистского подхода в середине 1980-х гг.¹¹ Дальнейшему росту теоретической значимости вопроса об объективном и субъективном способствовало Джоел Бест¹², который, будучи конструкционистом, предложил проводить различие между тем, что он называл “контекстуальным” и “строгим” конструкционизмом¹³. Лоренц Хазелриг критиковал конструкционистскую формулировку как “внутренне противоречивую”¹⁴, а Стив Вулгар и Дороти Полач утверждали, что конструкционисты вразрез с заявляемыми ими аналитическими посылками впадают в объективизм, поскольку, рассматривая социальные проблемы, претерпевающие процесс смены определений, они исходят из допущения о неизменности социального условия, относительно которого выдвигаются утверждения-требования¹⁵.

Однако при внимательном прочтении работы Спектора и Китсьюза становится очевидно, что объяснение «изменчивости определений в противопоставлении с постоянством определяемых условий»¹⁶ *не является* целью конструкционистской теории. Данная теория направляет внимание исследователя на процесс выдвижения утверждений-требований, *принимая как данность и считая отправной точкой* описания предполагаемых условий и утверждения об их проблематичном характере, т. е. определения участников. С этой методологической позиции формулируется ряд вопросов о данном процессе: каким образом возникают и с течением времени изменяются эти

определения, как они выражают различные представления участников о “проблеме”, каким образом они продавливаются в качестве утверждений-требований и на кого оказывается это давление, какие ресурсы мобилизуются, в свете каких ограничений и факторов и т. д. Конструкционистская концепция процесса выдвижения утверждений-требований *принимает конструкции предполагаемых условий, создаваемые участниками, как “объекты в мире” (“objects in the world”)*, которые можно исследовать как “продукты” коммуникационного процесса, а их долговечность, распространение, “обоснованность” и “объективность” (определяемые традиционными способами социальной науки) не являются основанием для того, чтобы не рассматривать эти конструкции в качестве предмета исследования социальных проблем.

Неточность языка, используемого нами для осмысления нашего предмета, увеличивает трудности, с которыми сталкиваются конструкционисты. Само понятие “*социальная проблема*” является проблематичным. Согласно формулировке Спектора и Китсьюза, данное понятие служит как в качестве просторечного (употребляемого участниками), так и в качестве специального (употребляемого социологами) термина, что вызывает путаницу. Вследствие этого, когда социолог осмеливается судить о правильности или рациональности употребления участниками этого термина, строгий конструкционист обязан рассматривать позицию, скрытую за таким обращением с просторечным, как проявление собственного участия социолога. Анализ заключается в реконструкции просторечного (vernacular), а не в умалении его значимости или оставлении без объяснений. Таким образом, значение различия “участник/социолог-аналитик” основывается на конструкционистском взгляде, согласно которому участники заняты производством лингвистической продукции (конструкций первого порядка, если использовать терминологию Альфреда Шюца), которую социолог может в свою очередь сделать предметом теоретического (в противо-

положность практическому) рассмотрения (т. е. превратить в конструкции второго порядка). На социологическом языке *социальные проблемы – это социальные взаимодействия*, конституируемые аналитически парафразируемыми средствами, которые участники используют для формулирования, описания, интерпретации и воздействия на символически сконструированное и морально нагруженное intersubъективное существование. Задача социолога заключается в определении конфигурации свойственных участникам посылок, практик, категорий, чувств, конституирующих социальные проблемы как идиоматические продукты.

Если мы сменим точку зрения и встанем на позиции участников, то *социальные проблемы* предстают в ином свете. Участники *обычно* не называют социальными проблемами собственные акты определения и оценки; они не «опредмечиваются в разговоре» (“talked into being”)¹⁷. Скорее, социальные проблемы – это то, что вызывает их суждения¹⁸. Участие (membership) основывается, таким образом, на том, что Мелвин Полнер назвал «общераспространенной онтологией» (“mundane ontology”)¹⁹, предполагающей строгое разграничение объектов в мире, включая моральные объекты, исследуемые социологами, и людские восприятие, убеждения и идеи относительно них. Что придает законную силу, выражаясь идиоматически, процессу социальной проблемы, так это общераспространенная уверенность, что объекты и их свойства существуют независимо от их восприятия. Термин “предполагаемое условие”, который Спектор и Китсьюз рекомендовали использовать вместо термина “социальное условие”, указывает на то, что “реальное” существование условия не только непостижимо, но и не имеет большого значения для аналитика. Их предложение исследовать утверждения-требования “о” предполагаемых социальных условиях легко истолковывается как указание общераспространенного характера, по-прежнему основывающееся на онтологии, в рамках которой слова и вещи отделимы друг от дру-

га, т. е. на теории соответствия значения (correspondence theory of meaning). Такой взгляд на конструкционистское исследование способствует изучению предмета утверждений-требований, а не *типичных черт самого процесса выдвижения утверждений-требований*, порождая, таким образом, кейс-стади, посвященные курению, жестокому обращению с детьми, избиению жен, избыточному весу и т. д. Поскольку утверждения-требования участников основываются на обиходной теории соответствия значения, разделяемой социологами-позитивистами (действительно, от участников ожидается, что они выдвигают утверждения-требования о чем-то), конструкционистские кейс-стади социальных проблем рассматриваются и критически оцениваются такими социологами как конкурирующие объяснения изучаемых ими социальных условий. Вступая в этот диалог, конструкционисты невольно встают на позицию, идущую вразрез с принятыми ими методологическими обязательствами воздерживаться от того, чтобы каким-то образом выделять или ставить в привилегированное положение одни общераспространенные версии условия по отношению к другим.

Конструкционистская методологическая позиция предполагает проведение различия между *практическим* проектом участника и *теоретическим* проектом социолога. Первый предпринимает попытки изменить или отстоять некоторые аспекты социальной жизни, привлекая при случае социологов, тогда как последний в той степени, в какой она или он трансформирует используемые участником ресурсы в темы исследования, занимается теоретической реконструкцией просторечных (vernacular) оснований и составных частей дискурса социальных проблем. Если социологи не должны выходить за пределы позиции исследователей социальных проблем как конструкций участников, то нам следует воздерживаться от молчаливого признания привилегированного статуса, скажем, научной версии условия и вместо этого рассматривать эти описания точно так же, как и другие элементы языковой игры в социальные

проблемы²⁰. Подобным образом, вместо включения в наше теоретизирование “объяснений”, основанных на интересах или ценностях, нам следует вслед за Чарльзом Райтом Миллсом²¹ признать их просторечными проявлениями и исследовать их в этом качестве, например, изучать, каким образом высказывания тех, кто противодействует выдвиганию утверждений-требований, относительно мотивов тех, кто их выдвигает, могут способствовать изменению траекторий дискурса социальных проблем. Надлежащее рассмотрение процесса конструирования социальных проблем предполагает внимание как к тому, каким образом утверждения-требования одобряются (licensed) и выдвигаются, так и к тому, каким образом они вытесняются или дискредитируются; интерпретации мотивов тех, кто их выдвигает, могут касаться обоих процессов.

Проводимое Спектором и Китсьюзом различие между предполагаемым условием и социальным условием могло способствовать смешению различных слоев теоретического и общераспространенного дискурсов и вводить конструкционистов в соблазн построения положений, отражающих идиомы участников вместо их анализа. Контекстуалистская практика, обусловленная неопределенным онтологическим бременем, возложенным Спектором и Китсьюзом на предполагаемые условия, представляет собой узкое толкование конструкционистского проекта. Она слишком тесно связана с социологическим дискурсом, в рамках которого конструкционистам необходимо набирать очки в противостоянии с объективистской идеей, согласно которой условия сами по себе могут быть вредными. Термин “*предполагаемое условие*” воспринимался конструкционистами как посыл к трактовке главной аксиомы подхода («социальные проблемы конституируются выдвиганием утверждений-требований») в качестве *проекта* (proposition)²², что вело к проведению исследований, обращенных скорее к социальным условиям, нежели к социальным взаимодействиям. Это в свою очередь отвлекало внимание от типичных черт процесса вы-

движения утверждений-требований, доступных участникам в качестве участников, включенных в процесс социальных проблем. Таким образом, теоретическое развитие прекратилось, тогда как представители конструкционистского подхода оказались втянутыми в полемику с утверждениями-требованиями участников и социологов-позитивистов. Кроме того, “избирательный релятивизм” или “онтологические подтасовки”, на которые указывали критики (и которые, в нашем прочтении, являются актами предоставления более привилегированного статуса кажущимся более респектабельными описаниям и утверждениям-требованиям посредством их объективации (reifying)), прямо противоречат принципам конструкционистского анализа. Для того, чтобы избавиться от данного противоречия и обозначить новые направления теоретического развития, мы предлагаем заменить термин “*предполагаемое условие*” термином “*условие-категория*”.

Категории, а не условия

Условия-категории – это типизации социально определяемых (socially circumscribed) активностей и процессов – непрерывной классификации “обществом” его собственного содержания, – используемые в практических контекстах с целью производства значимых (meaningful) описаний и оценок социальной реальности. Они могут различаться уровнем абстрактности и конкретности (например, “насилие в школах” в отличие от “школьного хулиганства” или “озорства школьников-подростков”), но все они являются терминами, используемыми теми, кто выдвигает утверждения-требования, для обозначения предмета данных утверждений. Будучи элементами системы классификации, условия-категории являются прежде всего языковыми единицами. Исходным аналитическим вопросом является вопрос о том, каким образом данные термины разрабатываются в процессе развития моральных объектов, оправдывающих исполь-

зыемые средства или реакцию. Понятие “условия-категории” высвечивает символический и языковой характер деятельности по выдвиганию утверждений-требований и ориентирует нас на рассмотрение того, каким образом использование участниками определенных интеракциональных и дискурсивных стратегий – включая риторические и мыслительные (reasoning) идиомы – инициирует и составляет процесс социальных проблем.

Понимание с позиций здравого смысла как идиоматической компетентности, так и функции языка приглашает исследователя “отуземиться” (“go native”), т. е. имплицитно усвоить различие объекта и субъекта и рассматривать язык условий-категорий, используемый участниками, в качестве референтов независимо документируемых социальных условий. Но это не более, чем соблазн: прежде всего потому, что конструкционисты никогда не покидают область языка. Парафразирует ли конструкционист аргументы участников или фиксирует их действия в форме полевых записей, она или он всегда находится в области текстуального, и решающий момент заключается в том, является ли аналитик достаточно внимательным к тому, чтобы “схватить” категории участников²³. Участие в демонстрациях, обращение с жалобой, вызов полицейских, написание писем редактору, размещение своих требований на веб-сайте, обсуждение содержания вызывающего споры фильма – все это формы взаимодействия, вмещающие в себя конструкции участников. Их содержание может быть интересным на многих уровнях, представляя взгляды участников, как они есть, на условия-категории, людей-категории²⁴ и сам процесс выдвигания утверждений-требований.

Разработка условий-категорий наиболее заметна тогда, когда прямые и дополнительные значения обсуждаемого термина становятся предметом своего рода артикуляционного спора по поводу определения того, о чем “на самом деле” данная социальная проблема. Например, в случае с так называемой проблемой абортов²⁵ те, кто выдвигает утверждения-требования

со стороны противников аборт ("pro-life" side), изображают аборт как символ сексуальной вседозволенности или приравнивают его к убийству. Легализованные аборт, таким образом, выступают означаящим по отношению к более расплывчатому ощущению морального упадка. Являются ли аборт, убийство, распущенность или моральный упадок социальными условиями? Этот вопрос имеет *семантически* неопределенный характер, возможно даже, как сказали бы деконструкционисты, он "неразрешим". Утверждение, что социальным условием (предполагаемым или нет) является аборт как таковой, – это слишком значительное ограничение, поскольку сказать это означает упустить подтексты и символические ответвления ходов группы противников аборт в этой особой языковой игре в социальные проблемы. Подобным образом сторонники аборт ("pro-choice" side) представляют легализованный аборт символом борьбы женщин за "репродуктивные права", который сам по себе является означаящим по отношению к долгой битве за преодоление мужского господства над их "телами и самостями". О чем в таком случае проблема – о гендерном неравенстве, христианской нетерпимости, правом фанатизме или антиконституционализме? Идентифицировать аборт сам по себе как реальность интересующего условия (или «такого социального условия, как аборт») означает попытаться произвольно сдержать изменения смыслов и подтекстов, происходящие по мере продвижения участниками своих утверждений-требований, переопределения своей обеспокоенности, вступления в союз с одними группами, столкновения с другими, пересмотра своих стратегий и т. д. Мы считаем, что именно эта динамика является тем процессом, описанием и постижением которого должны заниматься теоретики социальных проблем.

Понятие "*социальные условия*", предполагающее, что объективные и повторяющиеся свойства имеют аналитическую значимость и представляют интерес (для социального конструкционизма), направляет наше внимание "не в ту сторону", уводя

нас от изменчивых и эмерджентных форм дискурса социальных проблем. Спектор и Китсьюз указывали на то, что процесс социальной проблемы – это своего рода игра, ходы в которой всегда подвержены интерпретации и переинтерпретации, цели и стратегии которой являются предметом полемики и пересмотра, игроки постоянно меняются, среда различна, а номинальные темы так же разнообразны, как и система классификации общества, обеспечивающая участников типизациями явлений, которые могут стать объектами восприятия и, следовательно, недовольства. (Сама система классификации также подвержена трансформациям по мере создания новых семантических различий и тождеств). Хотя данный процесс, выраженный в наиболее общем виде, имеет столь неопределенный характер, участники будут описывать языковую игру в социальные проблемы как «спор по поводу вопроса X» именно потому, что их участие основывается на общераспространенной онтологии. Выдвижение утверждений-требований отражает существенную обеспокоенность со стороны части участников, однако аналитически, находясь в рамках социологии социальных проблем, мы воспринимаем эти утверждения-требования как отражение взаимодействия между их моральными чувствами (*moral sensibilities*) и динамикой самого процесса.

Таким образом, дискурс социальных проблем имеет открытый характер, то, “о чем он” (*its “aboutness”*), зависит от направленности теоретизирования участников относительно морального порядка, включая выдвижение ими утверждений-требований и реакцию на них. Такая коммуникативная активность описывается как “языковые игры” для указания на то, что мы заинтересованы, главным образом, в понимании конститутивных (“создающих мир”) и стратегических измерений дискурсивных практик тех, кто выдвигает утверждения-требования, по обозначению моральных объектов для “общественности” (“*public*”), варьирующейся от друзей, соседей, должностных лиц до общины или некоторых обобщенных, не присутствующих здесь

и сейчас аудиторий. Мы обозначаем социальные проблемы как “идиоматическую продукцию” для того, чтобы подчеркнуть их статус в качестве достижений участников, а также то, что научные стандарты рациональности²⁶ не могут использоваться аналитиком для связного описания или разъяснения активности по выдвижению утверждений-требований.

Если бы необходимо было дать краткое описание феноменов, которые следует идентифицировать и теоретически реконструировать, то мы бы назвали их “просторечными ресурсами” (“vernacular resources”), используемыми при выдвижении утверждений-требований. Просторечные ресурсы – это традиционные средства, с помощью которых участники реализуют утверждения-требования. К ним могут относиться формы разговора, рамки интерпретации и контексты артикуляции в той степени, в какой они эффективно организуют и определяют дискурс социальных проблем участников. Иными словами, просторечные ресурсы включают в себя риторические идиомы, интерпретативные практики и особенности среды, отличающие выдвижение утверждений-требований как класс явлений и в то же время позволяющие дифференцировать примеры такого выдвижения.

Понимание такого взаимодействия между общим и специфичным в дискурсе социальных проблем имеет решающее значение для развития данного теоретического подхода. Каковы надлежащие компоненты теории социальных проблем? С нашей точки зрения, этот вопрос очень важен, и наша позиция заключается в том, что разработка теории *дискурса социальных проблем* – это гораздо более последовательный путь развития конструкционизма, чем разработка ряда отдельных теорий о социальном конструировании X, Y и Z. Развитие теории об условии X, при котором вопрос об онтологическом статусе X оставляется в стороне, ведет к “онтологическим подтасовкам” и “концептуальной путанице” (“conceptual knots”)²⁷, т. е. к теории с изъяном. Лучше заявить, что наш подход касается самого дискурса, посредством которого создаются моральные объекты как

объекты, к которым *адресуются* участники, даже тогда, когда последние считают, что эти объекты существуют независимо от выдвижения относительно них утверждений-требований. Теория социальных проблем объясняет различные возможные обстоятельства и факторы, формирующие эти социальные конструкции условий-категорий.

Данная концепция подходит для анализа отношений между *специфическими* чертами различных условий-категорий и их представлением в языковой игре в социальные проблемы. Этот подход явно противоречит благовидной объективации условия-категории, поскольку специфичность “условия” понимается с точки зрения его расположения в сети знаков, т. е. в языке. Точно так же не объективируется сам процесс выдвижения утверждений-требований, поскольку его черты представляются одновременно как *устоявшиеся* (conventional), *так и эмерджентные*, но не неизменные. Социальные проблемы, таким образом, понимаются как находящиеся “в игре”.

Риторика дискурса социальных проблем

Когда конструкционистское теоретизирование затемняет фундаментальное различие между просторечными ресурсами и аналитическими конструктами, это способствует неразборчивому смешению общераспространенного и теоретического взглядов, что помимо всего прочего ведет к уклонению от характерной задачи описания, поставленной Спектором и Китсьюзом. Так вот, “заклучение в кавычки” (“bracketing”) (т. е. воздержание от уверенности в “реальности” явления) всегда было рекомендуемой практикой при осуществлении исследования в конструкционистском стиле, и трудности, которые испытывали аналитики в следовании этой методологической установке, и послужили импульсом к написанию данного эссе. Мы хотели бы высветить приоритетное значение такого “заклучения в скобки” в предлагаемом разьяснении исследова-

тельской повестки дня, идентифицируя *риторику*²⁸ как изучаемую область в рамках проекта по развитию теории просторечных компонентов социальных проблем. Термин “*риторика*” делает очевидным то, что задача конструкционизма лежит в области не столько *референтных аспектов утверждений-требований*, сколько конститутивных техник и процессов, связанных с выдвижением утверждений-требований как таковых. Т. е. данный термин проясняет вопросы, связанные с принципом «социальные проблемы конституируются выдвижением утверждений-требований», поскольку направляет наше внимание на отличительные и вместе с тем традиционные способы разговора и аргументации, которые применяются всякий раз, когда кто-либо является участником дискурса социальных проблем.

Использование выражения “риторика дискурса социальных проблем” не означает, что мы ограничиваемся рассмотрением техник убеждения. Понятие риторики полезно в плане обеспечения рамок, позволяющих различать устойчивые образцы в явлениях, которые “извне” представляются не связанными и постоянно изменяющимися, даже тогда, когда участники заявляют, что их утверждения-требования выражают вполне понятную обеспокоенность относительно неких условий. Т. е. оно позволяет нам перейти от анализа, сосредоточенного на одном социальном условии, к сравнительному подходу посредством поиска и идентификации сходств на уровне дискурсивных практик участников.

На наш взгляд, конструкционистские исследования дискурса социальных проблем могут выиграть в результате различения четырех пересекающихся, но аналитически отличных друг от друга измерений риторики: риторических идиом, контрриторики, лейтмотивов и стилей выдвижения утверждений-требований²⁹. Опись специфических идиом, стилей и т. д., которую мы предлагаем, состоит из идеальных типов и, таким образом, нуждается в уточнении, переформулировке и разра-

ботке посредством эмпирического наблюдения и дальнейшей теоретической рефлексии.

Риторические идиомы – это дефинициональные комплексы, использующие язык, который размещает условия-категории в моральном универсуме. В этом процессе обозначения происходит ряд операций. Достаточно сказать, что идиоматическое применение определенной темы к условию-категории ведет к присвоению ему проблематичного статуса или резонанса. Каждая риторическая идиома предполагает или задействует группу образов. *Риторика утраты*, например, использует символы чистоты и тяготеет к ностальгической тональности. *Риторика неразумности* задействует образы манипуляции и заговора. *Риторика бедствия* размещает утверждения-требования среди нарративов значительного разрушения и т. д.

Контрриторика – это дискурсивные стратегии противодействия характеристикам “условия-категории”, предлагаемым теми, кто выдвигает утверждения-требования. Эти стратегии обычно являются более конкретными: например, вместо споров по поводу разрушения озонового слоя отвергаются сами описания условия-категории со стороны тех, кто выдвигает утверждения-требования, предлагаемые средства или что-то еще, отличное от проблемы-кандидата. Контрриторика, как правило, направлена не столько против “ценностей”, выражаемых риторическими идиомами, сколько против их данного применения или релевантности. Практики “разоблачения” имеют особенно важное значение в данном случае³⁰.

Лейтмотивы – это распространенные фразы (обычно фигуры речи), выражающие в краткой форме описания динамики условия-категории или реакции на него. Заимствованные из более широкой культуры³¹, они, с аналитической точки зрения, отличны от риторических идиом, хотя определенные лейтмотивы имеют некоторое сходство с определенными риторическими идиомами. Утверждения-требования, выраженные в образах “чумы”, тематически неразрывно связаны с риторикой бед-

ствия, так же, как и утверждения-требования, основанные на идее *кризиса*. С другой стороны, утверждения-требования, выраженные в тональности, напоминающей о *трагедии*, тесно связаны с риторикой утраты, хотя нетрудно представить себе их применение в других форматах. Таким образом, отношения между идиомами и лейтмотивами нуждаются в эмпирическом уточнении. Задача заключается в том, чтобы объяснить предпосылки и основные факторы применения лейтмотивов, идиом и контрриторики. Вместо того, чтобы испытывать разочарование или фрустрацию из-за трудности согласования наших аналитических реконструкций, нам следует изумляться ловкости, с какой выдвигающие утверждения-требования непрерывно создают новые значения, ассоциации и скрытые смыслы, расширяя пределы установлений, лежащих в основании связности и постижимости дискурса социальных проблем.

Четвертое риторическое измерение, которое может обеспечить материал для теории социальных проблем, – это то, что мы называем *стилями выдвижения утверждений-требований*. Рассмотрение выдвижения утверждений-требований с точки зрения присущего ему стиля способствует переносу нашего внимания от языка, на котором сформулированы утверждения-требования, к манере и тональности, в которых они выдвигаются. Например, те, кто выдвигает утверждения-требования, (и те, кто этому противодействует) могут представлять их в бюрократической или комической манере, в научной или театральной, журналистской (“объективной”) или активистской (“гражданской”), а также в различных формах, связанных с субкультурными практиками³². Все эти способы и формы являются стилями в той степени, в какой они определяют текстуру утверждений-требований и структурируют их восприятие. Что предполагает и чему способствует каждый стиль, каким образом тот или иной стиль сочетается с различными условиями-категориями, риторическими идиомами и т. д. – все это является вопросами для изучения.

Риторические идиомы

Выдвижение утверждений-требований направлено на проблематизацию определенных условий-категорий; риторические идиомы – это особые способы, посредством которых вырабатывается их проблематичный статус. Однако нельзя утверждать, что они заключаются, главным образом, в документировании *существования* или *величины* условий-категорий. Область риторических идиом – это область морального обоснования (moral reasoning). В качестве моральных словарей они обеспечивают участников ценностно-нагруженными темами и нарративными формулами, способными наделять утверждения-требования запоминающейся значимостью. Каждая риторическая идиома способствует определенному структурированию участниками утверждений-требований, воздействуя, таким образом, на их конечную форму и направленность.

Риторические идиомы отражают конструкции “моральной компетентности”, существующие на уровне здравого смысла: их использование обычно предполагает, что аудитория обязана признать важность выражаемых ценностей и, следовательно, применение данной идиомы теми, кто выдвигает утверждения-требования. Таким образом, риторические идиомы определяют место выдвигающих утверждения-требования в языковой игре в социальные проблемы, ссылаясь на моральную компетентность (а не на собственные интересы участников). Кроме того, они полезны в плане привлечения других к совершению “сочувственных ходов” в языковой игре в социальные проблемы или в поддержании таких ходов со стороны уже посвященных. И в том, и в другом случае отличительной чертой риторических идиом является их способность прояснять и актуализировать этос, содержащийся в утверждении-требовании. Этому способствует, в частности, характерный для каждой идиомы набор по-

зитивных и негативных терминов, т. е. предпочитаемые объекты восхваления и презрения.

Существует несколько общих вопросов, формулируемых тогда, когда одной из задач социального конструкционизма считается объяснение применения риторических идиом теми, кто выдвигает утверждения-требования, что выводит исследование на общей, сравнительный уровень теоретических изысканий. Вследствие этого поднимаемые вопросы касаются не конкретных условий, а множества утверждений-требований, для выражения которых хорошо подходят данные идиомы. Например, как представляется, “идиоматическим” утверждение-требование становится благодаря своего рода “удобочитаемости”, т. е. использованию языка, для которого характерны как символическая связность, так и моральная компетентность. Исходя из данной посылки, мы можем задаться вопросом, что “знают” участники, когда они воспринимают утверждение-требование как особенно поучительное, трогательное или озаряющее, с одной стороны, или как далекое, непонятное или ошибочное, с другой. Полезность риторических идиом связана с тем, что они обеспечивают участников дискурсивными материалами, позволяющими структурировать и придавать безотлагательный характер их утверждениям-требованиям. Надо полагать, однако, что эти материалы не могут применяться или присваиваться³³ повторно одним и тем же старым способом. Обыкновения и соображения, лежащие в основе идиоматической разработки условий-категорий, являются одним из аспектов нашего предмета. Искусность в области дискурса социальных проблем заключается в умении растягивать и перемещать границы того, что может истолковываться как идиоматическое.

Каким семиотическим операциям подвергается условие-категория по мере перехода от одной риторической идиомы к другой? Являются ли одни виды условий-категорий более гибкими или адаптируемыми в этом отношении по сравнению с другими? Каким образом могут комбинироваться идиомы? Ка-

кого рода уязвимость создает каждая идиома для утверждений-требований и тех, кто их выдвигает? Какие “ужасные истории”³⁴ вмещают в себя различные идиомы? Ведет ли поддержка или отвержение какого-либо утверждения-требования, при котором используется определенная риторическая идиома, к поддержке или отвержению других утверждений-требований, использующих ту же самую идиому? Каким образом с этим справляются те, кто выдвигает утверждения-требования? В какой степени жесткость (intractability) дискурса социальных проблем связана с использованием участниками различных риторических идиом? Какие просторечные ресурсы, позволяющие противодействовать идиоматическому утверждению-требованию, сохраняя при этом свой моральный облик, доступны участникам?

Те, кто использует риторические идиомы, обычно совершают операцию по “двойному обозначению”, посредством которой как причина (например, пагубное влияние), так и результат этого воздействия представляются проблематичными. Риторические идиомы, таким образом, могут заставить тех, кто выдвигает утверждения-требования, действовать на разных направлениях, включаясь в борьбу на нескольких фронтах (в зависимости от того, кого они идентифицируют в качестве жертв и агентов влияния)³⁵, что может оказаться непростым делом. Отношения между “организацией, выдвигающей утверждения-требования”, и риторической идиомой могут быть особенно интересными в таких случаях – например, когда риторика развивается быстрее, чем организационные ресурсы тех, кто выдвигает утверждения-требования, или когда последние затушевывают “на время” разногласия по поводу причины, сосредоточиваясь исключительно на “самой проблеме”, что оказывается возможным или невозможным в зависимости от языка, на котором формулируются утверждения-требования.

Риторика утраты заключается не в скорби по поводу исчезновения чего-либо, а в выступлении против его обесценивания. Одним из ее главных образов является образ людей как

хранителей или защитников некоторого уникального или священного предмета или качества. Именно в силу потери престижа или ценности, приписываемых священному объекту, его существование оказывается под угрозой с сопутствующим указанием на то, что такая небрежность будет полностью раскрывать нашу сущность в глазах каких-либо судей в будущем. *Настоящему* придается всеобщий контекст: наши действия, расположенные между “заколдованным” или квази-божественным моментом в прошлом и предстоящим суждением в будущем, представляются *историческими*. Наибольший идиоматический эффект данная риторика имеет в случае с объектами (т. е. условиями-категориями), которые могут конструироваться в качестве форм совершенства в том или ином смысле. Позитивными терминами, составляющими моральный словарь идиомы, являются “невинность”, “красота”, “чистота”, “природа”, “ясность”, “наследие”, “культура” (т. е. “цивилизация”), “чистоплотность” и т. д. Негативные термины соответственно устанавливают типы загрязнения и опасности, кульминацией которых является обесценивание: “грех”, “загрязнение”, “упадок”, “хаос” и т. д.

Риторические идиомы пересекаются с идеологическими делениями, такими, как “либеральное”, “социалистическое” и “консервативное”. В случае с риторикой утраты кампании по выдвижению утверждений-требований на идеологически несовместимых фронтах включают в себя идиоматически совместимую риторику. Консерваторы, например, могут возглавлять движение против абортов, а либералы могут быть наиболее последовательными сторонниками мер строгого экологического контроля, однако обе группы полагаются на один и тот же риторический формат, противопоставляющий такие понятия, как бесценность или незаменимость жизни и природы, соответственно, и эгоистическое или недальновидное пренебрежение этими объектами со стороны женщин и индустрии.

Понятие *защиты* занимает центральное место в дискурсе исправления, свойственном данной риторической идиоме, указывая на то, что последняя хорошо подходит для актуализации *героизма спасателя*. Действительно, хотя название “Операция “Спасение” было выбрано хорошо известной организацией, выступающей против абортов, оно является типичным для данной риторической идиомы и, вероятно, может применяться к другим условиям-категориям теми, кто выдвигает утверждения-требования, используя риторику утраты (сравните лозунг “спасите планету” инвайронменталистов и лозунг “спасите школу” родителей, протестовавших против использования школьных автобусов (anti-busing parents)). Риторика утраты, когда она выражается идиоматически, предполагает оборонительную позицию, представляющуюся героической, нежели просто “реакционной”. Такому впечатлению способствует посылка, согласно которой священные объекты или лица не могут спасти себя или помочь себе сами, вследствие чего для защиты их возвышенных символических позиций и интересов необходимы те, кто выдвигает от их имени утверждения-требования. (Риторика не имеет никакого идиоматического эффекта, когда обнаруживается, что обеспокоенность касается утраты “привилегий белых мужчин”, а не “великих книг”, или “корыстных побуждений”, а не вымирания пятнистых сов или дельфинов.) Риторика утраты сосредоточивается на чертах условия-категории, которые могут быть уподоблены очень значимым позициям, с угрозой вытеснения, уничтожения или обесценивания которых сталкивается объект или индивид/группа. Идентификация практик, способствующих такой утрате, теми, кто выдвигает утверждения-требования, порождает цели, уничтожить которые призваны исправительные меры (такие, как “легализованный аборт” со ссылкой на “обесценивание дара жизни”, “вырубка” со ссылкой на “разорение девственных лесов” и “американский босс” со ссылкой на “упадок патернализма” в японских корпорациях).

Если риторика утраты основывается на языке альтруизма и социальной ответственности за что-либо, отличное от реализации собственных интересов тех, кто выдвигает утверждения-требования, то *риторика наделения правом* (rhetoric of entitlement) подчеркивает значимость обеспечения всех лиц (в некоторых случаях включая другие формы жизни, как в примере с “правами” животных и деревьев) равным институциональным доступом к выбору самовыражения, а также неограниченной свободой реализации данного выбора. Общее настроение, выражаемое данной идиомой, – это настроение эгалитаризма и релятивизма. Оно эгалитарно по своему отращению к любым формам дискриминации тех или иных категорий людей. Вследствие этого негативные термины словаря данной идиомы символизируют формы дискриминации: *нетерпимость, угнетение, сексизм, расизм, эйджизм* (возрастная дискриминация) и даже дискриминация по виду (*speciesism*). Позитивные термины идиомы происходят от ее релятивистской философии: *жизненный стиль, различия, выбор, терпимость, предоставление возможностей* (empowerment), *мультикультурный* и т. д.

Центральное место в словаре данной идиомы занимает понятие *расширения* (expansion) (тогда как наиболее очевидной коннотацией “защиты” в рамках риторики утраты является “консервация”): те, кто выдвигает утверждения-требования, стремятся расширить сферу распределения блага, услуги или права. Основная идея заключается в том, что чем шире принципы *честной игры* (fair play), *терпимости, справедливости, равенства перед законом, уважения человеческого достоинства* распространены в максимальном, насколько это возможно, числе сфер социальной жизни, тем выгоднее всем членам общества. Утверждения-требования, выдвигаемые с использованием данной риторической идиомы, часто формулируются в терминах, актуализирующих образ неумолимой поступи истории в “прогрессивном” направлении – к демократизации общества (порождая пренебрежительное обозначение “реакцион-

ный” и предпочитаемый лозунг “не поворачивайте время вспять”). Условия-категории, которые возникают в результате типизаций неравенства, основанного на гендере, расе, классе и ограниченных физических возможностях, являются наиболее очевидными кандидатами на представление в рамках риторики наделения правом, однако эта риторика может применяться и к абстрактным понятиям, таким, как приватность (*privacy*). Утверждения-требования данного типа распространялись также на животных, деревья и объекты культуры (такие, как фильмы о том, что значит быть “цветным”) на основании аргумента о том, что они имеют право существовать в том виде, в каком они “созданы”.

В то время, как риторика наделения правом применяется с наибольшим идиоматическим эффектом тогда, когда условие-категория может быть представлено как пример несправедливости или ограничения свободы, *риторика опасности* применима к условиям-категориям, которые могут быть представлены как угрозы здоровью и безопасности людей. Данная идиома сближается с дискурсом наделения правом в той степени, в какой исходит из того, что индивиды обладают *правом* не опасаться вреда, иметь хорошее здоровье и быть защищенными от предотвращаемых или ограничиваемых телесных рисков. Однако риторика опасности состоит из ряда тем и символов, отличных от тем и символов, связанных с риторикой наделения правом. Настоятельность ее морального дискурса обусловлена не столько вопросами, касающимися препятствий свободе, равенству и личному самовыражению, сколько вопросами оптимального функционирования и сохранения человеческого тела.

Согласно риторической идиоме опасности, условия-категории проблематичны не потому, что они безнравственны сами по себе, а потому, что они создают неприемлемые риски чьему-либо здоровью или безопасности. Отличительным признаком данной идиомы является своего рода нравственный минимализм: утверждения-требования, отражающие или скрывающие “цен-

ностные суждения”, обладают явно отрицательной валентностью, поскольку им не свойственна обезличенность, необходимая для того, чтобы гарантировать, что выдвигающие утверждения-требования в действительности не нападают на или не пытаются подорвать чье-либо право выбирать, как ей или ему жить. Утверждения-требования обладают наибольшим идиоматическим эффектом (т. е. наиболее убедительны) тогда, когда очевидно, что медицинское суждение предпочитается моральному, поскольку предполагается, что понимание тела, основанное на научном знании, отличается как беспристрастностью, так и большей фактичностью и вследствие этого явно превосходит взгляды, порожденные нравственными убеждениями.

Риторика опасности изменяет направленность безотлагательного действия. Если риторика утраты актуализирует образ бранных человеческих существ, вместе с тем являющихся хранителями, которым доверено незаменимое наследие, а риторика надления правом указывает на фундаментальную значимость самовыражения (*expressivity*), то риторика опасности напоминает о возможности того, что бранный статус личности может быть продлен, и выражает страх перед его сокращением. Подобная обеспокоенность рекомендует соотносить ценность самовыражения с рисками, порождаемыми экспрессивными практиками и убеждениями. Данный вопрос имеет в сущности инструментальный характер: каким образом может быть продлена жизнь, и что может сократить ее? Позитивные термины, характерные для этой риторики, обращены к надежде, актуализированной ею: *гигиена, профилактика, питательность, фитнес* и т. д. Негативные термины заостряют внимание на процессах, оправдывающих этот страх: *болезнь, патология, эпидемия, риск, заражение, угроза здоровью* и т. д.

Хотя утверждения-требования, использующие риторику опасности, имеют наибольший идиоматический эффект тогда, когда они выражены в научном стиле, на научном языке и с применением научной аргументации или когда они подкреплены меди-

цинскими данными, они не застрахованы от противодействия. Контрриторика опровергающих историй (см. далее) является типичным просторечным способом ответа на риторику опасности. Кроме того, данная идиома сталкивается с ограничениями в случае ее применения к условиям-категориям, которые могут быть представлены так, что они вредят участникам, не имеющим непосредственного отношения к происходящему (например, “проходим”, “населению в целом”, “невинным жертвам”), именно в силу ее телесно-ориентированного индивидуализма: в отсутствие анализа, связывающего частное действие с его публичной значимостью, утверждения лица, настаивающего, что удовольствие, получаемое в результате проблематичной практики (например, курения), перевешивает возможность большей продолжительности жизни в случае отказа от нее, истолковывается как личностная позиция, которую в конечном счете необходимо если не превозносить, то уважать.

Разумеется, “саморазрушительное” или “безрассудное” поведение само по себе может быть проблематичной категорией, признаком неполного владения силой интеллекта. Данный тип утверждений-требований может использовать другую риторическую идиому, которую мы называем *риторикой неразумности*. Применение этой идиомы зависит от возможности описать условие-катеорию в терминах, высвечивающих обеспокоенность по поводу эксплуатации кого-либо, манипулирования, “промывания мозгов” или превращения в “простофилю” или “дурака”. Призраки сообщений, действующих на подсознание, заговоров, скрытых сил и гипнотизирующего воздействия рекламы – таковы распространенные образы, актуализируемые лексиконом данной риторики.

Риторика неразумности устанавливает идеализированные отношения между “Я” и состоянием осведомленности (осознания, понимания), а затем определяет случаи искажения, нарушения или даже полного разрушения этих отношений. Исходное положение заключается в том, что в отсутствие вредного

влияния соединение полной информированности и полного овладения познавательными способностями ведет к предпочтительному образу действий. Логику данной риторической идиомы отражает целый ряд утверждений-требований: рациональным (и справедливым) действиям правительства мешает влияние крупных спонсоров (contributors) той или иной кампании; подростки усваивают разрушительную привычку курить вследствие ее “прославления” в ходе рекламных кампаний; легковверных пожилых людей одурачивают беспринципные торговцы, выдающие себя за финансовых консультантов и предлагающие вкладывать средства в чрезвычайно рискованные финансовые инструменты; “жесткие гендерные роли” (социализация) могут в конечном счете вызывать у мальчиков из семей среднего класса припадки насилия в кампусах.

Предполагается, что определенные категории людей требуют большей бдительности относительно проблем, формулируемых в рамках данного дискурса. Те, о ком может быть сказано, что они *доверчивы, наивны, невинны, необразованны, несведущи, доведены до отчаяния* и т. д., могут “эксплуатироваться” (“taken advantage of”) в качестве *легкой добычи, уязвимой* перед манипулированием со стороны лиц или институтов, обладающих большей властью или большим авторитетом. *Дети* являются типичным просторечным ресурсом для артикуляции данной риторической идиомы. Разыгрывание понимания того, что они еще “не сформировались”, включение в дискурс социальных проблем многозначительного вопроса “что (будет) с детьми?” ведет слушателей к экстраполяции наихудшего сценария: чем кончит ребенок, если он или она растет под влиянием пагубных сил. И, наоборот, те, кто обладает властью, доверием и авторитетом, хорошо подходят для обращения к ним с утверждениями-требованиями, сформулированными на этом языке (священники, педагоги, врачи, родители и работодатели – таковы недавние примеры категорий людей, к которым взывали, используя данную идиому).

Согласно логике риторики неразумности, исходящей из того, что знание ведет к более благоразумному действию, особенно сильный резонанс в качестве средства решения социальной проблемы получает “образование”. Однако поскольку уязвимый класс не всегда может “помочь себе”, “образование” как предпочитаемое лекарство для категорий людей, находящихся в состоянии риска, часто считается недостаточным, что ведет к требованиям усилить “контроль” со стороны влиятельных агентов (посредством надзора, права, осуждения или разрешения).

В отличие от четырех риторических идиом, рассмотренных выше, *риторика бедствия* состоит из метафор и практик аргументации, актуализирующих образ полной катастрофы. Данный способ выражения утверждений-требований может быть наиболее значимым в условиях своего рода перегруженности внимания, являющейся результатом интенсивной конкуренции между утверждениями-требованиями за то, чтобы быть замеченными. Те, кто выдвигает утверждения-требования с использованием данной идиомы, могут признавать существование других попыток выдвижения утверждений-требований, нацеленных на номинально не связанные условия-категории, и вместе с тем представлять происходящее в более широком свете, демонстрируя зависимость других моральных объектов от существования “их” условия-категории. Иными словами, риторика бедствия идентифицирует то, что можно назвать “мега-условиями-категориями”. Именно бедность порождает преступность в городах, употребление наркотиков, слабые школы, случаи беременности в подростковом возрасте и т. д.; именно проблема парникового эффекта порождает все мыслимые катастрофы; именно ВИЧ угрожает вызвать заболевание масштаба эпидемии, перегрузку медицинской системы, резкий рост страховых выплат, нападения на геев и т. д.

Данный риторический формат может быть представлен как способ противодействия центробежным тенденциям, очевидным, когда попытки выдвижения утверждений-требований рас-

сма­три­ва­ют­ся за дис­кус­си­он­ным сто­лом: он по­ме­ща­ет раз­лич­ных учас­тни­ков под сво­е­го ро­да сим­во­личес­кий зон­тик, обес­пе­чи­вая та­ким об­ра­зом ос­но­ву для соз­да­ния ко­а­ли­ции. Ри­то­ри­ка бед­ствия не за­щи­ща­ет оп­ре­де­лен­ную си­сте­му мо­ра­ли, как это де­ла­ют дру­гие иди­омы. Она при­зна­ет, что мо­раль­ные суж­де­ния со­юз­ни­ков мо­гут быть раз­лич­ны­ми, од­на­ко смы­сл ри­то­ри­ки бед­ствия за­клю­ча­ет­ся в том, что сей­час не вре­мя для раз­бо­ра эти­че­ских ос­но­ва­ний: по­з­же бу­дет до­ста­точ­но вре­ме­ни, что­бы “про­сто” по­го­во­рить, а в на­сто­я­щий мо­мент не­об­хо­ди­мо дей­ст­во­вать. Та­ким об­ра­зом, иди­о­ма­ти­че­ское вы­ра­же­ние “кри­зис Х” бу­дет по­ни­мать­ся как ука­за­ние на то, что нев­ни­ма­ние к дан­но­му ус­ло­ви­ю при­ведет к воз­ник­но­ве­нию дру­гих про­б­лем в ге­омет­ри­че­ской про­грес­сии (at an exponential rate) или к об­ост­ре­нию су­ще­ст­вую­щих до со­сто­я­ния не­раз­ре­ши­мо­сти. Ут­вер­жде­ние-тре­бо­ва­ние, вы­ра­жен­ное по­сред­ством дан­ной ри­то­ри­че­ской иди­омы, мо­жет удо­сто­ить­ся серь­ез­но­го и про­дол­жи­тель­но­го вни­ма­ния со сто­ро­ны прес­сы (вслед­ствие раз­лич­ных ас­пек­тов, ко­то­рые она очер­чи­ва­ет) или быть бес­це­ре­мон­но от­вер­гну­то вслед­ствие то­го, что ее мо­гут по­счи­тать про­яв­ле­нием ис­те­рич­но­сти или одер­жи­мо­сти тех, кто кон­ст­ру­и­рует про­б­ле­му, ис­поль­зуя об­ра­зы бед­ствия. К то­му же при­выч­ка со­еди­нять не­сколь­ко яко­бы не свя­зан­ных ме­жду со­бой ус­ло­вий в ме­га-ус­ло­вие лег­ко мо­жет стать пред­ме­том па­ро­дии, как это про­ис­хо­дит, ко­гда ли­цо, про­ти­во­дей­ст­вую­щее выд­ви­же­нию ут­вер­жде­ний-тре­бо­ва­ний, до­во­дит все до аб­сур­да, со­вер­шен­но без­ос­но­ва­тель­но ус­та­нав­ли­вая свя­зи ме­жду чем-ли­бо, наме­кая, та­ким об­ра­зом, на то, что ут­вер­жде­ния-тре­бо­ва­ния та­ко­го ро­да – это “все­го ли­шь” ут­вер­жде­ния-тре­бо­ва­ния и ниче­го боль­ше.

Те­ма­ти­че­ские ком­п­лек­сы, на­зы­ва­е­мые на­ми “ри­то­ри­че­скими иди­о­ма­ми”, яв­ля­ют­ся про­сто­ре­ч­ны­ми ре­сур­са­ми, ка­ж­дый из ко­то­рых слу­жит сво­е­го ро­да нар­ра­тив­ным на­бо­ром, по­сред­ством ко­то­ро­го вы­ра­жа­ет­ся про­б­лем­ный и оп­рав­дан­но ис­правимый ста­тус ус­ло­вие-ка­те­го­рии. С аналитической точки зрения, они со­став­ля­ют об­ла­сть, в рам­ках ко­то­рой мо­жет раз­ви­вать­ся

главная идея социального конструкционизма, заключающаяся в том, что социальные проблемы конституируются выдвижением утверждений-требований.

Контрриторические стратегии

Если риторические идиомы делают утверждения-требования как символически связными, так и морально компетентными, то те, к кому они обращены, должны как члены культурного сообщества, к которому призывают инициаторы конструирования проблемы, либо выразить сочувствие, либо иметь “весомые основания” для того, чтобы от этого воздержаться. Риторические идиомы обычно устанавливают иерархии ценностей (например, свобода выше угнетения), с которыми трудно не согласиться, не дискредитируя при этом себя; перевернуть эту иерархию означает маргинализировать себя в качестве участника дискурса социальных проблем. Противодействие утверждениям-требованиям, таким образом, требует известного мастерства, приходящего с опытом использования определенных просторечных ресурсов, особенно в связи с тем, что лицам, противодействующим конструированию социальной проблемы, могут сказать: “Если вы не являетесь частью решения, вы часть проблемы”.

Прежде чем перейти к описанию того, что мы определяем в качестве контрриторических стратегий, следует отметить ту службу, которую могут сослужить в сопротивлении утверждениям-требованиям альтернативные риторические идиомы. Идиомы, отличные от той, что подразумевается каким-либо утверждением-требованием, полезны в плане смещения фокуса дискурса с условия-категории, выделяемого тем, кто конструирует проблему, на смысл самого выдвижения утверждений-требований. Например, “война с наркотиками”, которая велась в период президентства Рейгана и Буша-старшего, сама объявлялась проблематичной, когда либералы обращали внимание на неприемлемость таких мер, как тестирование на упо-

требление наркотиков на рабочем месте³⁶. В этом случае для противодействия утверждению-требованию, основанному на риторике опасности, использовалась риторика наделения правом (а именно, правом на приватность). Подобное происходило и после событий 11 сентября 2001 года в США. Выдвижение утверждений-требований против расовой предвзятости (racial profiling) правоохранительных органов, такой, как используемые их сотрудниками методы задержания и обыска, которое в обычных условиях выражалось бы посредством идиомы наделения правом, в данный период подрывалось риторикой бедствия. Беспокойство по поводу бедствия в форме “терроризма” как мега-условия-категории превосходило обеспокоенность относительно дискриминации со стороны государства (а также относительно нарушений права служащих на приватность).

Если риторические идиомы используются для того, чтобы усилить и обосновать чьи-либо утверждения-требования и вместе с тем склонить других к сочувствию, то контрриторика блокирует либо выделяемые характеристики условия-категории, либо призыв к действию, либо и то, и другое. Данные риторические стратегии представляют собой общие способы выступления в качестве морально компетентных противников выдвижения утверждений-требований и вследствие этого могут быть соотнесены с различными предположительно проблематичными условиями-категориями. Эти стратегии делятся на два класса: 1) “сочувствующую” контрриторику, признающую полностью или частично проблематичный статус условия-категории, но в сущности блокирующую требование исправить его; 2) “несочувствующую” контрриторику, не принимающую ни предлагаемые характеристики и оценки условия-категории, ни предлагаемые действия по его исправлению.

Рассмотрим сначала ходы, совершаемые в рамках “сочувствующей” контрриторики. Первой стратегией данного класса является *натурализация* (naturalizing). В данном случае принимается оценка условия-категории, предлагаемая теми, кто кон-

струирует проблему, и в то же время отвергается призыв к действию посредством представления самого условия-категории в качестве неизбежного. Выдвигающим утверждения-требования могут ответить: «Ну, что вы ожидали? Конечно, обществу свойственно насилие, мир всегда был и всегда будет местом вражды». Или «конечно, пригороды растут за счет сельской местности, поскольку людей становится больше, они живут дольше, им надо где-то жить, и мы не можем рассчитывать на то, что пустые земли и дальше не будут использоваться». Если условие-категория – это пример “естественного состояния” мира или того, что “неизбежно” предполагается ситуацией, тогда призывы к исправлению в конечном счете наивны. Однако игрок, разыгрывающий этот гамбит, рискует получить ярлык “циника” или “пессимиста”, а эти ярлыки приобретают негативный смысл, когда применяются к определенным категориям людей в определенных обстоятельствах, например, к политикам во время предвыборных дебатов. Такого рода обстоятельства могут потребовать каких-то иных действий, нежели молчаливое принятие *status quo* (неизбежного, согласно стратегии натурализации).

Вторая возможная стратегия – контрриторика *затрат*, связанных с исправлением (*counterrhetoric of the costs involved*). Сущность этого приема заключается в утверждении, что следует примириться с проблематичным условием-категорией, а не исправлять его посредством предлагаемых мер, поскольку «и то, и другое является злом» или потому, что провозглашаемые “выгоды” не перевешивают “затрат”. “Спасение” пятнистой совы может “стоить” 30 тысяч рабочих мест в сфере лесозаготовки; введение законов по обеспечению гражданских прав с целью искоренения расизма на рабочем месте может привести к “обратной дискриминации”; запрещение “шумных” бензиновых устройств по сдуванию листьев лишит работы индивидуально занятых чернорабочих и сделает недоступным уход за газонами для тех, кто имеет фиксированный доход. На использование этой контрриторики часто указывает выражение “драконовские

меры” – оборот речи, приравнивающий предлагаемые средства либо к неблагоприятной недалёковидности, либо к безжалостному наказанию, либо и к тому, и к другому. В то время как контрриторика *натурализации* совершенно недвусмысленна относительно неизбежности нашего страдания от условия-категории, в игре с использованием контрриторики затрат существует некоторая неопределенность: во-первых, подразумевается приспособление к уже существующему условию, во-вторых, поощряется обдумывание “компромисса”, что означает возможность обнаружения, что затраты, связанные с исправлением, в конечном счете, не так уж велики.

Третий способ признать обоснованность жалобы или неудовлетворенности тех, кто выдвигает утверждения-требования, относительно какого-либо условия-категории и в то же время воздержаться от поддержки мер по его исправлению – это *декларация бессилия*. Данная стратегия предполагает проявление морального сочувствия и вместе с тем указание на истощение имеющихся ресурсов, не позволяющее справиться с проблемой. На уровне индивидов это может означать нехватку времени, энергии или власти для того, чтобы решить проблему. Или может иметь место конструирование шкалы приоритетов: «да, расизм – это проблема, но все попытки покончить с ним, пока существует классовое угнетение, тщетны». На институциональном уровне может заявляться, что бюджет слишком ограничен для того, чтобы изменить положение дел. Так, шеф полиции в ответ на требование что-то сделать с проблемой преступности во “внутреннем городе” (зоне перехода – *прим. переводчика*) утверждает, что у него просто нет достаточного числа мужчин и женщин в составе полицейских сил для того, чтобы исправить ситуацию. Однако те, кто заявляет о своем бессилии как на уровне личных, так и на уровне институциональных возможностей, могут быть обвинены в лицемерии и вызвать недоверие. Более того официальные лица могут в свою очередь стать объектом утверждений-требований, т. е. конструировать-

ся в качестве проблемы с связи с самим декларируемым бессилием. Именно это произошло, когда защитники пропадающих детей обратили свое внимание на само правительство, на свойственное ему неумелое, сбивающее с толку, бесчувственное, бюрократическое ведение дел: таким образом, ФБР стало частью проблемы пропадающих детей³⁷.

Четвертую “сочувствующую” контрриторическую стратегию мы назвали *перспективизацией* (perspectivizing). Данная форма риторики возможна в силу того, что процесс социальной проблемы основывается на различении объекта и субъекта³⁸. Она заключается в подчеркивании того, что объяснение, предлагаемое людьми, выдвигающими утверждения-требования, – это всего лишь их “взгляд” на положение дел, отличающийся от самого положения дел. Таким образом, утверждение-требование представляется как не более чем мнение. Используя выражение «Вы имеете право на свое собственное мнение», лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, признает право людей, выдвигающих утверждения-требования, участвовать в процессе социальной проблемы и одновременно ограничивает это участие, указывая на то, что это вопрос мнения и вовсе необязательно придерживаться таких же взглядов или поддерживать призыв к исправлению ситуации. Значение этого хода может варьироваться: он может выражать все что угодно от намека на холодную отстраненность до отстаивания конкурирующего определения условия-категории, согласно которому данный вопрос является вопросом мнения или личной философии. Так, когда активист движения за аборты говорит участнице демонстрации против абортов, что последняя всего лишь выражает личные предпочтения, это в сущности является обоснованием ее или его собственной позиции, согласно которой аборты должны оставаться узаконенными: противница абортов может воздерживаться от его совершения сама, если хочет, но она не может отрицать права женщины, выступающей за аборт, на это действие, по-

стольку, поскольку решение вопроса об одушевленности утробного плода зависит от личной философии. В этой точке данная стратегия перестает быть сочувствующей и становится активно враждебной с точки зрения того, кто выдвигает утверждения-требования. Перспективизация – это в сущности обыденная форма релятивизма. Если люди, выдвигающие утверждения-требования, настаивают, что подобная релятивизация отражает недостаток моральной компетентности, они рискуют быть обвиненными в нетерпимости к иным мнениям.

Пятый контрриторический стиль этого класса мы называем *критикой тактики* (tactical criticism). В данном случае критик соглашается с предлагаемой характеристикой условия-категории, но возражает против средств конструирования проблемы, используемых людьми, выдвигающими утверждения-требования. Примером является следующее высказывание: «Да, женщины угнетены, но означает ли это, что феминисты должны быть столь воинствующими и резкими в обнародовании этого факта?» Критики тактики могут либо указывать на свой статус потенциальной группы поддержки (“сторонники”), либо утверждать, что средства, используемые теми, кто выдвигает утверждения-требования, сами могут рассматриваться в качестве социальной проблемы (как происходит, когда противников аборт, совершающих взрывы в клиниках, “сторонники” называют “маргинальными элементами” данного движения, потенциально опасными как для общества, так и для самого дела). Из всех “сочувствующих” контрриторических ходов этот, скорее всего, будет считаться наименее враждебным со стороны людей, выдвигающих утверждения-требования, поскольку “противник” выражает как симпатию в отношении попыток проблематизации, так и готовность обсуждать тактику.

Другой класс – “несочувствующие” контрриторические стратегии, отклоняющие кандидатуру условия-категории на статус социальной проблемы и вследствие этого отвергающие призыв к действиям по исправлению ситуации. Первая стратегия этого

класса – *антитипизация* (antipatterning). В данном случае заявляется о том, что утверждение-требование на самом деле вообще не является описанием полномасштабной социальной проблемы, а касается того, что можно назвать “отдельными инцидентами”. Данная стратегия использовалась, например, в 1980-е гг. в ответ на утверждения о расовом преследовании в университетских кампусах. Другим примером являются утверждения о том, что “так называемые жертвы электромагнитного излучения” – это просто люди, которым “не повезло” и которые заболели раком³⁹. Те, кто конструирует социальную проблему, могут интерпретировать сущность таких утверждений как указание на то, что масштаб явления преувеличен или его характер неправильно понят. В этом смысле антитипизация фактически служит неким вызовом, требующим от тех, кто конструирует проблему, подтверждения распространенности условия-категории или уточнения значения терминов, которые используются для того, чтобы соединить примеры условия-категории в социальный тип, заслуживающий внимания. Это может привести к “мелочному спору” о смысле ключевых терминов, употребляемых при конструировании проблемы («Что считать сексуальным домогательством?» или «Как следует определять понятие расизма?»), или вовлечь в игру с числами («Каково число бездомных – 300 тысяч или 3 миллиона?» или «“Корпоративное крюкотворство” чрезвычайно распространено в среде топ-менеджеров или это просто “несколько паршивых овец”?»).

Сходной стратегией является контрриторика *опровергающих историй* (telling anecdote). Она предполагает дискредитацию утверждения-требования посредством приведения примера (личной истории или события, которое средства массовой коммуникации подают как новость), показывающего, что обобщения, предлагаемые теми, кто конструирует проблему, вызывают подозрение. В ответ на утверждение о том, что «эти улицы небезопасны для ночного пешехода», может быть сказано: «О, я хожу по этим улицам в ночное время уже много лет, и со

мною ничего не случилось». На утверждение, что курение – это проблема, поскольку вызывает рак, могут ответить: «Мой дед выкуривал по две пачки сигарет в день и дожил до 80 лет». Таким образом, данная стратегия, наделяет описание условия-категории, предлагаемое людьми, конструирующими проблему, чертами безапелляционности, а не вероятности. Вследствие этого нападкам с использованием данной стратегии особенно подвержены утверждения-требования, сформулированные на языке научных обобщений.

При использовании третьей стратегии – *контрриторики неискренности* (counterrhetoric of insincerity) – лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, заявляет, что предлагаемая характеристика условия-категории подозрительна, поскольку у того, кто выдвигает утверждения-требования, имеется “скрытая повестка дня”; участие в процессе социальной проблемы представляется как средство продвижения в карьере, обретения власти, статуса или денег. Предпосылкой успешного использования данного приема является представление о том, что утверждения-требования, продвигаемые своекорыстными сторонами, в большей степени отражают их намерения, нежели то, что является “наилучшим для общества”. Так, мужчины, выступающие против аборт, участвуют в этом движении с целью укрепить свои мужские привилегии; социальные работники трубят о программах борьбы с бедностью, поскольку это еще более упрочивает их источники дохода; лидеры движений за гражданские права не заинтересованы в действительности в исчезновении расизма, поскольку в случае достижения этой цели их политическая власть и лидирующие позиции будут подорваны⁴⁰ и т. д. (Разновидностью этого риторического гамбита является подчеркивание эксплуатации рядовых участников лидерами-карьеристами.) Данная форма риторики может иметь обвинительный тон *ad hominem*, она часто принимает вид “проверки на искренность”: если противники абортов действительно заботятся о детях, то

почему они ничего не делают для того, чтобы покончить с недоеданием детей из бедных семей; если антививисекционисты действительно заботятся о правах животных, то почему они не носят одежду исключительно из синтетических тканей?

Четвертая “несочувствующая” стратегия – *контрриторика истерии*. Этот способ часто используется при попытках депроблематизировать условия-категории. Данная стратегия является “несочувствующей” в той степени, в какой предполагается, что моральные суждения людей, конструирующих проблему, не основываются на “здравой” оценке ситуации, а находятся под влиянием “иррациональных” или “эмоциональных” факторов. Так, экономика США в действительности не находится в состоянии спада, хотя нервная реакция паникующих акционеров может его вызвать; участие “голливудских либералов” в усилиях по спасению дождевых лесов Амазонки – это всего лишь еще одна демонстрация их подверженности прихотям (*faddish causes*); евангелические фундаменталисты идут в “крестовый поход” против порнографии вследствие возвращенной их лидерами “подозрительной” одержимости сексуальностью. Контрриторика истерии относит людей, конструирующих социальную проблему, к определенной социальной категории, а затем отклоняет их утверждения-требования как “типичные” выражения “либералов с истекающими кровью сердцами”, “ограниченных религиозных фундаменталистов”, “свихнувшихся инвайронменталистов” и т. д. Другими словами, членов аудитории наставляют заметить, что утверждения-требования скорее отражают (культуподобные) черты субкультур людей, конструирующих проблему, нежели заслуживают беспокойства со стороны “основной части” общества, которой, как предполагается, свойственен “более сбалансированный” или “взвешенный” подход.

Независимо от того, является контрриторика сочувствующей или нет, все эти стратегии представляют собой способы формулирования ответа на утверждения-требования, и общим для всех является формат “да, но...”. Тем не менее каждая контр-

риторическая стратегия обладает своими собственными смысловыми оттенками и вследствие этого предположительно имеет различное, более или менее предпочитаемое в том или ином случае применение. Теоретическая реконструкция дискурса социальных проблем может осуществляться посредством исследования видов практики, для которых подходят те или иные стратегии, и тех видов, при которых применение каких-либо стратегий не имеет эффекта. Каким образом данные стратегии приспособляются к различным условиям-категориям, риторическим идиомам, фонам и стилям выдвижения утверждений-требований? Каким знанием обладают участники, когда они прочитывают противодействие выдвижению утверждения-требования как признак моральной некомпетентности противодействующего? Вопрос о маргинальности в дискурсе социальных проблем представляется нам чрезвычайно интересным, здесь же мы лишь отметим, что те, кто противодействует конструированию социальных проблем, всегда стараются избежать сомнений по поводу их моральной позиции и как следствие их способности играть главные роли в дискурсе социальных проблем. Исследуя контрриторику, мы можем анализировать способы поддержания доверия посредством умелого использования просторечных ресурсов.

Лейтмотивы

Лейтмотивы – это повторяющиеся тематические элементы и фигуры речи, в сжатой форме выражающие или высвечивающие главный аспект или динамику социальной проблемы посредством описания либо условия-категории, либо реакции на него. Лейтмотивы не являются комплексами морального дискурса в том же смысле, в каком ими являются риторические идиомы, скорее они представляют собой своего рода общий, кросс-идиоматический словарь, используемый теми, кто конструирует проблему, и теми, кто противодействует этому, при

этом каждый термин или фраза способствует определенным коннотациям при использовании в рамках определенного типа утверждений-требований (или противодействующих утверждений). Исследование лейтмотивов в дискурсе социальных проблем должно сфокусировать наше внимание на том, каким образом морально окрашенные метафоры и фразы могут осознанно применяться под влиянием культурных и контекстуальных ограничений, направляющих активность по выдвиганию утверждений-требований. Выявление логики их использования позволит узнать много нового как о социологии конструкций социальных проблем, так и о символических контурах условия-категории как коллективного объекта.

Примерами лейтмотивов являются термины *эпидемия, угроза, кара, кризис, заговор, бич, потери, верхушка айсберга, война* (с наркотиками, бедностью, преступностью, бандами и т. д.), *жестокое обращение, скрытые издержки, скандал, миф о* (изобилии, безопасной питьевой воде, демократии и т. д.). Некоторые из этих терминов или фраз касаются видов моральных агентов, другие – практик, третьи – масштаба условия-категории. Что влечет за собой отбор, а затем использование этих терминов в рамках проблемной риторики? Например, какого рода описательные требования связаны с использованием такого лейтмотива, как *скандал*, в противоположность *кризису*? Описание какого рода условий-категории в качестве заслуживающих ведения *войны* с ними будет считаться “натяжкой”?

Ряд вопросов касается разнообразия словарей, используемых участниками при тех ограничениях, которые связаны с просторечным происхождением данных словарей и стандартами идиоматической артикуляции. В качестве примера рассмотрим метафору “*бомба с заведенным часовым механизмом*”. Эту фразу можно часто услышать в настоящее время в ряде контекстов выдвигания утверждений-требований, в отношении разнообразных условий-категорий и под покровом различных риторических идиом. О городской бедности, истощении озоно-

вого слоя и СПИДе часто говорят как о бомбах с заведенным часовым механизмом, но почему использование этой метафоры в отношении аборт будет выглядеть чем-то необычным в отличие, скажем, от ее использования в отношении политики, касающейся абортов? Можно ли сказать, что проблема “психических заболеваний” *свергнута*, так же, как это говорится в отношении “иностранной диктатуры”? Что общего должно предполагаться в условиях-категориях для того, чтобы о них говорили с использованием общего лейтмотива? Какие черты разделяют те условия-категории, в отношении которых не может быть применен какой-либо лейтмотив? Что будет являться инновационным использованием лейтмотива? Какие символические операции совершаются в рамках таких инноваций? Когда важным фактором при использовании лейтмотива является новизна, противопоставляемая существующим клише? Какого рода соединение откровения и конфирмации, как представляется, предпочитается теми, кто выдвигает утверждения-требования?

Изучение лейтмотивов высвечивает также необходимость понимания их *символического хождения* (symbolic currency), т. е. того, почему одни лейтмотивы оцениваются высоко, тогда как в отношении других считается, что их лучше избегать. Фактически, такую трансформацию оценки может испытать *один и тот же* лейтмотив. Рассмотрим работу Дж. Холстайна и Г. Миллера⁴¹, в рамках которой осуществляется реконструкция “виктимизационных практик” участников. На наш взгляд, это пример того типа научной работы, проведению которой может способствовать исследование лейтмотивов. Сосредоточиваясь на лейтмотиве “жертва”, они показывают, что идентичность жертвы иногда считается чем-то ценным, а в другое время совершенно наоборот, поскольку коннотации данного лейтмотива варьируются в зависимости от типов утверждений-требований.

Работа Холстайна и Миллера свидетельствует о том, что изучение лейтмотивов дает нам возможность реконструировать

дискурс социальных проблем, не прибегая к онтологическим подтасовкам, на которые указывали С. Вулгар и Д. Полач⁴². Исследование, основанное на понятии лейтмотивов, позволяет легко отказаться от акцента контекстуального конструкционизма на единственном социальном условии⁴³ в пользу другого акцента: на рассмотрении того, каким образом развиваются и обретают “точную настройку” термины дискурса социальных проблем и как определяется их символический подтекст. Как мы видим, эти факторы в большей степени касаются политики, эпистемики (epistemics) и поэтики описания, т. е. артикуляции, нежели “онтологии описываемого”. Независимо от того, изучаем мы “грамматику” или полезность лейтмотивов, мы получаем таким образом возможность понять, что делают участники, когда они выдвигают утверждения-требования.

Стили выдвижения утверждений-требований

Джозеф Гасфилд подчеркивал, что «понятие “социальные проблемы” не является чем-то абстрактным и отдельным от социальных институтов», и указывал, что «концептуализация ситуаций в качестве “социальных проблем” встроена в развитие государства всеобщего благосостояния»⁴⁴. Приводимые им примеры того, как социальные органы, профессионалы и институты заявляют о своем “праве собственности” на публичные проблемы (термин, предпочитаемый им понятию социальных проблем), высвечивают процессы конфликта и консенсуса по отношению к таким проблемам, а также язык и риторику, в которых они формулируются. Подход Гасфилда отражает концептуальный уклон в социологии социальных проблем, пренебрегающий дискурсом социальных проблем, сформулированным в рамках *частного* и обращенным к нему, в пользу арен, ориентированных на государство (state-centric arenas). В свою очередь, сосредоточение на “собственности на проблемы” ведет к оценке “успехов” и “неудач” тех, кто выдвигает

утверждения-требования, в коллективном переопределении проблемы или принятии нового законодательства и социальной политики, соответствующих их интересам. Подобный акцент препятствует теоретическому развитию в той степени, в какой предполагается, что дискурсы участников процесса социальных проблем наиболее полно реконструируются в плане их социологической значимости тогда, когда они рассматриваются в рамках одномерной аналитической схемы успеха или неудачи. В свете того, что это означает для конструкционистского теоретизирования, мы бы предложили пересмотреть виды активности, заслуживающие внимания в качестве выдвижения утверждений-требований, включив в их число не только те, что находятся в легально-рациональных и государственно-ориентированных областях. Здесь мы хотели бы указать на то, каким образом рассмотрение *стиля* тех, кто конструирует проблему, будет способствовать подобному расширению рамок конструкционизма, особенно в том случае, если наша теоретизация предмета будет иметь *сравнительный* характер.

Понятие *стилей выдвижения утверждений-требований* указывает на до сих пор игнорируемый, но вполне поддающийся изучению вопрос в рамках нашей предметной области: каким образом различные сочетания поведения, тона, чувствительности и степени участия того, кто конструирует проблему, могут определять как общий вид, так и конкретное содержание утверждения-требования, а также указывать членам аудитории, каким образом его следует интерпретировать. В качестве переходного глагола слово "*стилизовать*" обозначает действие по приданию формы утверждениям-требованиям в соответствии с традициями стилей их выдвижения, например, когда кто-либо стилизует свое утверждение-требование в качестве научного. Наша задача заключается в том, чтобы, во-первых, определить виды стилей, встречающиеся в ряде дискурсов социальных проблем; во-вторых, выявить практики, составляющие различные стили; и, в-третьих, охватить весь диапазон и отдельные

оттенки смысла, которые способны передать эти жанры моральной репрезентации. Другими словами, в каком отношении полезен тот или иной стиль? Что меняет использование того или иного стиля?

Когда о том, кто конструирует социальную проблему, говорят, что он или она выступает в *научном стиле*, смысловые рамки, вероятно, включают в себя определенные типизации, такие, как “незаинтересованное” поведение, “трезвый” тон, “специальная” и “точная” терминология. Конкретные истории, предположительно, должны служить в данном случае только введением или иллюстрацией, “очеловечивая” или “делая доступной” презентацию, т. е. иметь второстепенный характер по отношению к сущности выдвигаемых утверждений-требований. Подобным образом, если быть “слишком риторическим”, “политическим” или “поэтичным”, то это может быть воспринято как недостаток, отклонение от требований стиля. Главное в этом стиле заключается не в формировании эмоциональной образности или раскрытии личного склада его авторов, а в том, чтобы быть анонимным, даже “не обладающим стилем”, устраняя сомнения относительно “качеств” условия-категории. Вполне очевидно, что многие из тех, кто обладает опытом конструирования социальных проблем, признают значение научного стиля для придания “объективности” своим утверждениям-требованиям. Таким образом, изучение “научной” коммуникации участников имеет прямое отношение к интеракционистской концепции социальных проблем. Строго говоря, “научный метод” относится к категории *научного стиля*, при этом он не наделяется какой-либо большей эпистемологической значимостью по сравнению с любым другим набором практик, связанных с определенным стилем. Даже если некоторые стили представляются более успешными и чаще являются “эффективными” (т. е. способными вызвать доверие у тех, к кому обращены утверждения-требования), это не умаляет значение исследования альтерна-

тивных или “оппозиционных” стилей в связи с важностью сравнительного анализа для теории социальных проблем.

Стили выдвижения утверждений-требований играют одинаково важную роль как в проблематизации условий-категорий, так и в том, чтобы последние казались приемлемыми, безвредными или каким-то другим образом не заслуживающими внимания. Те, кто выдвигает утверждения-требования, и те, кто противодействует этому, могут использовать аспекты одного и того же стиля даже несмотря на противоположность их взглядов, как в случае с учеными, расходящимися во мнениях относительно, скажем, признания проблемы парникового эффекта. Как утверждают Н. Аронсон⁴⁵ и другие исследователи, разногласия ученых по поводу “научных утверждений-требований” могут быть разногласиями участников процесса социальной проблемы⁴⁶. В данном случае значение “внутристилистических” разногласий может варьироваться. В контексте дискурса в научном стиле расхождение во мнениях относительно применимости эпитета “социальная проблема” будет считаться индикатором неудачного использования или противоречивости методологии. В той степени, в какой в основе этого стиля лежит предположение о том, что “факты, относящиеся к данному случаю” объективны, устойчивы и открываемы (эта предпосылка имеет решающее значение и для правовых стилей⁴⁷), внутристилистические разногласия фокусируются на оспаривании методов, которые используются для доказательства “фактов”. С другой стороны, внутристилистические разногласия в рамках других “речевых жанров”, если использовать термин М. Бахтина⁴⁸, например, в рамках гражданского стиля, могут иметь значение совсем другого рода. Так, внутристилистические расхождения могут указывать на саму величину проблемы, по поводу которой ведутся споры. Т. е. отличительный признак выдвижения утверждений-требований в гражданском стиле – чрезвычайно сильное (“mad as hell”) моральное возмущение – само по себе может восприниматься как показатель степени, в какой

полемика “задевает за обнаженные нервы”. “Гражданский гнев” каждой стороны конфликта указывает на неподатливость самой проблемы.

Кроме исследования символического взаимодействия в рамках внутристилистических споров мы, очевидно, можем изучать траектории дискурса социальных проблем в тех случаях, когда противоборствующие стороны задействуют различные стилистические варианты. Стили выдвижения утверждений-требований воплощают или выражают различные способы вовлеченности в моральные репрезентации и понимание. Исследование межстилистического дискурса может сосредоточиться на том, что происходит, когда способы “демонстрации моральности” так же важны для содержания утверждений-требований об условии-категории, как и само условие-категория. И в случае с предположительно “разрушительными” субкультурными стилями⁴⁹, такими, как смесь речи и музыки, известная под названием “hard core rap”, предполагаемые смыслы или политические взгляды, свойственные данному стилю, сами по себе могут конструироваться в качестве “проблемы”⁵⁰.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть другие стили выдвижения утверждений-требований, которые могут представлять интерес для конструкционистов в связи с их интеракционными и дискурсивными измерениями. *Комический стиль* охватывает те практики, посредством которых участники высвечивают абсурдность определенных позиций или лицемерие тех, кто конструирует проблему или противодействует этому. Обычно в данном случае используется некоторая степень иронии или сарказма для того, чтобы подорвать или поддержать определенную мораль. Комические стили сопряжены с интересными проблемами читаемости утверждений-требований в той степени, в какой эстетический императив хорошей шутки может вступать в конфликт с практической целью увеличения числа своих сторонников. Требования, согласно которым юмор не должен быть “сомнительным”, “пошлым”, “вульгарным”,

обычно являются общепризнанными, хотя то, что считается “плохим вкусом”, само по себе изменчиво. Другой вопрос – при каких обстоятельствах комический стиль представляется наиболее точным или стратегически выигрышным. Т. е. по отношению к категориям каких типов он является наиболее действенным? К чему лучше подходит этот стиль – к выдвиганию утверждений-требований или к противодействию этому?

Рассмотрим, каким образом комический стиль карикатуры может использоваться для придания формы контрриторике посредством доведения до абсурда утверждения-требования, выраженного с помощью идиомы наделения правом. Так, попытки педагогов-геев в Калифорнии включить признание вклада геев в школьные учебники по истории (в качестве способа “придания уверенности” геям-подросткам) были встречены такими риторическими вопросами, как «не следует ли нам упомянуть также исторический вклад педофилов и проституток?» В этом риторическом гамбите присутствует по крайней мере два подтекста: во-первых, отождествление в моральном отношении геев и педофилов, которое предположительно будет приводить в замешательство сторонников данного проекта, во-вторых, представление о том, что учебники истории, если следовать логике наделения правом, вскоре примут характер галереи сексуальных девиантов (*perverts' gallery*) и вследствие этого их невозможно будет дать в руки впечатлительной молодежи. Данная контрриторика обвиняет тех, кто продвигает утверждение-требование, выраженное посредством идиомы наделения правом, в создании “скользкой дорожки”, с которой нет возврата, взывая при этом к призраку нигилизма. Таким образом, центральное понятие словаря идиомы наделения правом – расширение – наталкивается в данном примере на противодействие, осуществляемое посредством “раскрытия” той абсурдной (неидиоматической) степени, которую оно может принять. Образ “скользкой дорожки” использует и автор редакционной колонки в газете, который, услышав об инновационной программе обу-

чения парикмахеров выявлять факты домашнего насилия над их клиентами (посредством незаметного изучения головы в поисках признаков насилия), спрашивает: «Не будут ли бармены следующей группой, призванной прослушать организованный правительством курс о том, как доносить на своих клиентов, чтобы способствовать осуществлению законов о домашнем насилии или поддержке детей»⁵¹. При этом подразумевается, что «поскольку» (а)логичное расширение таких мер является смешным и чрезвычайным, таковыми должны быть и сами меры.

Театральный стиль охватывает такие случаи выдвижения утверждений-требований, при которых считается обязательным иллюстрирование групповой моральной критики тем же способом, каким репрезентируется утверждение-требование. Например, различные акции «ACT-UP», такие, как «die-ins», представляют собой драматизации конструируемого этой организацией вопроса. Активисты «Guerrilla theater» также пытаются стать живыми иллюстрациями сущности их утверждения-требования, как это было когда один из участников процессии «анти-Мисс Калифорния» в Санта-Крузе шествовал в купальнике, сделанном из кусков мяса. Театральный стиль стал широко использоваться в последние годы, вследствие чего произошло и, вероятно, еще происходит проникновение этого предпочитаемого артистами и другими культурными работниками стиля в другие сегменты общества. Так, в демонстрациях «Операции Спасения» против абортос центральное место отводилось таким действиям, как символические массовые похороны. Опасность, возникающая при использовании этого стиля, заключается в его непонятности, особенно когда символические инсценировки призваны служить назиданием как тем, кто выдвигает утверждения-требования, так и более широкой публике⁵², а также в его возможной оскорбительности, особенно когда при конструировании проблемы священные символы используются в предположительно (или умышленно) «кошунственной» форме. Если

возникают недоумение и/или обида, то те, кто выдвигает утверждения-требования, рискуют быть представленными в качестве “зашедших слишком далеко”, “маргинальных элементов”, “сумасшедших”. Образы участников, вырванные из контекста, могут в свою очередь использоваться оппонентами в качестве средства подорвать обоснованность их утверждений-требований, при этом эксцентричность выражения приравнивается к отклонениям в способности к формированию и восприятию идей. (С этой же целью оппоненты и наблюдатели могут использовать образы участников, выдвигающих утверждения-требования в субкультурных стилях.)

Гражданский стиль предполагает выдвижение утверждений-требований, имеющих, так сказать, “неотшлифованный вид”. Отличительный элемент данного стиля является драматургическим – это проекция “честного”, “искреннего”, “прямого”, “нестилизованного” поведения. Если при театральном стиле правилом является преднамеренность, то те, кто выдвигает утверждения-требования в гражданском стиле, должны прочитываться как участвующие в дискурсе социальных проблем вследствие значительного морального возмущения или оскорбления. “Трубачи” (“whistleblowers”), героически посвящающие свою работу или репутацию тому, чтобы указать обществу на недопустимое нарушение, часто конструируются таким образом. В данном стиле выступают также представители различных форм “общественной реакции”, о которой время от времени сообщают средства массовой коммуникации. Казаться слишком хорошо организованным или “слишком ловким” означает быть частью “заинтересованной группы”, тогда как гражданский стиль предполагает извлечение выгоды из идеала “обыкновенных порядочных людей”, а его характер часто используется в качестве олицетворения общераспространенной морали, особенно в таких популярных культурных продуктах, как фильм “Мистер Смит едет в Вашингтон”. Примером использования гражданского стиля может служить президентская кампания Росса Перо в 1992

году; на это указывают его ссылки на своих сторонников как на “добровольцев”, осуждение “деляг” и т. д.

В основе *правового стиля* находится представление о том, что тот, кто выдвигает утверждения-требования, в действительности выступает от имени другой стороны, ответчика или истца, и что существо их дела соответствует правам и гарантиям, воплощенным в законе. Причина, по которой правовой стиль не относится к категории театрального стиля несмотря на сценическое искусство, к которому склонны адвокаты и обвинители (как в зале суда, так и за его пределами), заключается в том, что утверждение-требование в правовом стиле, вероятно, не является ни аллегорическим, ни символическим. Такое утверждение-требование является частным, конкретным, основывается на аналогии и поддерживается всем весом и престижем институциональной юстиции. Данный стиль может производить весьма сильное впечатление именно вследствие технической виртуозности и эзотерического знания, которыми могут обладать те, кто его использует. Обращение к прецедентам судебных решений по апелляциям в разговоре с несведущими участниками может иметь сильный практический эффект, заключающийся, по крайней мере в течение какого-то времени, в представлении спорного вопроса решенным и не допускающим обсуждения. Примером является заявление одного из тех, кто противодействовал выдвижению утверждений-требований о расовой предвзятости (racial profiling) патрульных полицейских, о том, что в деле *Whren v. United States* (1996) Верховный Суд США уже подтвердил конституционность остановки транспортного средства полицией “под каким-либо предлогом” (“pretextual” traffic stops), что заставило тех, кто конструировал эту проблему, переопределить, где конкретно предвзятость *может* быть обнаружена и проблематизирована.

Наконец, *субкультурные стили* представляют собой категорию, связывающую социальный конструкционизм и культурные исследования. Различные сегменты общества – самоопреде-

ляющиеся по классу, расе, этничности, гендеру, сексуальной ориентации, жизненному стилю, географическому расположению – обычно развивают уникальные или “локальные”⁵³ способы толкования более широкого социального мира, загадочные для “посторонних”, но понятные для членов группы⁵⁴. Такие стили обычно формируются в изоляции от “господствующих” культур и в связи с этим имеют, как правило, “маргинализованную” историю, определяющую их направленность, а также набор средств выражения, которые обуславливают то, как они выглядят⁵⁵. Поскольку выражение этих стилей может производить впечатление загадочности, мы можем обнаружить литературных критиков или обществоведов, призванных “переводить” для общественности смыслы, воплощенные в их репрезентации, или подтверждать чистоту (integrity) самого стиля речи. Примером является выступление Генри Луи Гейтса-младшего в защиту рэп-музыкантов группы 2 Live Crew в ходе судебного процесса 1990 года по делу о непристойности используемых ими выражений. Случай с 2 Live Crew напоминает нам, что те, кто использует субкультурный стиль, могут столкнуться с осуждением и демонизацией. Однако такое осуждение может быть не только внешним, но и внутренним, когда “свои” (insiders) заявляют о том, что определенные случаи выдвижения утверждений-требований представляют собой “разбавленные” версии реальности, которую следует представлять участникам. Возможными вопросами для исследователей процесса социальных проблем в субкультурных сферах являются вопросы об отношениях между позиционированием “лагеря” и моральным позиционированием (moral positioning); о стилях морального дискурса, развиваемого в таких диалогичных ситуациях, как “группы взаимопомощи” или сессии, способствующие пониманию или осознанию чего-либо их участниками (consciousness-raising sessions)⁵⁶; о форматах выдвижения утверждений-требований, порождаемых билингвизмом или использованием нестандартного английского языка.

Ценность категории субкультурного стиля заключается в следующем: она напоминает нам о том, что легко можно упустить, а именно, что дискурс социальных проблем встречается во всех видах форумов и среди самого широкого круга лиц. Обеспокоенность, которая может быть характерна для столь различных людей в их толковании символического порядка, в который они включены, а также свойственные им способы описания последнего не всегда заметны, если считать, что дискурсы, формируемые государством или медиа, наделяют нас привилегированным доступом к социологии современных моралей.

Заключение

Социальные конструкционисты исследуют возникновение и эволюцию определений проблем и институционализацию предпочитаемых реакций на них. Отправной точкой, обеспечивающей конструкционистам доступ к изучению того, как создается социальная реальность в процессе дискурсивного производства социальных проблем, являются утверждения-требования. Последние, а также контрутверждения, являются ключевой единицей наблюдения. В данном эссе мы предложили способ исследования того, как они формируются. Четыре измерения дискурса выдвижения утверждений-требований, очерченные нами, представляют собой во многом идеальные типы, абстракции ресурсов, определяющих, каким образом посредством риторических ходов участников возникают и развиваются определения проблем. То, как действительно используются эти ресурсы в конкретных случаях, всегда определяется практическими и ситуационными факторами, включая ключевые организационные и процессуальные измерения, которые мы намерены зафиксировать и подвергнуть теоретической рефлексии.

Используемый нами подход отчасти обусловлен желанием избежать некоторых концептуальных ошибок в конструкцио-

нистской практике, отмеченных Вулгаром и Полач (и другими). В частности, мы были обеспокоены возникновением того, что Вулгар и Полач назвали “стандартным объяснительным форматом” в исследовании социальных проблем, в рамках которого принимается допущение о постоянстве предполагаемого условия, служащее основанием для оценки различных утверждений-требований и иронии по их поводу. Такая аналитическая стратегия ставит социолога в возвышенную эпистемологическую и моральную позицию относительно тех, кто выдвигает утверждения-требования, и тех, кто этому противодействует, позволяя ему решать, чьи моральные и когнитивные суждения являются верными, а чьи нет (подход “контекстуального конструкционизма”). Несмотря на высокомерие, подразумеваемое принятием такой позиции по отношению к процессу социальной проблемы и его участникам, вопрос для нас заключался в том, является ли *этот* объяснительный формат неизбежным для выражения взгляда Спектора и Китсьюза на необходимую связь между языком, социальным взаимодействием и социальными проблемами. На наш взгляд, данный формат, преобладавший в литературе, представлял собой только один из возможных вариантов применения теоретических положений, сформулированных Спектором и Китсьюзом, при этом не самый удачный, поскольку в данном случае отсутствовал анализ выдвижения утверждений-требований с точки зрения его центральной, конститутивной роли в производстве социальных проблем. Таким образом, мы очертили альтернативные темы для исследования, отражающие процесс социальных проблем, полагая, что эти направления и области будут способствовать также эмпирически обоснованному теоретическому развитию, не повторяющему логических ошибок, очевидных в тех исследованиях, на которые указывали Вулгар и Полач⁵⁷.

Развивая наш подход, мы подчеркивали два момента: во-первых, плодотворность изучения просторечных ресурсов, особенно риторических форм и форм выражения, используемых в

процессе социальных проблем. Во-вторых, мы призывали конструкционистов исследовать социальные проблемы сравнительно, выходя за рамки подхода, связанного с изучением конкретных случаев (кейс-стади), который предпочитается большинством исследователей в данной области. Логика этой позиции заключалась в следующем: несмотря на то, что данный подход (кейс-стади) оказался чрезвычайно плодотворным, он заставляет прибегать к аналитическим практикам, объективирующим рассматриваемое условие, что неприемлемо для подхода, сосредоточенного как раз на “раскрытии” того, как осуществляется объективация социальных проблем. Вместо исследования уникальных и интересных “случаев” социальных проблем самих по себе мы выступаем за размещение конкретных случаев в рамках различных видов дискурса социальных проблем, что позволит, на наш взгляд, выявить свойственные им уникальные интеракционные и текстуальные образцы. В свою очередь эти образцы можно будет сравнить с теми, что обнаруживаются в других, на первый взгляд отличных случаях. Теоретическое развитие, таким образом, могло бы осуществляться путем разработки общих измерений конструкций социальных проблем, нежели изучения их конкретных историй, несмотря на то, насколько последнее может быть интересным.

Это предложение критиковалось за сопряженность со слишком значительными ограничениями (см., например, другие эссе в сборнике под редакцией Дж. Холстайна и Г. Миллера⁵⁸). Несомненно, существуют менее строгие проекты по изучению социальных проблем. Тем не менее мы продолжаем считать, что исследование дискурса выдвижения утверждений-требований по праву обладает особым очарованием, и наш проект является логическим развитием ключевых идей Спектора и Китсьюза относительно понятия социальных проблем и процессов, связанных с ними. Предложив использовать вместо сбивающего с толку термина “предполагаемое условие” термин “условие-категория”, мы очертили в данном эссе исследова-

тельскую повестку дня, направляющую внимание на темы, логически вытекающие из основных посылок Спектора и Китсьюза. В частности, сосредоточение на дискурсивных практиках, посредством которых формируются утверждения-требования, способствует нашему вниманию к богатству языка и аргументации, которые могут использоваться участниками в качестве постоянно доступного ресурса. Наша задача как теоретиков заключается в том, чтобы подчеркнуть смысловые различия и различия в последствиях – для процесса социальных проблем, – которые могут возникать при стратегическом использовании тех или иных просторечных форм.

Мы полагаем, что теоретические положения, сформулированные здесь, соответствуют высокодифференцированной культуре и обществу, в котором утверждения-требования могут оспариваться с самых неожиданных направлений и точек зрения⁵⁹ и которое требует внимания к тонкостям, связанным с вариативностью выражения в различных контекстах. Исследование просторечных компонентов социальных проблем наделяет нас новым видением нашего проекта – в качестве этнографии морального дискурса⁶⁰ – и подтверждает необходимость переосмысления и очищения теоретического языка, который мы используем для реконструкции социальных взаимодействий, называемых нами “активностью по выдвиганию утверждений-требований”.

Примечания

¹ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

² **Fuller, Richard C., Richard R. Myers.** The natural history of a social problem // American sociological review. 1941. Vol. 6. June. P. 320–328.

³ **Blumer, Herbert.** Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 298–306.

⁴ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Op. cit. P. 38–39.

⁵ См. например: **Merton, Robert K.** Introduction: the sociology of social problems // *Contemporary social problems* / Ed. by R. K. Merton, R. Nisbet. New York: Harcourt, Brace & World, 1974. P. 5–43.

⁶ **Wilson, T.** Normative and interpretive paradigms in sociology // *Understanding everyday life* / Ed. by J. Douglas. London: Routledge, 1971. P. 57–79.

⁷ **Sacks**, цит. по: **Heritage, John.** Garfinkel and ethnomethodology. Cambridge: Polity, 1984. P. 233.

⁸ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Op. cit. P. 39.

⁹ Ibid. P. 76.

¹⁰ **Garfinkel, Harold.** Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 31–34.

¹¹ **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // *Social problems*. 1985. Vol. 32. P. 214–227; **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** How shall we move beyond constructionism? // *Social problems*. 1985. Vol. 33. P. 159–162; **Hazelrigg, Lawrence.** Is there a choice between ‘constructionism’ and ‘objectivism’ // *Social problems*. 1986. Vol. 33. P. 1–13; **Schneider, Joseph W.** Defining the definitional perspective on social problems // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. P. 232–234.

¹² **Best, Joel.** Afterword: extending the constructionist perspective: a conclusion and an introduction // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.

¹³ Контекстуальный конструкционизм проблематичен в той степени, в какой “контекст” рассматривается в качестве детерминирующей “среды”, а не пространства, вмещающего в себя ситуационные ограничения, факторы и установления, которые могут наполнять (различным) содержанием дефиниционную активность участников. Контекстуальный конструкционизм ориентирован на “разоблачение” (debunking) утверждений-требований посредством противопоставления взглядов различных участников (включая при случае взгляды социолога-как-участника), словно главным теоретическим вопросом является “кто прав?”, а не “как это происходит?”. Мы отвергаем стремление к “разоблачению”, но не потому, что считаем социальные проблемы “всего лишь” или “просто” социальными конструкциями. Данный вопрос имеет скорее методологический, нежели онтологический характер: исследование социальных проблем должно всегда возвращаться к практикам взаимодействия и интерпретации, наполняющим, объективирующим или деконструирующим категории социальных проблем; социальный конструкционизм в этом смысле уделяет должное внимание “контексту”.

¹⁴ **Hazelrigg, Lawrence.** Op. cit.

¹⁵ **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // *Social problems*. 1985. Vol. 32. P. 214–227.

¹⁶ Ibid. P. 215.

¹⁷ **Heritage, John.** Op. cit.

¹⁸ Очевидно, что с точки зрения участников процесс социальной проблемы может постигаться в форме саморефлексии. Представляется, что подобная рефлексивность особо поощряется в ходе стратегических сессий, когда участники обмениваются мнениями о том, какие способы презентации позволяют достичь наилучших результатов при работе с различными темами и перед различными аудиториями. Хрестоматийным примером является работа политических консультантов в период президентских избирательных кампаний (в данном случае задействуются не одна тема, аудитория или обстановка). Разница между рефлексивностью участника и рефлексивностью аналитика заключается в том, что первая имеет практический характер, а вторая – теоретический. На эту тему можно было бы написать ряд интересных статей, рассмотрев, каким образом возникает подобная рефлексивность, какой характер она принимает, какие ограничения ей необходимо принимать во внимание исходя из практических соображений и каким образом практика общераспространенной рефлексивности может привести к отходу от точки зрения участника в пользу строго теоретической рефлексивности (при которой исключается “естественная установка”).

¹⁹ **Pollner, Melvin.** Constitutive and mundane versions of labeling theory // *Human studies*. 1978. Vol. 1. P. 269–288.

²⁰ См. для сравнения: **Aronson, Naomi.** Science as a claims-making activity: implications for social problems research // *Studies in the sociology of social problems* / Ed. by J. Schneider and J. I. Kitsuse. Norwood, NJ: Ablex, 1984. P. 1–30.

²¹ **Mills, C. Wright.** Situated actions and vocabularies of motive // *American sociological review*. 1940. Vol. 6. P. 904–913.

²² **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // *Social problems*. 1985. Vol. 32. P. 214–227.

²³ **Emerson, Robert M., Rachel Fretz, Linda Shaw.** *Writing ethnographic fieldnotes*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

²⁴ **Loseke, Donileen.** *Thinking about social problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1999.

²⁵ **Luker, Kristin.** *Abortion and the politics of motherhood*. Berkeley, CA: University of California Press, 1984.

²⁶ **Garfinkel, Harold.** *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.

²⁷ **Pollner, Melvin.** Constitutive and mundane versions of labeling theory // *Human studies*. 1978. Vol. 1. P. 269–288.

²⁸ Сравните: **Best, Joel.** Rhetoric in claims-making: constructing the missing children problem // *Social problems*. 1987. Vol. 34. P. 101–121.

²⁹ В более раннем варианте данной статьи мы рассматривали также среду или фон (“settings” or venues) выдвижения утверждений-требований и призы-

вали обращать особое внимание на конструктивную роль различных черт этих разнообразных форумов в формировании утверждений-требований. См.: **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse**. Vernacular constituents of moral discourse // *Reconsidering social constructionism* / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 25–58.

³⁰ **Jaworski, Gary Dean**. Debunking the drug scare: a rhetorical analysis // *Perspectives on social problems*. 1994. Vol. 5. P. 55–73.

³¹ **Best, Joel, Mary M. Hutchinson**. The gang initiation motif in contemporary crime discourse // *Justice quarterly*. 1996. Vol. 13. P. 383–404.

³² **Lynxwiler, John, Catherine DeCrote**. Claims-making and the moral discourse of hard core rap music // *Perspectives on social problems*. 1996. Vol. 7. P. 3–28.

³³ **Spencer, J. William**. Appropriating cultural discourses: notes on a framework for constructionist analyses of the language of claims-making // *Perspectives on social problems*. 2000. Vol. 12. P. 25–40.

³⁴ **Best, Joel**. Rhetoric in claims-making: constructing the missing children problem // *Social problems*. 1987. Vol. 34. P. 101–121.

³⁵ **Loseke, Donileen**. *Thinking about social problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1999.

³⁶ **Staudenmeier, W. J., Jr.** Urine testing: the battle for privatized social control during the 1986 War on drugs // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 207–221.

³⁷ **Best, Joel**. Op. cit.

³⁸ **Pollner, Melvin**. Constitutive and mundane versions of labeling theory // *Human studies*. 1978. Vol. 1. P. 269–288.

³⁹ **Brodeur, Paul**. Annals of radiation: calamity on Meadows Street // *The New Yorker*. 1990. July 9.

⁴⁰ **Steele, S.** *The content of our character*. New York: St. Martin's Press, 1990.

⁴¹ **Holstein, James, Gale Miller**. Rethinking victimization: an interactional approach to victimology // *Symbolic interaction*. 1990. Vol. 13. P. 103–122.

⁴² **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch**. Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // *Social problems*. 1985. Vol.32. P. 214–227.

⁴³ **Best, Joel**. Afterword: extending the constructionist perspective: a conclusion and an introduction // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.

⁴⁴ **Gusfield, Joseph**. Constructing the ownership of social problems: fun and profit in the welfare state // *Social problems*. 1989. Vol. 36. P. 432.

⁴⁵ **Aronson, Naomi**. Science as a claims-making activity: implications for social problems research // *Studies in the sociology of social problems* / Ed. by J. Schneider and J. I. Kitsuse. Norwood, NJ: Ablex, 1984. P. 1–30.

⁴⁶ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. *Constructing social problems*. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

⁴⁷ **Pollner, Melvin.** Mundane reason: reality in everyday and sociological discourse. New York: Cambridge University Press, 1987.

⁴⁸ **Bakhtin, Mikhail M.** Speech genres and other late essays. Austin: University of Texas Press, 1986.

⁴⁹ **Hebdige, Dick.** Subculture: the meaning of style. London: Methuen, 1979.

⁵⁰ **Lynxwiler, John, Catherine DeCrote.** Claims-making and the moral discourse of hard core rap music // Perspectives on social problems. 1996. Vol. 7. P. 3–28.

⁵¹ **Stryker, Jeff.** Those who stand and coif might also protect // New York Times. 2000. March 26. P. WK: 4.

⁵² **Gamson, Josh.** Silence, death, and the invisible enemy: AIDS activism and social movement 'newness' // Social problems. 1989. Vol. 36. P. 351–367.

⁵³ **Geertz, Clifford.** Local knowledge: further essays in interpretive anthropology. New York: Basic Books, 1983.

⁵⁴ **Scott, James.** Domination and the arts of resistance: hidden transcripts. New Haven, CT: Yale University Press, 1990.

⁵⁵ **Miller, Leslie.** Claims-making from the underside: marginalization and social problems analysis // Reconsidering social constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 349–376.

⁵⁶ Г. Тачмен отмечает, что сессии, способствующие пониманию происходящего, которые проводятся в рамках женского движения, не соответствуют принятым форматам новостей. «Репортер не может использовать нарративные формы, встроенные в ткань фактичности, для того, чтобы превратить внешне “бесформенный вид разговора” в тему – новостную историю, которую она могла бы рассказать». **Tuchman, Gaye.** Making news: a study in the construction of reality. New York: Free Press, 1978. P. 139.

⁵⁷ При написании этого эссе мы не следовали рекомендациям Вулгара и Полач, касающимся радикальной саморефлексивности в том смысле, в каком это выражение использует Поллнер, описывая данную позицию. См.: **Pollner, Melvin.** The reflexivity of constructionism and the construction of reflexivity // Reconsidering social constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 199–212. Наш интерес к социологии социальных проблем связан с теоретизированием по поводу того, каким образом участники конструируют социальные проблемы, в частности, как они формируют, выражают и продвигают утверждения-требования во взаимодействии с симпатизирующими, не симпатизирующими, индифферентными и стоящими на агностических позициях другими. Эти вопросы требуют эмпирического изучения, хотя мы признаем, что наш подход предполагает большую свободу интерпретации по сравнению с той, какую склонны принять большинство эмпирических социологов, т. е. он погружает аналитика в то, как эти процессы осуществляются в конечном счете. Мы не отказываемся принять эту ответственность; мы просто настаиваем на том, что “сырьем” для таких аналитических реконструкций являются категории и активность участников.

⁵⁸ Reconsidering social constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

⁵⁹ **Kitsuse, John I.** Coming out all over: deviants and the politics of social problems // Social problems. 1980. Vol. 28. P. 1–13.

⁶⁰ Утверждения Б. Лоу об изучении “моральных словарей”, используемых в моральном дискурсе социальных движений и субкультур, имеет прямое отношение к настоящей дискуссии. См.: **Lowe, Brian M.** Hearts and minds and morality: analyzing moral vocabularies in qualitative studies // Qualitative sociology. 2002. Vol. 25. P. 105–123. Лоу очертил этнографический подход к исследованию морального дискурса, отличающийся от нашего. Хотя мы считаем, что наш подход допускает использование этнографических методов, повестка дня, сформулированная нами, основывается на идее, согласно которой единицами наблюдения и анализа являются социальные взаимодействия. По мнению же Лоу, исследование морального дискурса должно осуществляться в рамках изучения общин активистов движений и членов субкультур и их жизни. Подобный подход имеет свои привлекательные стороны и представляет собой интересную альтернативу подходу, описанному здесь, а также другим разработкам в области теории социальных проблем. Однако подход “моральных общин”, рекомендованный Лоу, не может быть общим подходом к исследованию социальных проблем, поскольку дискурс социальных проблем имеет место в настолько разнообразных ситуациях с настолько различными участниками, что его фиксация в рамках концепции, устанавливающей отчетливые связи между категориями лиц, коллективностью и характеристиками утверждений-требований, невозможна. Конечно, мы не будем отрицать, что такие связи должны встречаться, особенно в контексте субкультур и социальных движений. Моральный дискурс выходит за рамки дискурса социальных проблем, и мы понимаем, что исследователи социальных движений и субкультур имеют свою особую точку зрения на наш предмет. См.: **Ibarra, Peter R.** Notes on the delimitation of social problems discourse // Perspectives on social problems. 2000. Vol. 12. P. 15–24.

ОГРАНИЧЕНИЯ СТРОГОЙ КОНСТРУКЦИОНИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ*

Эссе «Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы»¹ (в соавторстве с Питером Ибаррой), является наиболее современным изложением взглядов Джона Китсьюза в его выдающейся карьере. В течение сорока лет работы Китсьюза оказывали существенное влияние на развитие сначала социологии девиантности, а впоследствии исследований социальных конструкций социальных проблем. В частности, три его работы стали пробным камнем для теоретиков «наклеивания ярлыков» и конструкционистов: «Социетальная реакция на девиантное поведение»², «Заметки об использовании официальной статистики» (в соавторстве с А. Сикурелем)³ и «Конструирование социальных проблем» (в соавторстве с М. Спектором)⁴. Цитирование этих текстов являлось почти обязательным, – условность, затемняющая различия в прочтения идей Китсьюза.

Большая часть содержания работ Китсьюза допускает как строгую, так и мягкую интерпретацию. Строгое прочтение является радикально феноменологическим; в его рамках ставятся под сомнение все допущения о девиантных ярлыках, официальной статистике, социальных проблемах и т. д. с позиций здравого смысла. Китсьюз предпочитает строгое прочтение; он последовательно критикует как теоретиков «наклеивания ярлыков», так и конструкционистов за допущения, предполагающие

* Best, Joel. But seriously folks: the limitations of the strict constructionist interpretation of social problems // *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems* / Ed. by J. A. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 51–69. Copyright © 2003 by Aldine Publishers. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения Джоела Беста и издательства AldineTransaction, отделения Transaction Publishers.

знание объективной реальности девиантности или социальных проблем⁵.

Ирония заключается в том, что на многих из критикуемых повлияли работы самого Китсьюза. Это подтверждается тем фактом, что мягкое прочтение идей Китсьюза гораздо более распространено, чем строгое; значительное влияние Китсьюза связано с такой интерпретацией его работ, которую сам он отвергает. Обратимся, например, к статье «Заметки об использовании официальной статистики». Вряд ли могут быть сомнения, что большинство ее читателей приходит к заключению о том, что официальную статистику следует рассматривать как продукт организационных практик и использовать такого рода данные с осторожностью. Согласно такой интерпретации, Китсьюз и Сикурель⁶ критикуют социологов только за использование официальной статистики в качестве простого отражения объективной реальности. Это мягкая интерпретация, в результате которой многие аналитики, ссылающиеся на Китсьюза и Сикуреля, продолжают использовать официальную статистику, хотя и с некоторой долей рефлексии и осторожности, в качестве отражения как организационных практик, так и социального мира. Например, аналитик может осознавать, что процедуры осуществления переписи ведут к недооценке числа бедных афро-американцев, но в то же время считать, что в других отношениях данные переписи являются более или менее точными. Строгое прочтение работы Китсьюза и Сикуреля ведет нас в совершенно другую сторону: принимая во внимание свойственную официальной статистике двусмысленность, аналитику следует избегать ее использования. Очевидно, что мягкое прочтение является более популярным; многие социологи хотят продолжать использовать (осторожно) данные переписи и другую официальную статистику в качестве неких (пусть и несовершенных) показателей. Они хотели бы выплеснуть воду, но поймать на лету ребенка⁷.

На мой взгляд, такого рода вопросы следует иметь в виду при чтении эссе Ибарры и Китсьюза «Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы». Эта работа предлагает новый вариант уточнения взглядов авторов на конструкционистский подход. Подобно предшествующим работам она допускает как строгое, так и мягкое прочтение, и вновь мягкое прочтение, вероятно, будет более распространенным и, согласно Ибарре и Китсьюзу, менее правильным. Моя критика идей Ибарры и Китсьюза включает в себя пересмотр возникновения того, что я называю строгим конструкционизмом⁸, рассмотрение ограничений, связанных с этой позицией, и анализ собственно текста Ибарры и Китсьюза с целью выявления привлекательных сторон мягкого прочтения и недостатков строгого. Иногда в качестве иллюстрации моих положений я буду обращаться к существующей в обществе обеспокоенности по поводу сатанизма.

Паника по поводу сатанизма

Современная кампания против сатанизма началась примерно двадцать лет назад. К концу 1980-х гг. предупреждения о сатанистской угрозе уже звучали в телевизионных ток-шоу и передачах, выходящих в прайм-тайм, их можно было встретить в десятках книг и бесчисленных газетных и журнальных статьях. Офицерам полиции и социальным работникам на профессиональных семинарах рассказывали об оккультных или ритуальных преступлениях, при этом выступающие описывали гигантскую, могущественную подпольную организацию, кровавый культ, основанный на ритуалах сексуального насилия и человеческих жертвоприношений. Число сатанистов в США оценивалось как превышающее миллион человек, а число людей, приносимых в жертву ежегодно – как шестьдесят тысяч. Предупреждения об угрозе сатанизма связывали такие разные явления, как серийные убийства, пропадающие дети, множествен-

ные расстройства личности, сексуальное насилие в отношении детей, незаконный оборот наркотиков, музыка heavy-metal, ролевые игры в стиле fantasy, в одну огромную сеть зла.

Если утверждения о гигантской сатанистской подпольной организации кажутся незнакомыми, это может быть связано с тем, что источниками новостей для читателей этой книги является обычно престижная пресса, нежели более популярные или местные средства массовой коммуникации. Однако более широким кругам общественности известны тревожные истории о кровавом культе: согласно данным опроса, проведенного недавно в Техасе, 63 процента респондентов назвали сатанизм “очень серьезной проблемой”, а еще 23 процента – “довольно серьезной проблемой”. Предупреждения о сатанизме стали раздаваться также из уст ученых. Одна из недавно вышедших книг о сатанистской угрозе написана профессором религиозных исследований из Университета Денвера⁹; упоминания о сатанизме и его жертвах можно встретить в литературе по криминологии, социальному обеспечению детей, психиатрии и другим профессиям по оказанию помощи людям¹⁰.

Здесь я мог бы приступить к исследованию “конструкции проблемы сатанизма”, характера “утверждений-требований” и тех, кто их выдвигают, и т. д. В конце концов, конструкционизм стал (возможно) ведущей школой теории социальных проблем, подходом, который часто используется для изучения возникновения недавно признанных социальных проблем, таких, как сатанизм¹¹. Однако моя цель в данном случае заключается не в объяснении роста сатанизма; я обращаюсь к сатанизму лишь как к удобному примеру, высвечивающему недостатки строгого конструкционизма. Я намереваюсь показать, что строгий конструкционизм накладывает необоснованные ограничения на социологов, стремящихся к пониманию социальных проблем.

Рассмотрим вопросы, которые могут возникнуть у того, кто слышит об угрозе кровавого культа. Очевидно, что скорее всего он или она заинтересуется тем, являются ли эти предупрежде-

ния обоснованными. Существует ли сатанистская подпольная организация, состоящая из миллиона человек, или число членов равняется ста или даже десяти тысячам? Действительно ли число жертв этого культа составляет десятки тысяч человек ежегодно или только несколько десятков? Кроме того, могут возникать вопросы о людях, предупреждающих об этой угрозе. Кто они, и какие мотивы или интересы стоят за утверждениями-требованиями, которые они выдвигают? Убедительны ли приводимые ими данные? Каким образом нам следует реагировать на утверждения, связывающие между собой сотни подростковых самоубийств, игру “Dungeons and Dragons”, свидетельства пациентов, страдающих множественными расстройствами личности, о том, что они подвергались ритуальному насилию в детстве, обнаружение сатанистских граффити или мест, которые, как представляется, использовались для странных ритуалов, сообщения терапевтов о том, что они опрашивали детей, являющихся жертвами систематического сексуального насилия в дошкольных учреждениях, типологии оккультных преступлений, описываемые офицерами полиции? Эти вопросы имеют смысл, и, как представляется, они хорошо поддаются конструкционистскому анализу. Вместе с тем это тот тип вопросов, к которым, по мнению Джона Китсьюза и других ведущих представителей конструкционистской теории – строгих конструкционистов, аналитики не должны обращаться. Для того, чтобы понять, почему социологи-конструкционисты все чаще отворачиваются от таких интересных вопросов, нам необходимо рассмотреть развитие данного направления.

Возникновение строгого конструкционизма

Основанием современного конструкционизма¹² являются положения, сформулированные Гербертом Блумером¹³, Джоном Китсьюзом и Малькольмом Спектором¹⁴. Они стремились превратить понятие социальных проблем, которое редко фигури-

ровало в социологическом анализе в каком-то ином качестве, нежели вводная тема для университетских курсов и учебников, в предмет серьезного исследования. Отправной точкой для них была критика стандартных определений, отождествляющих социальные проблемы с объективными условиями: «Грубой ошибкой было бы полагать, что любое вредное социальное условие в обществе автоматически становится социальной проблемой для этого общества. История изобилует примерами ужасных социальных условий, не замечаемых в тех обществах, в которых они возникали»¹⁵. Ключ к превращению какого-либо условия в социальную проблему лежит в области субъективного: «Существование социальных проблем зависит от продолжения существования групп или организаций, определяющих некоторое условие в качестве проблемы и пытающихся что-нибудь с ним сделать»¹⁶. Кроме того, единственным общим моментом для условий, на которые наклеили ярлык «социальные проблемы», являются именно эти коллективные определения; нет таких объективных качеств, которые были бы свойственны всем проблемам, описываемым в стандартном тексте о социальных проблемах.

Такого рода аргументация привела к формулированию новых, субъективистских определений социальных проблем: «социальные проблемы являются результатом процесса коллективного определения»¹⁷ или «мы определяем социальные проблемы как *активность групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий*»¹⁸. Эти определения радикальным образом изменили фокус социологии социальных проблем, переместив его с социальных условий на процесс коллективного определения или выдвижения утверждений-требований. Как Блумер, так и Китсьюз и Спектор очертили «повестку дня» для дальнейших конструкционистских исследований, включая модели стадий конструкций социальных проблем¹⁹.

Сосредоточивая внимание на выдвигании утверждений-требований, теоретики-конструкционисты часто указывали на то, что утверждения-требования могут анализироваться в их социальном контексте. Ранние конструкционистские статьи содержали множество ссылок на эмпирическую реальность социальных условий. Так, Блумер открыто допускает, что социологи могут оценивать верность утверждений-требований: «Признание обществом социальных проблем является крайне избирательным процессом, при этом многие вредные социальные условия не достаиваются никакого внимания, а другие оказываются на обочине зачастую жестокой конкурентной борьбы»²⁰. «Знание объективной составляющей социальных проблем... необходимо для устранения неведения или неверной информации относительно этой составляющей»²¹. Китсьюз и Спектор придерживались сходной точки зрения: «Отношение между “объективными условиями” и развитием социальных проблем изменчиво и проблематично. Наличие корреляции или связи между определенными типами условий и определенными типами утверждений-требований является эмпирическим вопросом»²². Они утверждали также, что социолог-аналитик может оценивать мотивы тех, кто выдвигает утверждения-требования («группы, определяющие условия как социальные проблемы, могут быть движимы интересами или ценностями или какой-либо их комбинацией»²³), их опыт («опыт неудовлетворенности будет влиять на характер утверждений-требований, выдвигаемых группой»²⁴) и власть («по-настоящему могущественная группа может не желать расходовать свои ресурсы на определенный вопрос»²⁵). Подобные утверждения не предполагают строгое прочтение; они говорят о том, что в рамках конструкционистского анализа утверждения-требования могут рассматриваться в их более широком социальном контексте.

В своих последующих работах Китсьюз и Спектор стали занимать более осторожную эпистемологическую позицию. Они отмечали, что «социологи являются участниками процесса

определения», и предупреждали о том, что аналитики должны «добиваться дистанции, необходимой для того, чтобы сосредоточиться на процессе определения, а не становиться неосознанно его участником»²⁶. Попытки рассмотрения как субъективных определений, так и объективных условий в рамках единого анализа – «сбалансированный взгляд» – неизбежно ведут к тому, что в жертву приносится «целостность процесса определения»²⁷. Следовательно, аналитикам следует воздерживаться от любых утверждений об объективных условиях: «Мы утверждаем, что даже существование самого условия не имеет отношения к нашему анализу и находится вне его. Мы не касаемся того, существует или нет предполагаемое условие [относительно которого выдвигаются утверждения-требования]. Если бы предполагаемое условие было полной мистификацией – вымыслом, – мы сохраняли бы непричастность по отношению к этому до тех пор, пока те, к кому обращено утверждение-требование, не займутся своим собственным анализом и не обнаружат, что это мистификация»²⁸. Это привело к рекомендации аналитикам «оставлять в стороне вопросы определенного рода», например, не соотносить выдвижение утверждений-требований с мотивами или ценностями участников²⁹. Одним словом, Китсюз и Спектор во все большей степени поддерживали строгое прочтение, призывая аналитиков избегать обсуждения социальных условий.

Реакция объективистов

В большинстве критических отзывов о конструкционизме его эпистемологическая направленность игнорируется. Критики предупреждают о релятивизме конструкционистской позиции; если социальные проблемы отождествляются с выдвижением утверждений-требований, тогда те, кто являются слишком бедными – слабыми или отчужденными – для того, чтобы выдвигать утверждения-требования, могут никогда не удостоиться

внимания аналитика³⁰. Они настаивают на том, что можно определять социальные проблемы объективно, и предлагают различные основания для таких определений, включая «моральные императивы и человеческие потребности, которые являются транссоциетальными и трансисторическими»³¹, «ценности науки, связанные со знанием»³² и «всеобщие этические рамки»³³.

Большинство тех, кто отстаивал объективистское понимание социальных проблем, не отвергали конструкционизм. Скорее, они предлагали интегрировать оба подхода, используя достоинства каждого для развития всесторонних объяснительных рамок. Например, Джонс и др.³⁴ разработали модель, согласно которой объективные условия вызывают субъективные реакции, при этом видимость, ожидания и ценности действуют в качестве опосредующих переменных. Конструкционисты же считают, что такие модели основаны на тех же самых объективистских допущениях относительно социальной жизни и социологии, которые они отвергают³⁵.

Онтологические подтасовки

Гораздо более серьезной критике конструкционизм был подвергнут с субъективистских позиций³⁶. Стив Вулгар и Дороти Полач утверждают, что конструкционисты неизбежно принимают эпистемологически непоследовательную позицию в ходе того, что эти авторы называют «онтологическими подтасовками»: «Успех [конструкционистского] объяснения социальных проблем зависит от проблематизации подлинного статуса определенного положения вещей, отобранного для анализа, и одновременного игнорирования того, что с теми же самыми проблемами могут быть связаны допущения, на которых основывается данный анализ»³⁷. В качестве примера они приводят отрывок из книги М. Спектора и Дж. Китсьюза «Конструирование социальных проблем» об изменении определений упо-

требления марихуаны, в котором говорится: «Характер марихуаны оставался неизменным»³⁸. Вулгар и Полач отмечают: «Ключевым является утверждение о том, что характер вещества (марихуаны), условия или поведения оставался неизменным»³⁹. Даже Спектор и Китсьюз, не раз подчеркивавшие необходимость воздерживаться от любых допущений об объективных условиях, сами делают такие допущения: «Самим поборникам программного релятивизма, которому они всецело отдаются, призывая к предположительно иному, дефинициональному подходу, не удастся ему соответствовать. В ходе конкретных эмпирических кейс-стади программные заявления уступают место ясно различимому возврату к реализму»⁴⁰.

Конечно, Вулгар и Полач были правы. Я уже показал, что в теоретических работах Блумера, Китсьюза и Спектора часто предполагалось и даже утверждалось, что аналитики могут и, возможно, хотят оценивать объективные условия. Представление о том, что социологи не должны позволять себе какое-либо знание об этих условиях, появилось только благодаря более поздней работе Китсьюза и Спектора. Кроме того, как утверждают Вулгар и Полач, авторам кейс-стади обычно не удавалось достичь этого аналитического идеала.

Строгий конструкционизм

Вопрос об “онтологических подтасовках” вызвал пристальное внимание конструкционистов. Джозеф Гасфилд занял по отношению к положениям Вулгара и Полач критическую позицию (рассматривается ниже), тогда как другие известные конструкционисты попытались отстоять свой подход, принимая в то же время предложенные Вулгаром и Полач стандарты оценки исследования. Так, Джозеф Шнайдер в своей обзорной статье о конструкционистских исследованиях утверждал: «Такого рода критицизм оправдан по отношению ко многим [конструкционистским] исследованиям»⁴¹. Однако, отвечая Вулгару и Полач,

Шнайдер отклонил их примеры, назвав их «ошибками в применении дефиниционного подхода, ... следствиями невнимательности», и отмечал «неосторожность и замешательство исследователей-конструкционистов»⁴². Спектор и Китсьюз также признавали тенденцию аналитиков к таким ляпсусам: «Сталкиваясь с такого рода “разрывом”, аналитики делают вывод о том, что свойственные участникам определения социальной реальности отражают “неправильное понимание” “фактов”, неточное знание или какие-либо другие недостатки. Это может быть выражением “обществоведческого” высокомерия (“social scientific” arrogance), уводящего аналитика от исследования определений к присвоению себе полномочий выявлять и исправлять дефиниционные “ошибки” участников»⁴³. Тем не менее, Спектор и Китсьюз настаивали на том, что внутренне непротиворечивый анализ, – не связанный с “онтологическими подтасовками”, – возможен.

Полемика, вызванная критикой Вулгара и Полач, способствовала переопределению и укреплению строгой конструкционистской позиции. Эпистемологические вопросы, не фигурировавшие ни в ранних теоретических работах, ни в кейс-стади, которые осуществлялись в рамках конструкционистского подхода, оказались в центре как дискуссий о конструкционистской теории, так и оценок новых исследований. Аналитиков призывали избегать “заражения” объективизмом, воздерживаться от любых допущений об эмпирическом мире.

Возможность и цена строгого конструкционизма

Призывы к социологам оставаться в аналитических рамках строгого конструкционизма вкупе с признанием того факта, что большинство – если не все – кейс-стади не отвечают этим стандартам, приводят к вопросу о том, возможен ли или даже желателен ли строгий конструкционистский анализ. В данном случае можно вновь обратиться к примеру сатанизма и рас-

смотреть, что может предполагать строгий конструкционистский анализ.

Утверждения-требования о существовании тайного кровавого культа не поддаются проверке, поскольку успешная подпольная организация – это такое явление, которое не может быть доказано. Критика антисатанистского движения сводится к утверждению, что подпольная организация такого масштаба, описываемая в антисатанистских утверждениях-требованиях, неизбежно оставила бы некоторые следы. Так, сотрудник ФБР Кеннет Лэннинг отмечает, что до сих пор не обнаружено ни одного тела жертвы сатанизма: «Не только не найдено никаких тел, но, что важнее, нет никаких материальных признаков того, что совершаются убийства. Многие из тех, кто не имеет отношения к правоохранительной деятельности, не понимают, что можно избавиться от тела, но гораздо труднее скрыть материальные признаки того, что произошло убийство, особенно человеческое жертвоприношение, связанное с сексом, кровью и нанесением увечий. Те, кто прислушиваются к этим историям о массовых человеческих жертвоприношениях, хотели бы, чтобы мы поверили, что сатанисты и последователи других культов каждый год убивают в два раза больше людей в этой стране, чем общее количество зарегистрированных убийств»⁴⁴. Строгие конструкционисты позволяют нам отметить существование этих утверждений-требований (например, о том, что сатанисты приносят в жертву шестьдесят тысяч людей ежегодно) и контр-утверждений (например, о том, что антисатанистские утверждения-требования неправдоподобны), но запрещают нам оценивать их по существу. Аналитики не должны не только позволять себе знать правду о кровавом культе – это никогда нельзя узнать, поскольку отсутствие доказательств может указывать лишь на то, что конспирация успешна, – они не должны также допускать, чтобы на их анализ повлияли утверждения о том, что какой-либо набор утверждений-требований является более убедительным.

Это говорит о том, что строгие конструкционисты не видят никакой разницы между утверждениями-требованиями относительно сатанизма и, скажем, утверждениями-требованиями относительно СПИДа. Как те, так и другие появились в 1980-е гг., согласно и тем, и другим соответствующие условия убивают тысячи людей ежегодно (правда, заявляемая смертность от СПИДа значительно меньше). В обоих случаях те, кто выдвигает утверждения-требования, подвергаются критике, и для строгих конструкционистов нет разницы между специальным агентом Лэннингом и теми, кто утверждает, что предполагаемый СПИД-кризис – это обман.

Аналитики-конструкционисты редко заявляют о том, что они знают истину об объективных условиях⁴⁵. Например, даже критики антисатанизма должны признать, что кровавый культ *может* существовать. Однако аналитики склонны делать менее явные допущения относительно объективных условий, допущения, определяющие рамки исследовательской повестки дня. Так, социолог, сомневающийся в реальности сатанистской угрозы, скорее всего будет пытаться объяснить распространение антисатанизма («Кто верит в эту чепуху, и почему?»), интересоваться тем, каким образом институтам власти удается игнорировать кровавый культ («Почему власти ничего больше не предпринимают?»). Можно избежать явных «ляпсусов» – прямых заявлений об объективной реальности, однако скрытые допущения об объективных условиях почти неизбежны для исследователей.

Сопоставим характер вопросов о сатанизме и СПИДе, которые обычно формулируют аналитики. Согласно стандартам строгого конструкционизма, журналисты и социологи, рассматривавшие такую конструкцию, как СПИД, обращались к ряду неуместных для конструкциониста тем⁴⁶. Когда они спрашивают, почему федеральное правительство далеко не сразу отреагировало на эпидемию, или почему пресса стала сосредоточиваться на риске передачи вируса путем гетеросексуальных

контактов, или почему активисты предпочли использовать нетрадиционные формы протеста, мы можем обнаружить присутствие скрытых запрещенных допущений, определяющих рамки их исследований, а именно допущений о том, что существуют больные СПИДом. Строгий конструкционист не может допускать, что СПИД существует, точно так же, как полагать, что не существует гигантского сатанистского кровавого культа. Это означает, что строгие конструкционисты должны задаваться одними и теми же вопросами относительно каждой кампании по выдвижению утверждений-требований, нежели сосредотачиваться на интересных аспектах какого-либо конкретного случая. В конце концов, каким образом аналитик, отказывающийся предполагать что-либо о том или ином случае, может выявить его интересные черты?

Что строгий конструкционист может сказать о сатанизме? Какого рода анализ приемлем для него? Спектор и Китсьюз⁴⁷ утверждают, что плодотворным может быть исследование интересов тех, кто выдвигает утверждения-требования. Так, мы можем обнаружить, что в первых рядах тех, кто выдвигает антисатанистские утверждения-требования, находятся христианские евангелисты, что для многих офицеров полиции, психиатров и терапевтов, предупреждающих о сатанистских преступлениях, эта антикультовая активность является источником денег, статуса или влияния (хотя они ссылаются в своих выступлениях на собственные религиозные убеждения), и что у многих “выживших” взрослых участников культа длинные истории психиатрических проблем. В ходе обычной конструкционистской интерпретации может быть отмечено, что те, кто выдвигает эти утверждения-требования, ориентированы на рост числа “новообращенных”, денег и пр. Но не нарушает ли такая интерпретация принципы строгого конструкционизма, не составляют ли ее “задний фон” допущения об объективной реальности, например, когда утверждается, что евангелисты стремятся к обращению других и что такое обращение соответствует инте-

ресам евангелистов? Каким образом возможно знание о том, каковы интересы тех, кто выдвигает утверждения-требования, или даже само использование понятия “интерес” без допущений об объективных условиях?⁴⁸

Ответ на вопрос о том, где мы можем провести черту, становится невозможным. Существует ли что-то, что аналитик может сказать о конструировании конкретной социальной проблемы, такой, как сатанизм или СПИД, и что не требует от него допущений об объективной реальности? Должно ли изучение социальных проблем приостановиться до того времени, когда кто-нибудь напишет *Principia Sociologica*, устанавливающие минимум допущений, которые необходимы для социологического анализа? Неудивительно, что строгие конструкционисты стали предлагать аналитикам избегать проведения кейс-стади. Такие исследования неизбежно нарушают правила строгого конструкционистского анализа. Похоже, эти теоретики уподобляются тому, кто пишет портрет самого себя сидящего в кресле⁴⁹.

Трудно не заметить иронию в строгой конструкционистской позиции. Теоретики-конструкционисты всегда настаивали на том, что их теория эмпирически обоснована, но строгий конструкционизм требует от аналитиков избегать обращений к эмпирическому миру для того, чтобы сохранить эпистемологическую целостность теории.

Контекстуальный конструкционизм

Даже если проведение эмпирических исследований в рамках ограничений, установленных строгим конструкционизмом, не является невозможным, то остается вопрос о том, насколько эти пределы желательны. Аналитическая чистота обходится слишком дорого. Призывая аналитиков “идти дальше конструктивизма” для того, чтобы изучить природу социологического исследования, Вулгар и Полач поднимают ряд новых вопросов и вместе с тем признают: «Они [эти вопросы] не будут способ-

ствовать... нашему пониманию мира так, как мы традиционно представляем себе это»⁵⁰. Подобным образом Китсьюз и Шнайдер противопоставляют строгий конструкционизм с «исследованием социальных проблем, в рамках которого исследователь вовлечен вместе с другими участниками в практические проекты по доказательству существования и объяснению положения дел, которое они считают неприемлемым или важным и которое они, возможно, хотели бы изменить»⁵¹. Короче говоря, строгие конструкционисты должны воздерживаться от большинства типов социологического анализа.

Среди крупных представителей конструкционистского лагеря только Джозеф Гасфилд оспаривал ценность дискуссии об онтологических подтасовках, инициированной Вулгаром и Полач: «Я так и не понял важности этой критики. Если она не меняет значение эмпирической работы, то является ли она существенной? Вулгар и Полач очень хорошо иллюстрируют собой тот вид социологии, который мне кажется тупиком: поглощенность логикой теории как чем-то отличным и независимым от существенных вопросов, на решение которых она направлена»⁵². По мнению Гасфилда, ценность конструкционистской позиции заключается в том, что она способствует росту нашего знания о социальной жизни: «Конструкционизм ставит перед нами новые вопросы о возникновении или упадке явлений и/или определений этих явлений. Он поднимает вопросы о природе “фактичности”, которые до сего времени социологи обычно не поднимали. Это очень полезно, особенно в обществе, находящемся в сильнейшей зависимости от информации и интерпретации, поставляемых средствами массовой коммуникации, правительственными организациями и профессиональными структурами»⁵³.

Позицию Гасфилда можно обозначить как контекстуальный конструкционизм⁵⁴. Контекстуальные конструкционисты исследуют выдвигание утверждений-требований в контексте культуры и социальной структуры. На практике это означает, что аналитик может подвергнуть сомнению утверждения о том, что са-

танисты приносят в жертву 60 тысяч человек ежегодно (на том основании, что индивиды и группы, выдвигающие антисатанистские утверждения-требования, не в состоянии привести весомые данные в поддержку своих обвинений), и в целом может использовать данные Центров по контролю за заболеваемостью о числе людей, живущих с ВИЧ/СПИДом (на том основании, что степень, в которой организационные практики искажают сбор официальной статистики, ограничена). Отметим, однако, что в фокусе внимания аналитика остается конструирование социальных проблем. Для конструкциониста вопрос вряд ли будет заключаться в точном числе жертв сатанизма или людей, живущих с ВИЧ/СПИДом. Аналитик скорее будет интересоваться способами сбора статистики, ролью, которую играют статистические данные в риторике выдвижения утверждений-требований, реакцией, которую эти данные вызывают со стороны средств массовой коммуникации, должностных лиц и общественности и т. д. Однако контекстуальные конструкционисты предполагают, что выдвижение утверждений-требований происходит в некотором контексте. Так, социолог, изучающий сатанизм, может быть изумлен тем, насколько слабо оценки числа людей, принесенных в жертву, подкреплены какими-либо эмпирическими данными, и задаваться вопросом о том, почему антисатанистские утверждения-требования относительно успешны. А социолог, изучающий СПИД, может удивляться, почему несмотря на накапливающиеся данные о серьезности ситуации потребовалось так много времени для того, чтобы должностные лица и пресса обратили внимание на СПИД⁵⁵.

Контекстуалистские допущения встречаются, как утверждают строгие конструкционисты, во всей конструкционистской литературе: в теоретических работах и Блумера, и Китсьюза и Спектора, и Гасфилда и в десятках (несомненно, во всех) кейс-стади. Эти работы исходят из того, что мы будем лучше понимать эмпирический мир, если будем обращать внимание на то, каким образом возникают социальные проблемы, а на более фунда-

ментальном уровне предполагается, что понимание эмпирического мира желательно. Иными словами, контекстуальный конструкционизм вдохновляется социологическим воображением.

Этим путем к выходу? Ибарра и Китсьюз

Итак, в конструкционистском лагере не утихает полемика о надлежащей позиции аналитика, сопряженная с растущим числом критических работ и ответов на них. Хотя Спектор и Китсьюз отмечали: «Мы надеемся избежать нескончаемого концептуального анализа и пересмотра, наподобие того, что отвлек так называемую теорию “наклеивания ярлыков” от более важной задачи построения эмпирической литературы»⁵⁶, эссе Ибарры и Китсьюза «Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы» необходимо рассматривать в контексте этой продолжающейся полемики. Они предлагают корректирующее строгое прочтение работы «Конструирование социальных проблем»: эта книга наделена значением программного заявления, и Ибарра и Китсьюз призывают социологов следовать данной программе.

В частности, они предлагают новое понятие – “условие-категория” – в качестве средства, позволяющего перефокусировать конструкционистский анализ. Подобно тому, как «Конструирование социальных проблем» сместило внимание социологов от социальных условий к выдвижению утверждений-требований, Ибарра и Китсьюз предложили другой, более тонкий сдвиг – от активности по выдвижению утверждений-требований к языку утверждений-требований⁵⁷. Стало очевидно, что изучение выдвижения утверждений-требований предлагает слишком много соблазнов для аналитика, ведущих к онтологическим подтасовкам. Однако сосредоточение на условиях-категориях – «строгие конструкционисты никогда не покидают область языка»⁵⁸ – как им представлялось, обещало путь в обход этой проблемы.

Привлекательность мягкого прочтения

Ибарра и Китсьюз далее исследуют выдвижение утверждений-требований как риторику. Хотя это и не новая тема для конструкционистов⁵⁹, не говоря уже об исследователях языка и коммуникации⁶⁰, их эссе предлагает свежий подход к ней наряду с полезным описанием риторических стратегий, мотивов и стилей. Конструкционистские социологи оценят полезность этих новых понятий.

К сожалению, многие из тех, кто будет использовать данные понятия, скорее всего, пойдут по пути мягкого прочтения эссе, отклонившись от сосредоточенности строго на языке, предписанной Ибаррой и Китсьюзом⁶¹. Для того, чтобы понять привлекательность мягкого прочтения, давайте представим себе социолога, исследующего утверждения-требования о сатанизме. Как только наш аналитик соберет примеры антисатанистской риторики, у него, скорее всего, возникнет ряд новых вопросов. Подобно многим социальным начинаниям антисатанистское движение представляет собой широкую коалицию самых разнообразных участников, выдвигающих утверждения-требования, включая евангелистов, офицеров полиции, психиатров и журналистов (таким же разнообразием отличается коалиция противников данного движения). Какие утверждения-требования (или контрутверждения) выдвигаются теми или иными участниками? Почему они предпочли именно эти стратегии? Отражает ли сделанный ими выбор риторики их ценности или интересы? Основывается ли этот выбор на имеющихся ресурсах, таких, как предыдущий успешный или неуспешный опыт проведения кампаний по выдвижению утверждений-требований? В какой степени используемая риторика отражает наличие или отсутствие знания? Искренни или циничны те, кто выдвигает утверждения-требования, в своей риторике – верят ли они сами своим аргументам? Другой набор вопросов касает-

ся аудитории, к которой обращены утверждения-требования: кто реагирует на них и каким образом? Почему одни аудитории восприимчивы к некоторым утверждениям-требованиям, а другие нет? Существует ли какая-либо обратная связь, при которой те, кто выдвигает утверждения-требования, приспособляют свою риторику к ожидаемой реакции их аудитории (или аудиторий)?

Очевидно, данный перечень вопросов – это только то, что находится на поверхности. Мы можем представить себе самые разные соблазнительные вопросы, каждый из которых будет искушать нашего аналитика «покинуть область языка» и соотнести риторику с устройством общества. И, конечно, те, кто поддастся этому соблазну, будут впоследствии причислены к павшим, еретикам, занимающимся онтологическими подтасовками и контекстуальным конструкционизмом. Их число будет расти. Следующим шагом, надо полагать, будет признание того, что понятие “условие-категория” является не совсем удачным, и, как следствие, еще одно переопределение строгой конструкционистской позиции на основе еще одного нового понятия.

Одним словом, конструкционистские социологи, скорее всего, будут в значительной степени опираться на идеи Ибарры и Китсьюза, но при этом использовать их понятия не так, как они предполагали. Новый концептуальный аппарат может быть популярным, но это вряд ли является доводом против мягкого прочтения.

Ограниченность строгого прочтения

Дело не только в том, что аналитики вряд ли будут ограничивать себя рамками строгого прочтения идей Ибарры и Китсьюза. Неясно также, возможно ли вообще их последовательное строгое прочтение. Как указывают Вулгар и Полач⁶², строгие конструкционисты легко замечают объективистские допущения в работах других авторов, но гораздо неохотнее признают свои

собственные ляпсусы. Рассмотрим предложенный Ибаррой и Китсьюзом перечень риторических стратегий – риторику утраты, наделения правом, опасности, неразумности и бедствия. Они не утверждают, что этот перечень является исчерпывающим, поскольку очевидно, что это не так. Риторические стратегии, несомненно, являются отражением определенных культур, социальных структур и исторических обстоятельств⁶³. Язык утверждений-требований не существует независимо от социального мира; он является продуктом этого мира и в свою очередь влияет на него. Строгое прочтение, которое «никогда не покидает область языка», является иллюзией, поскольку язык никогда не покидает общество. Аналитик, игнорирующий социальную укорененность риторики тех, кто выдвигает утверждения-требования, воспринимает эту укорененность как нечто само собой разумеющееся, а это всего лишь другая форма онтологических подтасовок.

Ибарра и Китсьюз считают своей целью построение «эмпирически обоснованной теории социальных проблем», а ссылки на «эмпирическое» основание конструкционизма встречаются во всех работах Китсьюза. В то же время требования строгого конструкционизма отталкивают аналитика от эмпирического исследования. Ибарра и Китсьюз утверждают, что кейс-стади оказались аналитически проблематичными: «Наша позиция заключается в том, что разработка теории *дискурса социальных проблем* (курсив Ибарры и Китсьюза) – это гораздо более последовательный путь развития конструкционизма, чем разработка ряда отдельных теорий о социальном конструировании X, Y и Z. Развитие теории об условии X, при котором вопрос об онтологическом статусе X оставляется в стороне, ведет к “онтологическим подтасовкам”... т. е. к теории с изъяном»⁶⁴. Следовательно, вместо исследования риторики антисатанизма и других кампаний по конструированию социальных проблем – исследования, которое могло бы обеспечить эмпирическое основание для теории риторики социальных проблем, – они

предлагают свой собственный перечень риторических стратегий, не объясняя, как он был сформирован. В то время как кейс-стади, посвященные риторике тех, кто выдвигает утверждения-требования, неизбежно включают в себя допущения о социальных условиях, абстрактная типология стратегий, похоже, искусно решает эту проблему.

Ибарра и Китсьюз хотят прояснить природу конструкционистского анализа; они стремятся выявить ошибки, совершаемые другими аналитиками, и посредством своей сосредоточенности на дискурсе показать, что строгий конструкционистский анализ возможен. Надо полагать, они были очень внимательны при написании своего эссе, и, тем не менее, допущения о социальном мире прокрались в их анализ. Рассмотрим три утверждения Ибарра и Китсьюза, касающиеся их первой риторической стратегии – риторики утраты: 1) «наибольший идиоматический эффект данная риторика имеет в случае с объектами (т. е. условиями-категориями), которые могут конструироваться в качестве форм совершенства»; 2) «риторические идиомы пересекаются с идеологическими делениями, такими, как “либеральное”, “социалистическое” и “консервативное”»; 3) «риторика не имеет никакого идиоматического эффекта, когда обнаруживается, что обеспокоенность касается утраты “привилегий белых мужчин”»⁶⁵. Эти короткие отрывки показывают, какого рода проблемами страдает анализ Ибарры и Китсьюза. Во-первых, он содержит оценки риторики как обладающей или не обладающей идиоматическим эффектом – неопределенный критерий, несомненно ставящий аналитика в “привилегированную” позицию. Во-вторых, обратите внимание на утверждение, что некоторые «объекты... могут конструироваться в качестве форм совершенства». Похоже, в данном случае предполагается, что культура/социальная структура каким-то образом формирует язык утверждений-требований: если некоторые объекты могут конструироваться в качестве совершенных, надо полагать, что другие в таком качестве конструироваться не могут, однако ка-

ким образом аналитик может отличить первые от вторых? В-третьих, открыто делается допущение о существовании идеологических делений среди тех, кто выдвигает утверждения-требования. Мы могли бы продолжить. Даже в работе, осуждающей неразрешенные допущения о социальном мире, работе, вероятно, написанной таким образом, чтобы избежать любых подобных допущений, они, тем не менее, встречаются. Даже когда аналитик отказывается от какого-либо обсуждения эмпирических случаев, эпистемологически последовательный строгий конструкционистский анализ, как представляется, остается недостижимой целью. Подобно своим предшественникам – строгим конструкционистам – Ибарра и Китсьюз устанавливают требование, которому они сами не отвечают.

Заключение

В 1980-е гг. среди социологов стало модным предупреждать, что они намереваются “серьезно отнестись к этой [или той] теории”. Данная фраза часто указывала на то, что аналитик собирается сделать какое-либо утверждение, связанное с риском показаться глупым. Проблемы строгих конструкционистов показывают, что к теории можно относиться слишком серьезно.

Точно так же, как исследователи-количественники постоянно рискуют отдать содержание социологии в жертву более разработанному исследовательскому проекту и более изощренной статистике, исследователи-качественники должны находить баланс между содержанием и требованиями теоретической последовательности. Аналитическая чистота может обойтись чрезвычайно дорого. Конструкционистская теория предостерегает от отвлечения условиями, относительно которых выдвигаются утверждения-требования, однако то, что предполагает строгий конструкционизм, заводит аналитика гораздо дальше этой грани, в лишенную контекста область, в которой выдвижение утверждений-требований может исследоваться только в

абстракции. Исходное положение социологии социальных проблем заключалось в том, что социологическое знание может помочь людям понять и улучшить мир; строгий конструкционизм продал это право по рождению, получив взамен неразбериху эпистемологии.

Ибарра и Китсьюз описывают выдвижение утверждений-требований как “языковую игру в социальные проблемы”. Нам кажется, что это выражение хорошо подходит для описания утверждений и возражений в полемике о конструкционистской теории. Например, Ибарра и Китсьюз критикуют контекстуальный конструкционизм как «узкое толкование конструкционистского проекта». Такого рода критика заслуживает отдельного рассмотрения. Мягкое прочтение, характерное для контекстуальных конструкционистов, способствует тому, что они формулируют самые разные исследовательские вопросы, заставляющие аналитика пересекать границы, закрытые для строгих конструкционистов, которые “никогда не покидают область языка”. В каком смысле контекстуальный конструкционизм является “узким”? Похоже, строгий конструкционистский дискурс в некотором смысле “присвоил” себе право определять такие ключевые термины, как “*социальные проблемы*” и “*конструкционизм*”⁶⁶.

Возможно, наибольший ущерб конструкционизму может нанести положение Ибарры и Китсьюза, процитированное выше: «Разработка теории *дискурса социальных проблем* (курсив Ибарры и Китсьюза) – это гораздо более последовательный путь развития конструкционизма, чем разработка ряда отдельных теорий о социальном конструировании X, Y и Z»⁶⁷. Это просто ложная дихотомия. Есть другой выбор: следовать (хотя и) традиционной модели качественного исследования, опираться на полученные данные и развивать посредством аналитической индукции обоснованные теории⁶⁸. Конструкционистские исследования, как представляется, вполне соответствуют такого рода анализу; рост объема исследовательской литературы с того времени, когда Дж. Шнайдер в своем обзоре⁶⁹ ука-

зал на существование более пятидесяти работ, является поразительным. И, конечно, множество соответствующей информации можно обнаружить в социологических исследованиях социальных движений и девиантности, в работах историков, исследователей политики, антропологов и т. д. Такой подход – известный всем социологам-качественникам – действительно может привести к «эмпирически обоснованной теории социальных проблем». Правда, она не выдержит строго-конструкционистскую проверку на эпистемологическую последовательность, но может помочь нам понять, каким образом возникают и развиваются социальные проблемы. Не пора ли конструкционистам чуть меньше беспокоиться по поводу того, как мы знаем то, что знаем, и чуть больше о том, что же мы знаем о конструировании социальных проблем?

Примечания

¹ **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse.** Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by J. A. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 17–50.

² **Kitsuse, John I.** Societal reaction to deviant behavior // Social problems. 1962. Vol. 9. P. 247–256.

³ **Kitsuse, John I., Aaron Cicourel.** A note on the use of official statistics // Social problems. 1963. Vol. 11. P. 131–139.

⁴ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

⁵ **Kitsuse, John I., Malcolm Spector.** Social problems and deviance // Social problems. 1975. Vol. 22. P. 584–594; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Preface to the Japanese edition: Constructing social problems // SSSP Newsletter. 1987. Vol. 18 (Fall). P. 13–15; **Kitsuse, John I., Joseph W. Schneider.** Preface // Images of issues: typifying contemporary social problems / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. XI–XIII.

⁶ **Kitsuse, John I., Aaron Cicourel.** A note on the use of official statistics // Social problems. 1963. Vol. 11. P. 131–139.

⁷ О тенденции мягкого прочтения других ключевых работ Китсьюза см.: **Rains, Prudence.** Imputations of deviance // Social problems. 1975. Vol. 23. P. 1–

11; **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch**. Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // *Social problems*. 1985. Vol. 32. P. 214–227; **Best, Joel**. Afterword: extending the constructionist perspective: a conclusion and an introduction // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.

⁸ **Best, Joel**. Afterword: extending the constructionist perspective: a conclusion and an introduction // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.

⁹ **Raschke, Carl**. *Painted black*. San Francisco: Harper & Row, 1990.

¹⁰ См., например: **Holmes, Ronald M**. *Profiling violent crimes*. Newbury Park, CA: Sage, 1989.

¹¹ Социологический анализ текущей антисатанистской кампании включает в себя следующие работы: *The satanism scare* / Ed. by J. T. Richardson, J. Best, D. C. Bromley. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1991; **Victor, Jeffrey S**. A rumor-panic about a dangerous satanic cult in western New York // *New York folklore*. 1989. Vol. 15. P. 23–49; **Victor, Jeffrey S**. Satanic cult legends as contemporary legend // *Western folklore*. 1990. Vol. 49. P. 51–81.

¹² Утверждение о том, что объективистские определения социальных проблем страдают внутренними изъянами, не было новым. См. экскурс в историю полемики между объективистами и субъективистами в работе Спектора и Китсюза: **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. *Constructing social problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987.

¹³ **Blumer, Herbert**. Social problems as collective behavior // *Social problems*. 1971. Vol. 18. P. 298–306.

¹⁴ **Kitsuse, John I., Malcolm Spector**. Toward a sociology of social problems // *Social problems*. 1973. Vol. 20. P. 407–419; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. Social problems: a reformulation // *Social problems*. 1973. Vol. 21. P. 145–159; **Kitsuse, John I., Malcolm Spector**. Social problems and deviance // *Social problems*. 1975. Vol. 22. P. 584–594; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. *Constructing social problems*. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

¹⁵ **Blumer, Herbert**. *Op. cit.* P. 302.

¹⁶ **Kitsuse, John I., Malcolm Spector**. Toward a sociology of social problems // *Social problems*. 1973. Vol. 20. P. 415.

¹⁷ **Blumer, Herbert**. *Op. cit.* P. 301.

¹⁸ **Kitsuse, John I., Malcolm Spector**. Toward a sociology of social problems // *Social problems*. 1973. Vol. 20. P. 415.

¹⁹ **Blumer, Herbert**. *Op. cit.*; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. Social problems: a reformulation // *Social problems*. 1973. Vol. 21. P. 145–159.

²⁰ **Blumer, Herbert**. *Op. cit.* P. 302.

²¹ *Ibid.* P. 305.

²² **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Social problems: a reformulation // Social problems. 1973. Vol. 21. P. 148. См. также: **Kitsuse, John I., Malcolm Spector.** Toward a sociology of social problems // Social problems. 1973. Vol. 20. P. 414.

²³ **Kitsuse, John I., Malcolm Spector.** Toward a sociology of social problems // Social problems. 1973. Vol. 20. P. 415.

²⁴ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Social problems: a reformulation // Social problems. 1973. Vol. 21. P. 150.

²⁵ Ibid. P. 149.

²⁶ **Kitsuse, John I., Malcolm Spector.** Social problems and deviance // Social problems. 1975. Vol. 22. P. 585.

²⁷ Ibid. P. 589.

²⁸ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987. P. 76.

²⁹ Ibid. P. 96.

³⁰ **Collins, Patricia Hill.** The social construction of invisibility // Perspectives on social problems. 1989. Vol. 1. P. 77–93; **Eitzen, D. Stanley.** Teaching social problems: implications of the objectivist-subjectivist debate // SSSP Newsletter. 1984 (Fall). P. 10–12; **Young, T.R.** Deconstructing constructionism. Paper presented at the annual meeting of the Society for the Study of Social Problems. 1989.

³¹ **Eitzen, D. Stanley.** Op. cit. P. 11.

³² **Manis, Jerome G.** Defining social problems: objectivism-subjectivism revisited // SSSP Newsletter. 1985. Vol. 16 (Winter). P. 5.

³³ **Collins, Patricia Hill.** Op. cit. P. 90.

³⁴ **Jones, Brian J., Joseph A. McFalls, Jr., Bernard J. Gallagher III.** Toward a unified model for social problems theory // Journal for the theory of social behavior. 1989. Vol. 19. P. 337–356.

³⁵ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Preface to the Japanese edition: Constructing social problems // SSSP Newsletter. 1987. Vol. 18 (Fall). P. 13–15.

³⁶ К субъективистской критике можно отнести и утверждения о том, что конструкционистские исследования социальных проблем следует включить в социологию социальных движений. См.: **Mauss, Armand L.** Beyond the illusion of social problems theory // Perspectives on social problems. 1989. Vol. 1. P. 19–39. См. также ответ на это предложение: **Troyer, Ronald J.** Are social problems and social movements the same thing? // Perspectives on social problems. 1989. Vol. 1. P. 41–58.

³⁷ **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // Social problems. 1985. Vol. 32. P. 216.

³⁸ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987. P. 43.

³⁹ **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // Social problems. 1985. Vol. 32. P. 217.

⁴⁰ Ibid. P. 224.

⁴¹ **Schneider, Joseph W.** Social problems theory // *Annual review of sociology*. 1985. Vol. 11. P. 224.

⁴² **Schneider, Joseph W.** Defining the definitional perspective on social problems // *Social problems*. 1985. Vol. 32. P. 233.

⁴³ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Preface to the Japanese edition: Constructing social problems // *SSSP Newsletter*. 1987. Vol. 18 (Fall). P. 14.

⁴⁴ **Lanning, Kenneth V.** *Child sex rings*. Washington, DC: National Center for Missing and Exploited Children, 1989. P. 20.

⁴⁵ Конечно, существуют аналитики, представляющие собой своего рода “вульгарный конструкционизм”, который отождествляет конструкционистский анализ и “разоблачение” (debunking) утверждений-требований. Примером является следующее утверждение: «В основном, конструкционистская аргументация заключается в том, что в рассматриваемой активности не произошло каких-либо значительных изменений, однако если ранее эта активность или ее уровни не определялись как проблематичные, то в последующем они стали определяться как проблема». **Forsyth, Craig J., Marion D. Oliver.** The theoretical framing of a social problem // *Deviant behavior*. 1990. Vol. 11. P. 285.

⁴⁶ Сравните: **Albert, Edward.** AIDS and the press: the creation and transformation of a social problem // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 39–54; **Fumento, Michael.** The myth of heterosexual AIDS. New York: Basic Books, 1990; **Gamson, Josh.** Silence, death, and the invisible enemy // *Social problems*. 1989. Vol. 36. P. 351–367; **Shilts, Randy.** *And the band played on: politics, people, and the AIDS epidemic*. New York: St. Martin's Press, 1987.

⁴⁷ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Social problems: a reformulation // *Social problems*. 1973. Vol. 21. P. 145–159; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** *Constructing social problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987; **Kitsuse, John I., Malcolm Spector.** Toward a sociology of social problems // *Social problems*. 1973. Vol. 20. P. 407–419.

⁴⁸ Более общие утверждения о том, что конструкционистский анализ позволяет выявить действие расовых, сексуальных, классовых и других иерархий, как представляется, уязвимы перед теми же самыми критическими замечаниями. Не приходится ли аналитику первым делом признавать объективную реальность этих иерархий? Это обстоятельство может объяснить, почему для строгих конструкционистов так привлекателен в последнее время постмодернизм: условности постмодернистской прозы затрудняют определение того, что аналитик считает истинным.

⁴⁹ К счастью, большинство исследователей, использующих конструкционистский подход, обнаруживает, что можно игнорировать эту полемику. В частности, в конструкционистских работах, опубликованных в ведущих социологических журналах, эпистемологическим вопросам уделяется мало внимания или не уделяется никакого. См.: **Block, Fred, Gene A. Burns**. Productivity as a social problem // *American sociological review*. 1986. Vol. 51. P. 767–780; **Gamson, William, Andre Modigliani**. Media discourse and public opinion on nuclear power // *American journal of sociology*. 1989. Vol. 95. P. 1–37; **Hilgartner, Stephen, Charles L. Bosk**. The rise and fall of social problems: a public arenas model // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 53–78.

⁵⁰ **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch**. How shall we move beyond constructivism? // *Social problems*. 1985. Vol. 33. P. 162.

⁵¹ **Kitsuse, John I., Joseph W. Schneider**. Preface // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. XIII.

⁵² **Gusfield, Joseph R.** Theories and hobgoblins // *SSSP Newsletter*. 1985. Vol. 17 (Fall). P. 17.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ **Best, Joel**. Afterword: extending the constructionist perspective: a conclusion and an introduction // *Images of issues: typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1989. P. 243–253.

⁵⁵ Строгие конструкционисты иногда касаются этой темы: «Предполагаемое условие может определяться в терминах, не поддающихся заслуживающему доверия или убедительному эмпирическому подтверждению; участники могут оказаться не в состоянии поддерживать активность по конструированию социальных проблем, организованную на основе таких определений». **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. Preface to the Japanese edition: *Constructing social problems* // *SSSP Newsletter*. 1987. Vol. 18 (Fall). P. 14. Сравните: **Kitsuse, John I., Joseph W. Schneider**. *Op. cit.* Они, к несчастью, не объясняют, каким образом аналитик может установить, что заслуживает доверия или является убедительным, не делая допущений о контексте выдвижения утверждений-требований.

⁵⁶ **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse**. Preface to the Japanese edition: *Constructing social problems* // *SSSP Newsletter*. 1987. Vol. 18 (Fall). P. 13.

⁵⁷ Вулгар и Полач выступали за более радикальный перенос внимания: на их взгляд, аналитикам следует изучать природу социологического анализа. См.: **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch**. How shall we move beyond constructivism? // *Social problems*. 1985. Vol. 33. P. 159–162. Очевидно, что в этой точке социальные проблемы – как бы они ни определялись – перестают быть объектом исследования.

⁵⁸ **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse.** Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by J. A. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 22.

⁵⁹ См.: **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987; **Gusfield, Joseph R.** The culture of public problems. Chicago: University of Chicago Press, 1981; **Best, Joel.** Threatened children. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

⁶⁰ **Condit, Celeste.** Decoding abortion rhetoric. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1990.

⁶¹ Например, когда Колтрейн и Хикман сравнивают риторику матерей и отцов в полемике по поводу законов об опеке и обеспечении детей, они обращаются к идеям Ибарры и Китсьюза. Однако в рамках их анализа успех тех, кто выдвигает утверждения-требования, связывается с экономическим, институциональным и идеологическим контекстами. См.: **Coltrane, Scott, Hickman, Neal.** The rhetoric of rights and needs // Social problems. 1992. Vol. 39. P. 400–420.

⁶² **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // Social problems. 1985. Vol. 32. P. 214–227.

⁶³ Поскольку львиная доля конструкционистских исследований посвящена современным Соединенным Штатам Америки, американские конструкционисты склонны воспринимать существующие в их обществе установления как нечто само собой разумеющееся. Необходимы более широкие, сравнительные исследования конструирования социальных проблем в других обществах и в другие времена.

⁶⁴ **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse.** Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by J. A. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 24.

⁶⁵ Ibid. P. 28–29.

⁶⁶ Очевидно, что такого рода риторический анализ может применяться и к контекстуально-конструкционистским положениям, включая данное эссе. Контекстуальный конструкционист может даже осмелиться выйти за пределы области языка для того, чтобы задать вопросы, характерные для социологии науки, – кто что говорит, почему и т. д.

⁶⁷ **Ibarra, Peter R., John I. Kitsuse.** Op. cit. P. 24.

⁶⁸ Сравните: **Glaser, Barney G., Anselm L. Strauss.** The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research. Chicago: Aldine, 1967.

⁶⁹ **Schneider, Joseph W.** Social problems theory // Annual review of sociology. 1985. Vol. 11. P. 209–229.

**Стивен Хилгартнер
Чарльз Л. Боск**

РОСТ И УПАДОК СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: КОНЦЕПЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ АРЕН*

В данной статье предлагается концепция процесса социальных проблем, представляющая собой результат дальнейшего развития того интеракционистского взгляда, согласно которому социальные проблемы являются продуктами процесса коллективного определения. Такой подход, разработанный Г. Блумером¹, М. Спектором и Дж. Китсьюзом², отвергает теорию, в соответствии с которой социальные проблемы суть объективные и выявляемые социетальные условия, в сущности своей имеющие вредные последствия. Вместо этого утверждается, что «социальная проблема существует прежде всего с той точки зрения, как она определяется и воспринимается в обществе»³.

Мы согласны с Г. Блумером в том, что социальные проблемы суть скорее проекции коллективных чувств, настроений, мнений, нежели простые отражения объективных условий в обществе. В конечном счете, в обществе существует множество ситуаций, которые могли бы восприниматься как социальные проблемы, но не определяются в качестве таковых. Теория, считающая социальные проблемы простыми отражениями объективных условий, не может объяснить, почему одни условия определяются как проблемы, привлекая к себе самое серьезное общественное внимание, тогда как другие, одинаково пагубные или опасные, остаются без подобного определения. Почему, например, положение коренного населения Латинской

* Hilgartner, Stephen, Charles L. Bosk. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94 (№ 1). P. 53–78. Copyright © 1988 by The University of Chicago. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения Стивена Хилгартнера и издательства Чикагского университета (The University of Chicago Press).

Америки (страдающего от быстрого разрушения его культуры, в некоторых случаях истребляемого в большом количестве) пользуется меньшим общественным вниманием по сравнению с участием лабораторных животных, используемых в ходе научных исследований? Почему условия и события в “третьем мире”, влияющие на жизненные шансы миллионов людей как за рубежом, так и в Соединенных Штатах, являются предметом лишь самого поверхностного общественного внимания, исключая периоды “кризисов”? <...> Почему так мало людей обеспокоены гибелью дождевых лесов?

Степень наносимого вреда в данных случаях сама по себе не может объяснить эти различия. Недостаточным представляется и указание на то, что некоторые из этих ситуаций становятся проблемами потому, что являются более “важными”. Все эти вопросы важны или, по крайней мере, могут считаться таковыми. На самом деле, к идее *важности*, так же, как и к идее *проблемы*, необходимо относиться как к «по существу своему спорному» понятию⁴ – понятию, которое всегда подлежит проверке относительно уместности его применения в каждом конкретном случае. Бесполезно, наконец, и простое заявление о том, что одни проблемы являются более выигрышными по сравнению с другими в маркетинговом отношении, поскольку такое утверждение обходит основной вопрос: почему?

Интеракционистский подход стимулировал осуществление значительного объема исследовательской работы, в ходе которой целым рядом авторов, например Г. Блумером, М. Спектором и Дж. Китсьюзом, А. Моссом, Э. Даунсом⁵, были предложены различные концепции исторических стадий в “карьере” социальной проблемы. На этих концепциях было основано множество кейс-стади, прослеживавших прохождение какой-либо социальной проблемой ряда последовательных стадий (например, стадий зарождения, объединения, институционализации, фрагментации и исчезновения)⁶. Однако в настоящее время очевидна необходимость выхода за пределы концепций

исторических стадий. Во-первых, даже допуская, что эти концепции с самого начала разрабатывались как крайне идеализированные описания, сама идея правильной последовательности стадий представляется все же весьма грубой. Многие проблемы существуют одновременно на нескольких “стадиях” развития, при этом образцы движения от одной стадии к другим достаточно изменчивы для того, чтобы подвергнуть сомнению утверждение о существовании типичной “карьеры” социальной проблемы⁷. Во-вторых, сосредоточенность на типичной “карьере” проблемы препятствует анализу, поскольку решающее влияние на процесс коллективного определения оказывают взаимодействия между проблемами. Например, несмотря на широко распространенное понимание того, что социальные проблемы конкурируют за общественное внимание⁸, динамика этого процесса конкуренции фактически не исследовалась. Анализ сосредоточивался на отдельных проблемах и их борьбе за внимание. Подобным образом расставленные акценты привели к недооценке двух важнейших черт процесса социальных проблем. Во-первых, социальные проблемы существуют в рамках отношений с другими социальными проблемами, а, во-вторых, они включены в сложную институционализированную систему формулирования и распространения проблемы.

В этой статье кратко очерчивается рабочая модель, которая, на наш взгляд, может быть теоретическим основанием для объединения, а затем выхода за пределы концепций исторических стадий. Мы стремимся к тому, чтобы предложить варианты систематического исследования факторов и сил, направляющих общественное внимание на одни объективные или предполагаемые условия и отвлекающих его от других.

Наша концепция сосредоточивается на “аренах”, на которых развиваются определения социальных проблем, предполагая изучение воздействия этих сфер как на эволюцию социальных проблем, так и на действующих лиц, выдвигающих утверждения о них. Мы определяем социальную проблему как предпола-

гаемое условие или предполагаемую ситуацию, на которое или которую “наклеивается ярлык” проблемы на аренах публичного дискурса и действия. Однако вместо того, чтобы подчеркивать стадии развития социальной проблемы, мы сосредоточиваемся на конкуренции: предполагается, что общественное внимание является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции в системе публичных арен. Эта концепция является лишь первым шагом в данном направлении; мы представляем ее с надеждой, что предлагаемые гипотезы стимулируют обсуждение и исследование.

В своей работе мы используем широкий круг теоретической литературы. В дополнение к работам теоретиков, предложивших концепции исторических стадий, таких, как Г. Блумер, М. Спектор и Дж. Китсьюз, наша концепция основана на разработках, подчеркивающих роль драмы в процессе социальных проблем⁹. Мы используем также литературу об интерпретативных процессах в средствах массовой информации¹⁰, отмечая значение отбора, осуществляемого занимающими выигрышные позиции культурными “контролерами” (“gate-keepers”) потока сообщений для аудиторий. Мы обращаемся также к теории организационных сетей¹¹, подчеркивая взаимовлияние институтов и социальных сетей, в которых формулируются и публично представляются определения проблем. Подчас мы пользуемся литературой о социальных движениях, прежде всего работами теоретиков “мобилизации ресурсов”¹², хотя признаем, что направленность этой литературы – на коллективное *действие*, а не коллективное *определение* – отличает ее предмет от нашего¹³. Используется также литература из области политической науки, касающаяся *установления повестки дня* (agenda setting)¹⁴, хотя мы понимаем, что ее изначальный предмет (процессы, структурирующие повестку дня для принятия правительственных решений в ходе официальных форумов) уже нашего (процессы, структурирующие коллективное внимание на публичных аренах). Наконец, мы помещаем нашу концепцию

в экологические рамки – не для того, чтобы установить отношения детерминизма, а для того, чтобы высветить ресурсные ограничения, с которыми сталкиваются действующие лица в ходе конструирования определений проблем.

Это долгое перечисление тех, кому мы признательны, не является свидетельством нашей склонности к эклектизму, а говорит о глубокой сложности процессов коллективного определения. Поскольку коллективное определение, во-первых, предполагает взаимосвязь социально-психологических, организационных, политических и культурных процессов, во-вторых, пересекает организационные и институциональные границы, существующие внутри общества, и, в-третьих, оказывает глубокое влияние на социальное действие на множестве уровней, для его понимания необходимо привлечение нескольких интеллектуальных традиций. Сложность и, временами, нестройность нашей концепции являются отражением предмета, и вследствие этого они предпочтительнее ясных и простых построений, серьезно искажающих ту социальную реальность, которую пытаются описывать.

Схематически наша концепция состоит из шести идей:

1) динамического процесса конкуренции между представителями крайне многочисленной “популяции” утверждений, проблематизирующих ситуацию¹⁵;

2) институциональных арен, служащих той средой, в которой социальные проблемы конкурируют между собой за внимание и растут;

3) “пропускной способности” этих арен, ограничивающей число проблем, которые могут пользоваться широким общественным вниманием в один и тот же период времени;

4) “принципов отбора” или институциональных, политических и культурных факторов, влияющих на вероятность выживания конкурирующих между собой формулировок проблемы;

5) образцов взаимодействия между различными аренами, таких, как обратная связь и синергия, служащих средством распространения активности от одной арены к другим;

6) сетей выдвигающих и стремящихся контролировать определенные проблемы функционеров (operatives), каналы коммуникации которых пересекают границы различных арен.

Конкурирующие определения

В качестве первого шага к пониманию характера процесса коллективного определения необходимо отметить, что существует огромная “популяция” потенциальных проблем – предполагаемых ситуаций и условий, которые могли бы считаться проблемами. Эту популяцию вместе с тем отличает высокая степень стратифицированности. Очень небольшая часть становится социальными проблемами, приобретая статус крайне важных и известных проблем и превращаясь в господствующие темы политического и социального дискурса. Несколько большее число вырастает в менее значимые социальные проблемы, при этом небольшие сообщества профессионалов, активистов и заинтересованных групп поддерживают эти проблемы на краю публичного дискурса. Огромное большинство предполагаемых условий остается вне или на самой грани общественного сознания.

Кроме того, значительно варьирует и продолжительность времени, в течение которого представители этой популяции остаются на каком-либо определенном статусном уровне. Одни социальные проблемы, такие, как “энергетический кризис” середины 1970-х гг., удерживают свои позиции в центре публичного обсуждения в течение нескольких лет, а затем постепенно исчезают. Вторые растут и испытывают упадок гораздо быстрее. Наконец, третьи проблемы растут, испытывают упадок, а позднее возникают вновь, никогда не исчезая полностью, пользуясь, таким образом, весьма изменчивым количеством общественно-

го внимания. Такие изменения легко просматриваются в истории социальных проблем бедности и угрозы ядерной войны.

Судьба потенциальных проблем определяется не только их объективным характером, но и процессом крайне жесткого отбора, в ходе которого они конкурируют друг с другом за общественное внимание и социетальные ресурсы. Часть потенциальных проблем публично представляется группами или индивидами, определяющими их в качестве социальных проблем. Эти группы и индивиды относятся к различным секторам общества и могут иметь самые разные цели. Одни, такие, как заинтересованные группы, политики и “организации социальных движений”¹⁶, могут активно стремиться к социальному изменению или реформе. Эти активисты могут быть членами правящих или оппозиционных групп, движений или контрдвижений¹⁷. С другой стороны, основной целью некоторых действующих лиц, формулирующих социальные проблемы, таких, как телевизионные продюсеры, адвокаты и специалисты по управлению коммуникацией (public relations), могут быть деньги, а не содействие или сопротивление социальному изменению. Таким образом, не все деятели, занимающиеся маркетингом социальных проблем, могут считаться “активистами”. Для некоторых из них социальные проблемы – это всего лишь обычная повседневная работа в их офисе. Соответственно для обозначения групп и индивидов, публично представляющих социальные проблемы, мы используем более содержательный термин “функционары” (“operatives”).

Поскольку обычно существует множество вариантов определения какой-либо ситуации как проблемы, утверждения о социальных проблемах не только привлекают внимание к условиям; они также определяют, каким образом та или иная проблема будет сформулирована. Например, как указывает Дж. Гасфилд¹⁸, смертность на автомагистралях, связанная с потреблением алкоголя, может рассматриваться как проблема безответственности пьяных водителей, недостаточной ударо-

прочности автомобилей, транспортной системы, слишком зависимой от автомобилей, плохого проектирования автомагистралей, чрезмерного акцента на потреблении алкоголя в социальной жизни взрослых; возможна также любая комбинация указанных определений. Утверждения о социальных проблемах, таким образом, выбирают какую-либо интерпретацию реальности из множества возможных. Вопрос о том, какая “реальность” доминирует в рамках публичного дискурса, имеет серьезное значение для будущего социальной проблемы, заинтересованных групп и политики¹⁹.

Таким образом, социальные проблемы конкурируют между собой одновременно на двух уровнях. Во-первых, в рамках каждой самостоятельной арены могут конкурировать различные варианты определения ситуации, стремящиеся к тому, чтобы быть принятыми в качестве авторитетной версии реальности. Например, в области безопасности дорожного движения утверждения о неосторожных водителях могут конкурировать с утверждениями о ненадежных транспортных средствах²⁰. Во-вторых, значительное число проблем – от беременности в юном возрасте и профессиональных заболеваний до нехватки донорских органов – конкурируют друг с другом за общественное внимание, при этом в ходе сложного процесса отбора устанавливаются приоритеты – что следует считать имеющим важное значение.

Социальным проблемам (и функционерам, которые их выдвигают и поддерживают) приходится конкурировать в ходе этих взаимодействующих процессов как за то, чтобы быть включенными в публичную повестку дня, так и за то, чтобы остаться в ней. Успех или неудача в этой борьбе не обязательно связаны непосредственным образом с числом людей, которых затрагивает проблема, степенью вреда (измеряемой посредством какого-либо набора критериев) или какими-либо другими независимыми переменными, которые, как предполагается, являются показателями важности проблемы. Если ситуация

начинает определяться как социальная проблема, это не означает с непреложностью, что объективные условия ухудшились. Подобным образом, если проблема исчезает из публичного дискурса, это необязательно означает, что ситуация улучшилась. Результат этого процесса определяется сложной организационной и культурной конкуренцией. Для того, чтобы понять ее природу, необходимо обратиться к тем социальным “аренам”, на которых она протекает.

Пропускная способность публичных институтов

Коллективные определения социальных проблем существуют не в некоем неопределенном пространстве, таком, как общество или общественное мнение, а на конкретных публичных “аренах”, где проблемы формулируются и растут. Такими аренами являются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, телевизионные фильмы, кино, средства массовой информации (телевизионные службы новостей, журналы, газеты и радио), организации, занимающиеся проведением политических кампаний, группы социального действия, сфера прямых почтовых обращений и просьб (direct mail solicitations), книги, касающиеся социальных вопросов, научные сообщества²¹, религиозные организации, профессиональные общества и частные фонды. Именно в этих институтах происходят обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем.

Несмотря на то, что между этими аренами существует множество различий, они обладают рядом общих характерных черт. Во-первых, каждая арена имеет определенную “пропускную способность”, ограничивающую число социальных проблем, которые она может поддерживать одновременно. А. Мосс²² утверждает, что в какой-либо данный период времени каждое общество имеет определенную среднюю квоту социальных проблем. Несмотря на то, что число ситуаций, которые

потенциально могли бы трактоваться как социальные проблемы, огромно, по практическим причинам, фактически бесчисленным, основное пространство и основное время для публичного представления проблем являются довольно ограниченными. Именно это несоответствие между числом потенциальных проблем и размером публичного пространства для обращения с ними наделяет конкуренцию между проблемами столь решающим значением для процесса коллективного определения.

Публичные арены имеют разную пропускную способность, которая может быть измерена с помощью различных показателей. Для газет и журналов таким показателем является площадь столбцов; для радио и телевизионных новостей – минуты эфирного времени; для телевизионных фильмов и кино – число постановок за год. Частные фонды ограничены их собственными доходами. Парламентские комитеты могут рассчитывать лишь на определенное число часов сессионных слушаний, при этом из всех рассматриваемых на этих слушаниях тем только небольшая часть будет вынесена на обсуждение в нижнюю или верхнюю палату. Политические стратеги выстраивают избирательные кампании вокруг нескольких ключевых вопросов, делая их центральными темами, которые постоянно подчеркиваются в лозунгах кандидата, “его” радио- и телепрограммах и публичных выступлениях. При этом может быть выбрано лишь малое число таких вопросов, в противном случае имидж кандидата станет расплывчатым и непонятным для избирателей²³.

Пропускная способность существует не только на институциональном, но и на индивидуальном уровне (см. таблицу).

Индивидуальные функционеры обладают ограниченными ресурсами, которые они должны размещать тем или иным образом. Подобным образом, члены общества ограничены не только количеством времени и денег, которое они могут уделить социальным вопросам, но и размерами “лишнего сострадания” (“surplus compassion”), которое они могут найти у себя в отношении вещей, находящихся за пределами их обычных непосредственных забот в рамках их социального статуса. Отбор

Пропускная способность

Единицы анализа	Ресурсные ограничения
Публичные арены:	
1. Газета	Газетная площадь, число репортеров/редакторов, время для подготовки материала, бюджет средств на поездки и т. д.
2. Фонд	Общий бюджет, текущие программные обязательства, самостоятельные доходы, время персонала и т. д.
3. Парламентский комитет	Расписание слушаний, число членов, бюджет, политическая цена действий и т. д.
4. Некоммерческая организация	Бюджет, штат служащих, время добровольцев и т. д.
Функционеры:	
1. Политик	Личное время, время подчиненных, бюджет, доступ к “свободным средствам массовой информации” и т. д.
2. Репортер	Время, бюджет, энергия, политический капитал в отношении редакторов и т. д.
3. Фирма, специализирующаяся в области управления коммуникацией (Public relations firm)	Время персонала, деньги, доступ к “свободным средствам массовой информации”, политический капитал в отношении контактов и т. д.
4. Фирма, специализирующаяся в области публичного права (Public interest law firm)	Время персонала, деньги и т. д.
Член общества	Деньги для общественных дел, время, “лишнее сострадание”, социальная цена участия в кампаниях и т. д.

Примечание. Таблица представляет некоторые примеры, иллюстрирующие пропускную способность. Все публичные арены, функционеры и члены общества могут распоряжаться лишь ограниченными ресурсами в отношении социальных проблем. Решения о распределении этих ресурсов принимаются с различными целями. Редакторы газет, например, могут стремиться привлечь читателей и рекламодателей, поддержать профессиональный уровень, оказать политическое влияние и продвинуться в своей личной карьере, тогда как некоммерческие группы могут действовать с тем, чтобы обеспечить выживание своей организации, получить финансирование, расширить свою социальную базу и достичь свои политические цели. Функционерам свойственно пытаться оказывать влияние на размещение ресурсов другими функционерами.

Так, политики обычно стараются привлечь внимание средств массовой информации, инсценируя события, которые редакторы будут считать хорошими сюжетами, фонды выносят свои оценки отчасти так, чтобы повлиять на активность грантополучателей, а телевизионные продюсеры стремятся привлечь внимание зрителей.

людьми социальных условий, причиняющих им беспокойство, определяется их “главным статусом”²⁴; неполно занятые чернокожие мужчины, белые мужчины – представители деловых кругов – и принадлежащие к среднему классу и белой расе женщины с маленькими детьми живут в значительно отличающихся одна от другой повседневных “реальностях”²⁵ и склонны беспокоиться по поводу различных социальных явлений. Когда приоритеты их главного статуса удовлетворены, у них может оставаться крайне небольшое количество “лишнего сострадания” – в отношении социальных вопросов, обладающих меньшим личным значением. Индивидуальная пропускная способность, разумеется, социально структурирована. Экономические тенденции могут, например, определять те материальные ресурсы, которые люди могли бы отвести для социальных вопросов²⁶, тогда как темы современной политической культуры могут влиять на установки в отношении социального действия.

Существование пропускной способности у всех без исключения арен, на которых определяются социальные проблемы, имеет далеко идущие последствия. Наиболее важным из них является то, что пропускная способность ограничивает размер политической и социальной повестки дня. Другими словами, число социальных проблем определяется не числом вредных или опасных ситуаций и условий, стоящих перед обществом, а пропускной способностью публичных институтов. С этим связано второе логическое следствие: за исключением того случая, когда пропускная способность институциональных арен увеличивается, рост одной социальной проблемы имеет тенденцию сопровождаться упадком одной или нескольких других.

Принципы отбора

Второй разделяемой всеми аренами чертой является наличие совокупности принципов отбора, которые определяют, какими проблемами, вероятнее всего, будут заниматься в рамках той или иной арены. Эти общие принципы отбора – интенсивная конкуренция за основное пространство, потребность в драматичности и новизне, опасность насыщения, ритм организационной жизни, культурные акценты (*cultural preoccupations*) и политические пристрастия – действуют по-разному на разных аренах. Пропускная способность каждой арены оказывает важное влияние на свойственные ей принципы отбора – при прочих равных условиях чем меньше пропускная способность, тем интенсивнее конкуренция. Подобным образом, интенсивность конкуренции растет (при прочих равных) в зависимости от значимости арены с точки зрения размеров ее аудитории или ее способности распоряжаться социетальными ресурсами в долгосрочной перспективе.

Драма

Итак, еще одним общим принципом является решающее значение драматичности. Как правило, те, кто представляет общественности социальные проблемы, имеют свою повестку дня – они обращаются к людям с предложением или требованием предпринять какое-либо определенное действие: например, прочитать статью, посмотреть телевизионное шоу, проголосовать за того или иного кандидата, поддержать какое-либо начинание, профинансировать организацию, принять определенное судебное решение, спонсировать или поддержать принятие закона, содействовать проведению той или иной официальной политики и т. д. Значение драмы обусловлено огромным числом конкурирующих обращений, заставляющим функционеров

облекать социальные проблемы в убедительную и драматичную форму. Важным является наличие в этих обращениях здравого смысла и простых, понятных истин – “строгие факты” и имидж компетентности становятся мощными ресурсами конструирования авторитетных представлений проблем²⁷. Таким образом, в утверждениях о существовании социальной проблемы официальные “факты” сочетаются с живой, эмоциональной риторикой²⁸.

Кроме того, ограниченность как основного публичного пространства, так и индивидуального внимания способствует лаконичности сообщений. Функционеры работают над тем, чтобы поместить социальную проблему в небольшую “блестящую упаковку”, которая живо, в авторитетном и настоящем тоне представляла бы тот или иной вопрос. (Борьба между конкурирующими группами, представляющими определенные интересы, может принимать несколько иную форму, при которой одна группа стремится драматизировать ситуацию, а другая использует “дедраматизирующие” стратегии²⁹.) Простые, имеющие драматичный вид формулировки проблем имеют больше шансов выдержать конкуренцию. Шаблонные объяснения, основанные на широко распространенных, стилизованных “политических мифах”, вероятно, одержат победу над сложным и тонким анализом³⁰.

Новизна и насыщение

Драма представляет собой источник энергии, которая поддерживает жизнь социальных проблем и питает их рост. Выстраивая драму, функционеры, представляющие социальные проблемы, используют некоторые классические театральные тропы. “Ребенок с плаката” (“poster child”) и человек в вечерних новостях, *воплощающий* бездомность, являются современными разновидностями аллегорического “обыкновенного человека” из средневековых нравоучительных представлений³¹. Однако

даже несмотря на то, что символы, используемые с целью драматизации социальных проблем, могут принимать классические формы, важным фактором является и новизна. Функционеры и заинтересованные группы, в особенности работающие с традиционными социальными проблемами, постоянно заняты поиском новых имиджей и новых способов извлечения выгоды из текущих событий с тем, чтобы привнести характер срочности и безотлагательности в свои презентации проблем.

Когда в форме, в которой подается проблема, начинают постоянно повторяться одни и те же символы, когда они насыщают основное публичное пространство, возникает необходимость в новых символах, в случае отсутствия которых проблема скорее всего будет испытывать упадок вследствие уменьшения ее драматичности. Упадок социальной проблемы, разумеется, не означает улучшения ситуации; явная скука, вызываемая какой-либо публичной драмой, может облегчить ее вытеснение конкурирующей проблемой. Редакторы решат, что в последнее время они видели слишком много материалов по этой проблеме; авторы ток-шоу станут искать других гостей; политики займутся новыми вопросами; фонды изменят приоритеты финансирования, а исследователи начнут разрабатывать другие темы. Однако даже в этом случае насыщение необязательно влечет за собой исчезновение проблемы. Могут остаться специализированные институты – устойчивые социальные отложения от бывшего беспокойства в рамках публичного дискурса.

Насыщение может происходить на двух уровнях. Во-первых, значительное число лиц, принимающих решения, (например, редакторов, политиков, исследователей и т. д.) может одновременно приступить к производству материалов о какой-либо проблеме, наводняя таким образом публичные арены многочисленными сообщениями и снижая уровень ее драматичности. Так, в начале 1980-х гг., когда быстрыми темпами росла общественная обеспокоенность угрозой ядерной войны, издатели отреагировали на этот рост выпуском рекордного числа

новых книг на данную тему. Во-вторых, длительная бомбардировка сообщениями о родственных проблемах может дедрама-тизировать проблемы этого класса. Например, бесконечные предупреждения о канцерогенных веществах, как представляется, привели часть общественности к заключению, выраженному одной из наклеек на бампер, согласно которой «жизнь – это дорога к раку»³².

Борьба за новизну тесно связана с организационной характеристикой институциональных арен, влияющей на темп и ритм представления социальных проблем. Каждая арена имеет свойственные ей расписания или образцы распоряжения временем, которые задают определенный ритм организационной жизни³³. Этот ритм может распространяться и на действия, предпринимаемые в рамках этой арены с социальными проблемами. Так, деление парламентской активности на сессии с их предсказуемыми, периодически повторяющимися пиками и перерывами очевидным образом влияет на отбор социальных проблем, определяя время их публичного представления³⁴. Подобным образом, фиксированная продолжительность сроков полномочий на государственной службе накладывает определенный ритм на отбор и определение социальных проблем, поскольку именно избирательные кампании являются основными периодами формирования имиджей как социальных проблем, так и конкретных кандидатов³⁵. Деление бюджетов государственных финансирующих организаций и частных фондов на финансовые годы влияет на отбор социальных проблем в исследовательском сообществе. Предполагаемые условия, определяемые как “растущие проблемы” в тот момент, когда эти учреждения принимают решения о приоритетах финансирования, вероятно, будут пользоваться большим вниманием.

На принципы отбора всех институциональных арен также оказывают влияние широко распространенные культурные акценты (preoccupations) и политические пристрастия. Определения некоторых проблем в полной мере соответствуют основным культурным акцентам, и это увеличивает их конкурентоспособность. Некоторые проблемы легко могут быть соотнесены с глубокими мифическими темами, вследствие чего они служат лучшим материалом для коллективного рассмотрения³⁶. Например, в Соединенных Штатах в настоящее время наблюдается глубокая озабоченность вопросами здоровья, болезни и медицины – областями, становящимися важными “символическими каналами, обращаясь к которым, американское общество пытается разрешить фундаментальные вопросы ценности и веры”³⁷. Акценты американской культуры на здоровье и медицине отражаются в определениях целого ряда современных социальных проблем. <...>

Подобно этому некоторые проблемы выигрывают в процессе конкуренции потому, что обладают важным значением для влиятельных политических и экономических кругов; “спонсоры” проблемы могут связывать с ее успехом далеко идущие замыслы. Элиты могут активно противодействовать тем или иным определениям проблем, предавая некоторые вопросы “политически обеспечиваемому забвению”³⁸. Кроме того, политическая экономия может обуславливать определение социальных проблем и способами, выходящими за пределы мощного влияния господствующих групп на политические/экономические ценности. На коллективные определения социальных проблем могут оказывать влияние экономические изменения. «Когда экономика переживает период подъема и все идет хорошо, легче обдумывать варианты обращения с проблемами с точки зрения расходования средств. Времена спада или медленного роста и медленно растущих уровней

жизни, когда ресурсы общества ограничены, приводят к снижению значения проблем непродуктивного характера и препятствуют каким-либо действиям по изменению ситуации»³⁹. На отбор социальных проблем влияют также веяния политической культуры. Представления о том, что правительству следует считать проблемами, меняются с течением времени; в качестве примера достаточно сравнить взгляды о надлежащей роли правительства, доминировавшие во времена “новых рубежей” (политики президента Кеннеди), со взглядами времен “нового федерализма”.

Организационная характеристика

Каждой арене присуще множество организационных и культурных черт, влияющих на отбор социальных проблем. Освещение социальных вопросов в газетах, например, определяется в организационном отношении такими факторами, как структура газет, организация коммуникационных систем и телеграфных служб, стратификация данной индустрии на элитную “национальную” прессу, местные ежедневные газеты и бульварную прессу, размеры и организация штатов, их деление на отделы, ограниченность времени и финансов, которую испытывают журналисты, их зависимость от ключевых источников информации и возникающая вследствие этого уязвимость⁴⁰, связи между генеральными директорами газет и другими частями деловой элиты⁴¹, а также поглощенность непосредственными быстроразвивающимися событиями настоящего.

В культурном отношении основной вопрос – это «решить, что является новостями»⁴². В этом плане журналисты полагаются на общее профессиональное понимание того, что представляет важное событие, хороший сюжет, что заслуживает освещения. Такое понимание определяет, поиском каких материалов заняты репортеры, какие задания дают им редакторы, как этот материал излагается, в какое место газеты он помещается, и в

каком обрамлении подаются события⁴³. Вследствие того, что основное газетное пространство – например, первые страницы разделов, редакторские колонки, видные места на всем протяжении газеты – является довольно ограниченным, оно представляет собой предмет жесткой конкуренции между журналистами; карьера и профессиональный статус журналиста определяются тем, где появляется строчка с указанием его имени. Поскольку никто не хочет, чтобы его статьи прятались на задворках газетных площадей, журналисты имеют сильную заинтересованность в том, чтобы понимать и усваивать доминирующие определения новостей и предвидеть приоритеты своих редакторов.

Указанные ограничения действуют и в отношении телевизионных информационных программ, хотя здесь появляется несколько дополнительных факторов: телевизионная продукция является более дорогостоящей по сравнению с газетной, хороший телевизионный сюжет должен быть увлекательным в зрительном плане и, наконец, пропускная способность телевизионных новостей существенно ниже газетной. Вследствие этого сюжеты должны быть короче, должна быть обеспечена возможность оперативного прибытия съемочной группы на место события. На телевидении социальные проблемы облекаются даже в более драматичную форму, чем в газетах. Один из исполнительных продюсеров вечерних новостей Эн-Би-Си отмечал, обращаясь к своему персоналу: «Каждый сюжет новостей должен без ущерба для честности и ответственности проявлять атрибуты художественного произведения, драмы. Он должен иметь структуру и конфликт, завязку и развязку, проблему и ее разрешение, начало, середину и конец»⁴⁴.

Сходные образцы существуют и в других институтах, хотя принципы отбора формируются под влиянием несколько иного набора организационных и культурных факторов. Вследствие существования этого различия проблема, хорошо приспособленная к одной определенной арене, может уцелеть и продол-

жать существовать на ней, хотя будет неконкурентоспособной на других аренах. Так, для успешного проникновения на судебную арену проблема должна удовлетворять набору более или менее строгих правовых критериев, определяющих, что может быть принято в качестве текущего судебного дела. Даже в том случае, когда другие арены в основном игнорируют проблему, функционеры могут поддерживать ее существование и пребывание в поле зрения общественности посредством умелого использования судов. Хорошим примером этого являются действия активиста Джереми Рифкина, который, опираясь на федеральные законы об охране окружающей среды, противодействовал умышленному выпуску в открытую природную среду генетически созданных микроорганизмов⁴⁵. Используя судебные процессы наряду с их освещением средствами массовой информации, он успешно поддерживал существование социальной проблемы надлежащего использования генной технологии даже в то время, когда большинство публичных действующих лиц (например, федеральное правительство, крупные корпорации, средства массовой информации и большая часть научного сообщества) рассматривало генную инженерию не как проблему, а как источник определенных благ.

Подобно этому существование многих социальных проблем, которые в основном не пользуются успехом на большинстве арен, может обеспечиваться небольшими, но упорными группами поддержки. В данном случае наиболее важное условие выживания проблемы заключается в наличии сторонников, готовых жертвовать своими деньгами или временем⁴⁶. Существует два типа таких групп поддержки: организации и профессиональные ассоциации, имеющие под собой отраслевую основу, и группы граждан. Несмотря на то, что отраслевые организации часто финансируются лучше, в последние годы группы граждан как на левом, так и на правом политических флангах научились зарабатывать значительные суммы денег путем прямых почтовых обращений и просьб. Возникла даже не-

большая индустрия таких обращений – многие группы нанимают консультантов, профессионально занимающихся “упаковкой” социальных проблем в виде эмоциональных и выразительных писем⁴⁷. <...>

Обратные связи, способствующие усилению или ослаблению проблем

Рассмотрев арены, на которых конкурируют социальные проблемы, и принципы отбора, определяющие результат этой конкуренции, мы можем обратиться теперь к взаимодействию между аренами. Решающее значение для процесса развития социальных проблем имеет обратная связь (feedback) между различными аренами.

Эта связь либо усиливает, либо ослабляет внимание, которым пользуются проблемы на публичных аренах. Посредством сложной совокупности связей активность, имеющая место в пределах одной арены, распространяется на другие. Если какая-либо социальная проблема растет в рамках одного института, вероятно, что она быстро завладеет и другими. Таким образом, проблемы, ставшие предметом пристального общественного внимания и приобретшие статус крайне важных и известных, могут господствовать не на одной арене публичного дискурса, а на многих.

Легко понять, почему подобный синергетический эффект является столь сильным. Для этого достаточно рассмотреть характер организационных и социальных связей между различными аренами⁴⁸. Каждый институт “населен” сообществом функционеров, которые тщательно изучают деятельность своих собратьев в других организациях и на других аренах. Журналисты читают работы друг друга в постоянном поиске сюжетных идей. Телевизионные продюсеры внимательно просматривают символический ландшафт, стараясь найти свежие темы для драм. Законодатели ищут идеи у соседей по федерации.

Активисты связываются друг с другом с целью сбора информации, поддержания контактов и распространения идей.

Однако это внимание не является всего лишь пассивным и ответным. На самом деле, скорее правилом, а не исключением являются попытки активно влиять на события на других аренах. Помощники депутатов, например, обычно пытаются создавать и формировать освещение деятельности их работодателей с помощью средств массовой информации. При этом тщательно изучаются данные опросов общественного мнения и информация, передаваемая масс-медиа, поскольку отбор и представление вопросов политиком в значительной степени определяются соображениями о том, что может получить хорошую прессу. В то же время прогнозируемая законодательная деятельность часто становится для научного сообщества стимулом для проведения исследований в области той или иной политики, а растущая общественная обеспокоенность – выражаемая данными опросов общественного мнения, судебными спорами или другими публичными аренами – способствует тому, что федеральные или частные фонды объявляют конкурсы на получение грантов для изучения данного вопроса. Если мы займемся изучением этих сложных отношений, то обнаружим огромное число позитивных обратных связей, “механизмов”, обеспечивающих рост той или иной проблемы.

Этот рост ограничивается, тем не менее, отрицательными обратными связями, порождаемыми ограниченной пропускной способностью публичных арен, конкуренцией между проблемами за общественное внимание и потребностью в постоянных и вместе с тем всегда новых драмах. В контексте этого динамичного напряжения между силами, ограничивающими рост социальных проблем, и силами, способствующими ему, функционеры, работающие на различных аренах, пытаются – часто вполне осознанно – “заниматься серфингом”⁴⁹ на гребне следующих друг за другом волн социальных проблем.

Сообщества функционеров

Более пристальный взгляд на структуры функционеров, “населяющих” публичные институты, способен обнаружить, что во многих случаях они образуют сообщества, сосредоточивающиеся вокруг определенных проблем⁵⁰. Подобные сообщества специалистов существуют вокруг каждой из традиционных для общества макрокатегорий социальных проблем, таких, как преступность, ситуация в экономике, внешняя политика, женский вопрос, состояние окружающей среды, общественные нравы, бедность, гражданские права, проблемы сельского хозяйства, биоэтика, семья и множество других. Кроме того, некоторые функционеры специализируются не в области той или иной проблемы, а в определенной, основанной на какой-либо арене, технологии (например, журналистском расследовании, организации активности рядовых граждан (grass-roots organizing), финансировании кампании, телевизионном производстве, исследовании политики и т. д.). Такие функционеры могут играть свою роль в нескольких проблемных сообществах сразу или часто переключаться с одной проблемной области на другую.

Каналы коммуникации между функционерами, работающими в области той или иной проблемы, пересекают границы различных институциональных арен. Так, можно представить себе, что традиционные для общества категории социальных проблем организованы в виде совокупности отделов, напоминающих (не случайно) отделы в еженедельном информационном журнале⁵¹. Иными словами, культурно обусловленная проблемная структура, представленная в нашей системе категорий для описания социальных проблем, соответствует неформальной организационной структуре, пересекающей границы арен публичного дискурса⁵².

В некоторых областях или “отделах”, таких, как вождение автомобиля после употребления спиртных напитков⁵³, может до-

минировать одна точка зрения. Распространенное явление представляет также политическая борьба между конкурирующими группировками, предлагающими радикально отличающиеся формулировки проблемы. Зачастую группировки начинают рассматривать само существование противника в качестве проблемы. В области образовательной политики, например, фундаменталистские религиозные группы считают проблемой “эволюционистов” и их способы обучения, научное же сообщество платит им той же монетой⁵⁴. Однако, в дополнение к конфликту, внутри отдела могут развиваться отношения симбиоза, при которых функционеры каждой арены поддерживают активность функционеров, работающих на других аренах. Так, группы, противодействующие загрязнению окружающей среды, лоббисты и персонал отделов по связям с общественностью в индустриальной сфере, политики, занимающиеся вопросами, связанными с состоянием окружающей среды, юристы, специализирующиеся в этой же области, редакторы специальных изданий по данной тематике, представители правительственных органов по защите окружающей среды создают работу друг для друга. В то же время в целом их активность повышает значение состояния окружающей среды как социальной проблемы.

Эти отделы и профессионалы, работающие в них, могут “приватизировать” свою проблемную область⁵⁵, действуя как строгие “контролеры” (gatekeepers) интерпретации ситуаций и условий, которые, как полагается, попадают под их юрисдикцию. В рамках каждого отдела ведется серьезная полемика о том, какие потенциальные проблемы заслуживают внимания. Так, в редакционных отделах новостей, на Капитолийском холме, в офисах групп социального действия и среди членов научного сообщества много говорится о том, какие “большие вопросы” “встают” в настоящее время. Решения о том, каким проблемам необходимо уделить внимание, какие проблемы следует продвигать, содержат как стратегический компонент (что будет благом для нашей политической группировки? нашей ор-

ганизации? наших личных карьер?), так и оценку относительной значимости различных потенциальных проблем.

Взятые в целом, эти отделы образуют то, что лучше всего может быть названо индустрией социальных проблем, – целый сектор экономики, который производит постоянно меняющийся набор коллективных определений того, на что мы должны обращать внимание, и почему. Поскольку эта индустрия оказывает глубокое влияние на общественную жизнь⁵⁶, важно понимать ее структуру и динамику.

Теоретические положения

Мы утверждали выше, что облик и судьба социальных проблем зависят от того, какие формулировки будут приняты, какими функционерами, с какими намерениями в отношении этих проблем и на каких публичных аренах⁵⁷. Мы очертили некоторые препятствия, с которыми сталкиваются все социальные проблемы в их борьбе за признание, и определили их как принципы отбора. Кроме того, мы отметили, что обратная связь между аренами ослабляет или усиливает то внимание, которым пользуются проблемы.

Теперь мы представляем набор положений, являющихся рабочими гипотезами данной концепции публичных арен. В дальнейшем эти положения могут разрабатываться и проверяться.

Предварительные положения

1. *Социальная проблема* – это предполагаемое условие или предполагаемая ситуация, на которое или которую действующие лица (по крайней мере, некоторые) “наклеивают ярлык” проблемы на *аренах* публичного дискурса и действия, определяя их как вредные и формулируя это определение тем или иным образом.

2. Уровень внимания, уделяемого той или иной социальной проблеме, является следствием прежде всего не ее объективного характера, а процесса коллективного определения.

3. Социальные проблемы конструируются в рамках публичных арен. Успех (размер, масштаб) социальной проблемы определяется количеством внимания, уделяемого ей на этих аренах.

Пропускная способность

4. Каждая арена имеет определенную “пропускную способность”, ограничивающую число социальных проблем, которые она может поддерживать в течение данного периода.

5. “Популяция” потенциальных проблем, т. е. предполагаемых ситуаций или условий, которые могли бы считаться проблемами, огромна.

6. Пропускная способность публичных арен слишком мала для того, чтобы принять все потенциальные социальные проблемы.

7. Вследствие этого социальным проблемам приходится конкурировать за место на публичных аренах. Эта конкуренция является постоянной; проблемы должны конкурировать друг с другом как за то, чтобы быть включенными в публичную повестку дня, так и за то, чтобы остаться в ней.

8. Число социальных проблем определяется не числом вредных или опасных условий, с которыми сталкивается общество, а пропускной способностью публичных арен.

Динамика конкуренции

9. Социальные проблемы конкурируют между собой одновременно на двух уровнях. Во-первых, это конкуренция за место между в сущности своей различными проблемами, разворачивающаяся вместе с установлением приоритетов: какие проблемы важны и вследствие этого достойны места на публичных аренах. Во-вторых, в рамках каждой самостоятельной

арены ведется конкуренция между альтернативными формулировками проблем, т. е. конкуренция по поводу определений. Эти два типа конкуренции взаимодействуют между собой.

10. Общественное внимание, которым пользуются социальные проблемы, крайне неравномерно распределено между ними:

а) очень небольшое число социальных проблем достигает чрезвычайного успеха и становится господствующими темами публичного дискурса;

б) несколько большее число достигает умеренного успеха и пользуется некоторым общественным вниманием;

в) огромное большинство потенциальных социальных проблем остается вне или на самом краю публичного дискурса.

11. Уровень общественного внимания, которым пользуется какая-либо социальная проблема, весьма изменчив:

а) проблемы, которые достигли определенного успеха, постоянно находятся в опасности упадка и вытеснения;

б) в то время как некоторые проблемы могут расти, испытывать упадок, а затем вновь возникать, очень немногим удается поддерживать высокий уровень внимания к себе на протяжении многих лет.

12. За исключением того случая, когда пропускная способность публичных арен изменяется, рост одной социальной проблемы имеет тенденцию сопровождаться упадком одной или нескольких других.

Принципы отбора

13. Все публичные арены обладают принципами отбора, определяющими вероятность появления на них тех или иных социальных проблем. (Положения с 14 по 18 касаются принципов отбора, действующих на всех публичных аренах.)

14. *Драма.* – Публичные арены придают большое значение драме. Социальные проблемы, представленные в драматич-

ном виде, имеют более высокие шансы успешно выдержать конкуренцию на аренах:

а) насыщение арен многочисленными утверждениями и символами может дедрамотизировать проблему;

б) длительная бомбардировка общественности сообщениями о родственных проблемах может дедрамотизировать проблемы этого класса;

в) для того, чтобы оставаться в публичной повестке дня, проблемы должны сохранять свой драматичный характер; таким образом, их драматичность постоянно должна обновляться за счет новых символов или событий, в противном случае проблема будет испытывать упадок.

15. *Культура*. – Социальные проблемы, которые могут быть связаны с глубокими мифическими темами или широко распространенными культурными акцентами, обладают более высокой конкурентоспособностью на всех публичных аренах.

16. *Политика*. – Всем публичным аренам свойственны те или иные политические пристрастия, определяющие приемлемый диапазон дискурса на данной арене. Социальные проблемы, оказывающиеся вне или на краю этого диапазона, имеют невысокие шансы успешно выдержать конкуренцию.

Большинство публичных арен (особенно непосредственно связанных с властью) находится под мощным влиянием господствующих политических и экономических групп. Вследствие этого определения социальных проблем, соответствующие таким пристрастиям, имеют более высокие шансы на успех.

На отбор социальных проблем влияют сдвиги в политической культуре, изменяющие приемлемый диапазон публичного дискурса.

17. *Пропускная способность*. – При прочих равных условиях, чем меньше пропускная способность арены, тем интенсивнее конкуренция.

18. *Институциональные ритмы*. – Каждой публичной арене свойствен характерный ритм организационной жизни, влияю-

щий на временной порядок ее взаимодействий с социальными проблемами, а следовательно, и на их отбор.

19. В дополнение к этим общим принципам отбора каждая конкретная арена имеет свои собственные “местные” принципы, определяемые ее институциональной характеристикой, политическими связями (*political allegiances*) и профессиональной культурой. Эти местные факторы также влияют на отбор социальных проблем.

20. Многие функционеры хорошо знакомы с принципами отбора, свойственными публичным аренам, и умышленно адаптируют свои утверждения о социальных проблемах к той или иной среде (например, придавая своим утверждениям драматичную, лаконичную форму, используя новые символы или классические театральные тропы, формулируя свои утверждения в рамках политически приемлемой риторики).

Обратная связь

21. Публичные арены связаны социальными сетями и типовыми институциональными отношениями, образующими позитивные обратные связи.

22. Проблемы, растущие в пределах одной публичной арены, имеют сильную тенденцию распространяться и на другие. Относительно небольшое число социальных проблем, достигших чрезвычайного успеха, склонны занимать большую часть пространства на большинстве арен.

23. Несмотря на это, некоторым проблемам, неконкурентоспособным на большинстве арен, удается выжить, занимая определенную нишу в пределах какой-либо арены и не проявляя признаков распространения. Эти отклонения от общего образца не являются случайными, представляя собой результат систематически проявляющихся отличий в принципах отбора данной арены.

Сообщества функционеров

24. Сообщества функционеров образуются вокруг социальных проблем; эти сообщества пересекают границы арен публичного дискурса.

25. Наиболее крупные из таких сообществ (или “отделов”) формируются вокруг традиционных для общества проблемных макрокатегорий (например, преступности, войны и мира, ситуации в экономике, гражданских прав и т. д.), областей, являющихся предсказуемым источником новых социальных проблем. Таким образом, определяемые культурой категории социальных проблем соответствуют неформальной организационной структуре, пересекающей границы арен публичного дискурса.

26. “Отдел” может “приватизировать” проблемы, которые, как полагается, попадают в сферу его компетенции.

27. Внутри этих “отделов” может иметь место конфликт или консенсус.

28. Даже когда функционеры, работающие в “отделе”, относятся к различным конфликтующим сторонам, между ними могут устанавливаться отношения симбиоза.

Перспективы дальнейшего исследования

С самого начала мы намеревались представить больше вопросов, чем ответов, и именно в этом духе завершаем статью описанием двух широких областей, исследование которых предполагается данной концепцией, а также необходимых для этой дальнейшей работы методов.

1. *Динамика конкуренции.* – Все вышесказанное дает основания полагать, что конкуренция между социальными проблемами отличается значительной интенсивностью. С чисто практической и тактической точки зрения, любая конкретная социальная проблема должна преодолеть очень серьезные препятствия для того, чтобы получить место в вечерних новостях, по-

скольку ей приходится конкурировать с множеством альтернатив. Вместе с тем, несмотря на эту жесткую общую конкуренцию всех против всех, интенсивность непосредственной конкуренции между двумя отдельными проблемами может быть слабой, так как каждая из этих проблем отнимает лишь малую часть общей пропускной способности.

Эти наблюдения позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения динамики конкуренции на публичных аренах. Во-первых, можно заниматься проведением исследований, фиксирующих и сравнивающих уровни общей конкуренции на различных публичных аренах. Насколько интенсивна общая конкуренция на различных аренах? Насколько суровой является ограниченность в ресурсах, с которой сталкиваются функционеры? Как меняется уровень общей конкуренции с течением времени? Во-вторых, можно изучать динамику непосредственной конкуренции. В отношении ряда социальных проблем могут собираться данные (time-series data), показывающие долю ресурсов, которую удается получить в свое распоряжение каждой проблеме. Предметом такого рода исследования может быть целый ряд публичных арен – исследователи могут изучать изменения в уровнях освещения средствами массовой информации, в распределении финансовых ресурсов, парламентской активности, публикации книг и подаче заявок на получение грантов.

В дополнение к исследованию “карьер” социальных проблем исследователи могут изучать карьеры отдельных функционеров. Могут быть сконструированы выборочные совокупности таких функционеров, как политики, активисты, члены научного сообщества, журналисты, режиссеры документального кино, с тем, чтобы исследовать временной порядок сдвигов от одной проблемы к другой в приоритетах их индивидуальной активности. Данные о выборе функционеров и размещении проблем на аренах могут сопоставляться и использоваться вместе в каче-

стве показателей уровня непосредственной конкуренции между определенными проблемами в определенное время.

По мере разработки более совершенных показателей и индексов уровня внимания, которым пользуются проблемы, и накопления данных о непосредственной конкуренции между проблемами мы можем задаваться более сложными структурными вопросами о процессе конкуренции. Исследование может быть сосредоточено, например, на уровне конкуренции как внутри проблемных макрокатегорий (например, здоровья или экономики), так и между ними. Конкурируют ли между собой за общественное внимание вопросы здоровья и ситуация в экономике, или эти проблемные области относительно слабо стыкуются друг с другом? Точно так же можно задать вопросом о том, существуют ли проблемы, которые не только не конкурируют друг с другом, а напротив, непосредственно способствуют росту друг друга. Все эти вопросы требуют дальнейшей исследовательской работы.

2. Численность и разнообразие проблем. – Другим исследовательским направлением, предполагаемым данной концепцией, является систематическое изучение численности и разнообразия проблем, обсуждаемых на публичных аренах. На одном из уровней анализа могут изучаться макрокатегории проблем. Сколько таких макрокатегорий существует? Изменяется ли это число с течением времени? Каким образом определяются и переопределяются границы этих макрокатегорий?

Уровнем ниже можно исследовать разнообразие утверждений о проблеме, существующее в рамках какой-либо проблемной категории. Например, какова численность утверждений различных типов, проблематизирующих ситуацию в пределах столь широкой области, как бедность? Какова доля каждого из них? Как меняется участь утверждений различных типов? Увеличивается или уменьшается разнообразие утверждений в какой-либо определенный момент времени?

По мере того, как будут разрабатываться точные показатели численности и разнообразия социальных проблем и утверждений, будут открываться возможности для исторического и сравнительного исследования. Как варьируется разнообразие проблем от общества к обществу, одного исторического периода к другому, одной публичной арены к другой? Исследователи могут обращаться также к воздействиям крупных социальных потрясений, таких, как война или дезинтеграция экономики, на разнообразие социальных проблем. В пределах более короткой шкалы времени может изучаться воздействие на разнообразие проблем политического кризиса, такого, как, например, Уотергейт или Иран-Контра (Iran-Contra affair). В отношении таких арен, как средства массовой информации, можно ожидать, что отведение значительного количества пространства и ресурсов этим кризисам будет усиливать конкурентное давление на другие вопросы, приводя, таким образом, к кратковременному уменьшению разнообразия. Данные вопросы могут быть предметом эмпирических исследований, проводимых в описанных нами теоретических рамках.

Заключение

Истории отдельных социальных проблем разворачиваются в системе публичных арен, служащих той средой, в которой происходит коллективное определение. В рамках предложенной в данной работе концепции в отношении публичного дискурса о социальных проблемах применяются такие экологические понятия, как конкуренция, отбор и адаптация. Эта концепция описывает, как проблемы – и функционеры – конкурируют за общественное внимание и ресурсы, каким образом публичные арены отбирают определения социальных проблем, как функционеры адаптируют свои утверждения к требованиям публичных арен. Разумеется, экологические понятия не могут быть механически перенесены в область культуры. В частности, ко-

гда такие понятия вводятся в сферу культуры, необходимо обращать внимание на сознательное манипулирование символами – каким образом ведущие функционеры отбирают некоторые социальные проблемы, формулируют и выдвигают их так, чтобы обеспечить реализацию своих интересов и целей. Вместе с тем экологический язык привлекает внимание к ресурсным ограничениям, встающим перед функционерами по мере того, как они предпринимают попытки влиять на распределение коллективного внимания.

Как без сомнения заметил читатель, данная концепция предполагает несколько уровней анализа процессов. Способность интегрировать уровни анализа является неотъемлемым свойством экологической теории и важным преимуществом нашей концепции публичных арен. Так, описываемые здесь процессы определяют вероятность выживания как отдельных проблематизирующих ситуацию утверждений, так и целых популяций таких утверждений-требований. Кроме того, данная концепция помещает исследование социальных проблем в контекст, который позволяет изучать взаимодействия между проблемами и – на еще более высоком уровне анализа – организацию культурной системы категорий. Поскольку эти процессы оказывают влияние друг на друга, представляемая концепция разрабатывалась с тем, чтобы ее можно было использовать на многих взаимодействующих уровнях.

Экологические рамки этой концепции культурной и политической конкуренции обеспечивают более глубокое и подробное объяснение процесса социальных проблем по сравнению с предлагаемыми ранее. Однако разработанная концепция не дает нам законченной теории – остается проделать значительный объем работы для того, чтобы пополнить наше понимание процесса социальных проблем. Тем не менее, мы убеждены, что очерченный подход представляет собой важный шаг к интегрированному теоретическому основанию, способствующему систематической разработке исследовательской повестки дня и

проверяемых гипотез. Такие исследования будут давать нам все более точные ответы на основной конструкционистский вопрос: каким образом при наличии бесконечного числа возможных вариантов происходит отбор тех или иных определений социальных проблем?

Примечания

¹ **Blumer, Herbert.** Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 298–306.

² **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Social problems: a re-formulation // Social problems. 1973. Vol. 21. P. 145–159; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

³ **Blumer.** Op. cit. P. 300.

⁴ **Gallie, W.B.** Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1962. Vol. 56. P. 169; см. также: **Connolly, William E.** The terms of political discourse. 2nd ed. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1983.

⁵ **Blumer.** Op. cit.; **Spector, Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Social problems: a re-formulation // Social problems. 1973. Vol. 21. P. 145–159; **Spector, Malcolm, John I. Kitsuse.** Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977; **Mauss, Armand L.** Social problems as social movements. New York: Lippincott, 1975; см. также: **Downs, Anthony.** Up and down with ecology – the ‘issue-attention cycle’ // Public interest. 1972. Vol. 28. P. 38–50.

⁶ Такой подход подробно рассматривается в работах: **Woolgar, Steve, Dorothy Pawluch.** Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // Social problems. 1985. Vol. 32 (№ 3). P.214–227; **Pfohl, Stephen.** Toward a sociological deconstruction of social problems // Social problems. 1985. Vol. 32 (№3). P. 230–232; **Schneider, Joseph W.** Defining the definitional perspective on social problems // Social problems. 1985. Vol. 32 (№ 3). P. 232–234; **Hazelrigg, Lawrence E.** Were it not for words // Social problems. 1985. Vol. 32 (№ 3). P. 232–237.

⁷ **Wiener, Carolyn L.** The politics of alcoholism: building an arena around a social problems. New Brunswick, NJ: Transaction, 1981; **Clignet, Remi.** Madame Bovary and Lady Chatterley’s lover as social problems: the ‘natural history’ of immoral novels // Social problems. 1981. Vol. 28. P. 290–307.

⁸ См., например: **Blumer.** Op. cit. P. 300–303.

⁹ **Edelman, Murray.** the symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964; **Edelman, Murray.** Political language: words that succeed and policies that fail. New York: Academic, 1977; **Moyer, Donald, Remi Clignet.** Social problems in science and for science // Knowledge: creation, diffusion, utilization.

1980. Vol. 2. P. 93–116; **Gusfield, Joseph R.** The culture of public problems. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

¹⁰ **Gans, Herbert J.** Deciding what's news. New York: Pantheon, 1979; **Gitlin, Todd.** The whole world is watching. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980; **Molotch, Harvey, Marilyn Lester.** News as purposive behavior: on the strategic uses of routine events, accidents, and scandals // American sociological review. 1974. Vol. 39. P. 101–112; **Schudson, Michael.** Discovering the news: a social history of American newspapers. New York: Basic, 1978; **Tuchman, Gaye.** Making news: a study in the construction of reality. New York: Free Press, 1978.

¹¹ **Knoke, David, Edward O. Laumann.** The social organization of national policy domains: an exploration of some structural hypothesis // Social structure and network analysis / Ed. by P.V. Marsden, Nan Lin. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1982. P. 255–270; **Laumann, Edward O., David Knoke, Yong-Hak Kim.** An organizational approach to state policy formation: a comparative study of energy and health domains // American sociological review. 1985. Vol. 50. P. 1–19.

¹² См., например: **McCarthy, John D., Mayer N. Zald.** Resource mobilization and social movements: a partial theory // American journal of sociology. 1977. Vol. 82 (№ 6). P. 1212–1241; **Oberschall, Anthony.** Social conflict and social movements. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.

¹³ За редкими примечательными исключениями (например, **Snow, David A.** et al. Frame alignment and mobilization // American sociological review. 1986. Vol. 51 (№ 4). P. 464–481), теоретики направления “мобилизации ресурсов” склонны сосредоточиваться на организационных и макромобилизационных процессах, мало обращая внимание на интерпретативные процессы, происходящие в рамках публичного дискурса.

¹⁴ См., в частности: **Kingdon, John W.** Agendas, alternatives and public policy. Boston: Little, Brown, 1984.

¹⁵ Конкуренция между проблемами подразумевает, конечно, конкуренцию между социальными группами, выдвигающими различные проблемы или различные способы рассмотрения “одних и тех же” проблем. Иными словами, конкуренция между определениями проблем на культурном (т. е. смысловом) уровне отражает конкуренцию между группами на фундаментальном уровне и, в свою очередь, отражается в ней.

¹⁶ **Zald, Mayer N., Roberta Ash.** Social movement organizations: growth, decay and change // Social forces. 1966. Vol. 44 (№ 3). P. 327–340; **McCarthy, John D., Mayer N. Zald.** Resource mobilization.

¹⁷ **Mottl, Tahi L.** The analysis of countermovements // Social problems. 1980. Vol. 27 (№ 5). P. 620–635.

¹⁸ **Gusfield.** The culture of public problems.

¹⁹ Конкурирующие группы часто борются за то, чтобы навязать остальным свое определение проблемы и, таким образом, повлиять на политику. Рассмотрение конфликтующих способов формулировки проблемы профессиональных заболеваний, используемых защитниками отраслевых интересов и интересов труда, представлено в работе: **Hilgartner, Stephen**. The political language of risk: defining occupational health // The language of risk: social conflict in occupational health / Ed. by D. Nelkin. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1985. P. 25–62.

²⁰ **Irwin, Alan**. Risk and the control of technology: public policies for road traffic safety in Britain and the United States. Manchester: Manchester University Press, 1985.

²¹ Это касается как обществоведов, так и естественников. Н. Аронсон (**Ar- onson, Naomi**. Nutrition as a social problem: a case study of entrepreneurial strategy in science // Social problems. 1982. Vol. 29. P. 474–487) указывает, что обычно при рассмотрении процесса социальных проблем ролью ученых- естественников пренебрегают. Ее кейс-стади, посвященное питанию как соци- альной проблеме, иллюстрирует, как эти ученые включаются в те или кампа- нии, используя выдвижение социальных проблем в качестве средства обеспе- чить политическую и материальную поддержку своим работам. См. также: **Ar- onson, Naomi**. Science as a claims-making activity: implications for social problems research // Studies in the sociology of social problems / Ed. by J.W. Schneider and J.I. Kitsuse. Norwood, NJ: Albex, 1984. P. 1–30; Mapping the dynamics of science and technology / Ed. by M. Callon, J. Law, A. Rip. London: Macmillan, 1986; **Latour, Bruno**. Science in action. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.

²² **Mauss**. Social problems as social movements. P. 42–44.

²³ Согласно «*Вашингтон пост*» (**Peterson, Bill**. Talking in 5-second bites, and other tips for the tube // Washington post. 1986. August 14. P. A21), на недавнем обучающем семинаре по вопросам стратегии кампаний профессиональные политические консультанты советовали при планировании кампании “выбрать одну тему или одно сообщение и “оседлать” ее или его”. Консультанты утвер- ждали, что кампании должны следовать правилу “коротко и просто” (“KISS rule” – keep it short and simple) или правилу “коротко, просто и глупо” (“KISS rule” – keep it short, simple, and stupid).

²⁴ **Hughes, Everett**. Dilemmas and contradictions of status // Hughes, Everett. The sociological eye. Chicago: Aldine-Atherton, 1971. P. 141–152.

²⁵ Эти различия усиливаются стилями потребления информации, в основа- нии которых находится тот или иной статус. Так, читатели «*Нэйшнз бизнес*», «*Дедала*» и «*Нью-Йорк пост*» получают различные по содержанию и эмоцио- нальному тону сообщения.

²⁶ **McCarthy, John D., Mayer N. Zald**. Resource mobilization. P. 1224–1226.

²⁷ **Gusfield**. The culture of public problems; см. также: **Wynne, Brian**. Rationality and ritual: the windscale inquiry and nuclear decisions in Britain. Chalfont St. Giles, Bucks, England: British society for the history of science, 1982.

²⁸ Идеально-типическое утверждение, проблематизирующее ситуацию, заключается в том, что данная проблема существует и является важной. Такое утверждение включает в себя также те или иные представления о причинной и нормативной (политической или моральной) ответственности и предлагает варианты решения проблемы или возмещения вреда. В законченном утверждении драматизируется, как правило, каждый из этих пунктов.

²⁹ **Moyer, Donald, Remi Clignet**. Social problems in science and for science. В ходе попыток дедраматизировать социальную проблему часто используются такие стратегии, как отрицание существования предполагаемого условия или предполагаемой ситуации, которое или которая считается проблемой, утверждения, что другие вопросы являются более неотложными или что наносимый вред имеет другие причины, не те, о которых говорит конкурирующая группа функционеров, выставление противоположного лагеря несведущим и нерациональным, утверждения, что данная ситуация естественна, приемлема или неизбежна и что решения неизвестны, неосуществимы, неприемлемы или их вообще не существует.

³⁰ **Edelman**. Political language. P. 1–8.

³¹ Необходимо отметить, впрочем, что некоторые функционеры осознают это; например, исполнительный продюсер вечерних новостей Эн-Би-Си в адресованной его подчиненным служебной записке, цитируемой в этой статье, писал: «Телекадр является не фактом, а символом... Реальный ребенок и его реальный плач становятся символами всех детей» (**Epstein, Edward Jay**. News from nowhere. New York: Vintage, 1973).

³² См. также: National cancer institute. Cancer prevention awareness survey: technical report. Publication № 84–2677. Bethesda, Md.: National institute of health, 1984. P. iii, 35–44.

³³ Общий анализ временного структурирования в социальной жизни представлен в работе: **Zerubavel, Eviatar**. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

³⁴ Превосходным исследованием процессов отбора, в результате которых формируется повестка дня Сената США, является работа: **Walker, Jack L**. Setting the agenda of the U.S. Senate: a theory of problem selection // British journal of political science. 1977. Vol. 7. P. 423–25.

³⁵ «Нельзя недооценивать важность чиновников и политиков в возникновении общественно значимых вопросов. Легко думать, что общественно значимые вопросы возникают благодаря активистам, привлекающим внимание к той или иной социальной проблеме, и что чиновники участвуют только в деле

сопротивления вопросам или их поддержки, но это заблуждение... Никогда заинтересованность политика в создании общественно значимых вопросов не является столь высокой, как в период выборов. Политик, который хочет быть избранным, должен создавать такие вопросы, в отношении которых он, а не его противник, занимает стратегически выгодную позицию». (**Ross, Robert, Graham L. Staines**. The politics of analyzing social problems // Social problems. 1972. Vol. 20. P. 22–23).

³⁶ **Levi-Strauss, Claude**. The savage mind. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

³⁷ **Fox, Renee C.** The medicalization and demedicalization of American society // Daedalus. 1977. Vol. 106 (№1). P. 21.

³⁸ **Crenson, Matthew A.** The un-politics of air pollution: a study of non-decisionmaking in the cities. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. P. 184.

³⁹ **Miller, S.M.** The political economy of social problems: from the sixties to the seventies // Social problems. 1976. Vol. 24. P. 139.

⁴⁰ **Sigal, Leon V.** Reporters and officials. Lexington, Mass.: Heath, 1973; **Nelkin, Dorothy**. Selling science: how the press covers science and technology. New York: Freeman, 1987.

⁴¹ **Dreier, Peter**. The position of the press in the U.S. power structure // Social problems. 1982. Vol. 29. P. 298–310.

⁴² **Gans**. Deciding what's news.

⁴³ **Schudson**. Discovering the news; **Tuchman**. Making news; **Gitlin**. The whole world is watching.

⁴⁴ **Epstein**. News from nowhere. P. 4.

⁴⁵ Groups seek to halt release of bacteria with altered genes // New York times. 1983. September, 15. P. A17; **Boffey, Philip**. An activist takes on genetic engineering // New York times. 1984. April 11. Sec. 2. P. 10; **Sun, Marjorie**. Rifkin and HIV win in court ruling // Science. 1985. Vol. 227 (March 15). P. 1321.

⁴⁶ Глубокий теоретический анализ функционирования “организаций социальных движений” представлен в работе: **McCarthy and Zald**. Resource mobilization and social movements.

⁴⁷ См., например: **Kotz, Nick**. King Midas of ‘the new right’ // Atlantic. 1978. Vol. 242 (№ 5, November). P. 52–61; см. также: **Sabato, Larry J**. The rise of political consultants. New York: Basic, 1981. P. 220–263.

⁴⁸ См., например: **Fishman, Mark**. Crime waves as ideology // Social problems. 1978. Vol. 25. P. 531–543; **Knoke, David, Edward O.Laumann**. The social organization of national policy domains; **Kingdon**. Agendas, alternatives and public policy; **Laumann et al**. An organizational approach to state policy formation.

⁴⁹ **Nolan, Joseph T.** Political surfing when issues break // Harvard business review. 1985. Vol. 63 (№ 1, January/February). P. 72–81.

⁵⁰ **Walker, Jack L.** The diffusion of knowledge, policy communities and agenda setting: the relationship between knowledge and power // New strategic perspectives on social policy / Ed. by J.E. Tropman, M.J. Dluhy, R.M. Lind. New York: Pergamon, 1981. P. 75–96.

⁵¹ Дж. Маккарти и М. Залд (**McCarthy and Zald**. Resource mobilization and social movements) для обозначения совокупности всех организаций социальных движений, разделяющих сходный набор предпочтений в отношении социального изменения (например, в такой области, как гражданские права), используют термин “индустрия социальных движений”. Наше понятие отдела шире, поскольку кроме движений и контрдвижений охватывает также специализирующихся в данной области журналистов, политических экспертов, профессиональные общества, политиков и государственных чиновников.

⁵² Структура категориальной системы и соответствующих неформальных организаций имеет важное значение для отбора социальных проблем. В ходе известного исследования, посвященного анализу роли прессы на первоначальном этапе конструирования проблемы загрязнения окружающей среды (**Schoenfeld, A. Clay, Robert F. Meier, Robert J. Griffin**. Constructing a social problem: the press and the environment // Social problems. 1979. Vol. 27 (№ 1). P. 38–61), было обнаружено, что в тот период материалы о состоянии окружающей среды не соответствовали устоявшимся категориям новостей. Вследствие этого многим сюжетам недоставало как надлежащего места в формате газеты, так и подходящего репортера.

⁵³ **Gusfield**. The culture of public problems.

⁵⁴ **Nelkin, Dorothy**. Science textbook controversies and the politics of equal time. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1977; **Nelkin, Dorothy**. The creation controversy: science or scripture in the schools. New York: Norton, 1982.

⁵⁵ **Gusfield**. The culture of public problems. P. 10.

⁵⁶ Более глубокое понимание процесса социальных проблем имело бы важное значение для многих областей. Например, Дж. Шорт указывает на значение исследований и теории процессов коллективного определения для области анализа риска (**Short, James F., Jr.** The social fabric at risk: toward the sociological transformation of risk analysis // American sociological review. 1984. Vol. 49. P. 711–725).

⁵⁷ **Bucher, Rue, Anselm Strauss**. Professions in process // American journal of sociology. 1961. Vol. 66. P. 325–334.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ*

**Из главы 1 «Некоторые предпосылки,
касающиеся политики»**

Мы отчетливо осознаем, что наблюдатели и то, что они наблюдают, конструируют друг друга, что политические процессы (developments) – это нечто неопределенное, означающее то, что заинтересованные наблюдатели конструируют в качестве их смысла, и что роли и идентичности самих наблюдателей – это также конструкции, создаваемые, по крайней мере отчасти, их интерпретируемыми наблюдениями...

Вместо того, чтобы считать политические новости описаниями событий, на которые реагируют люди, я рассматриваю политические процессы в качестве конструкций, создаваемых заинтересованной публикой. Будут ли события замеченными и что они будут означать – зависит от ситуаций наблюдателей и языка, с помощью которого отражаются и интерпретируются эти ситуации...

Существует множество реальностей, поскольку люди находятся в различных ситуациях и имеют различные цели...

Действия и интерпретации зависят от социальной ситуации, в которой они начинаются, включая язык, изображающий социальную ситуацию...

* Edelman, Murray. *Constructing the political spectacle*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. P. 2–36 (с сокращениями). Copyright © 1988 by The University of Chicago. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения издательства Чикагского университета (The University of Chicago Press).

Денотации ключевых политических терминов становятся подозрительными, поскольку лидеры не являются авторами каких-либо курсов действий, проблемы – это не обязательно нежелательные условия, которые должны быть исправлены, а враги – это не обязательно те, кто наносит вред или угрожает это сделать. Напротив, использование всех этих терминов в определенных ситуациях – это некие стратегии, умышленные или неосознаваемые, применяемые для подкрепления или подрыва определенных курсов действия или определенных идеологий...

Из главы 2 «Конструирование и использование социальных проблем»

Условия, которые вызывают беспокойство и которые не могут быть с легкостью устранены, являются главными темами политического дискурса. Дети узнают о социальных проблемах в школе, газеты подробно рассказывают об успешных и неудачных попытках справиться с проблемами, академические и правительственные исследования сосредоточиваются на их причинах, природе, масштабе и последствиях. Однако они редко решаются, за исключением решения в том смысле, что они время от времени удаляются из общего дискурса или обсуждаются в иных правовых, социальных или политических терминах так, словно это другие проблемы. Напротив, условия, воспринимавшиеся ранее как неизбежные или непроблематичные, могут в настоящее время рассматриваться как проблемы, а вредные условия могут вообще не определяться в качестве политических вопросов.

Бедность, безработица, дискриминация меньшинств и женщин воспринимаются ныне как проблемы, однако на протяжении большей части человеческой истории они считались частью естественного порядка вещей, тогда как такие вопросы, как ведьмы в сговоре с дьяволом, американские католики как

агенты Папы Римского, американцы японского происхождения как потенциальные вредители, некогда считались проблемами.

Проблемы входят в дискурс, а, следовательно, начинают существовать в качестве “арматуры” идеологий не просто потому, что они имеют место, или потому, что они важны с точки зрения благополучного существования. Они обозначают, кто добродетелен и полезен, а кто опасен или неадекватен, какие действия будут вознаграждены, а за какие последует наказание. Они конституируют людей в качестве субъектов с определенными типами устремлений, представлений о самих себе и страхов и формируют убеждения об относительной значимости событий и объектов. Они имеют решающее значение в определении того, кто обладает властью (*exercise authority*), а кто подчиняется ей. Они конструируют области невосприимчивости (*immunity*) к беспокойству, поскольку такие области не рассматриваются в качестве проблем. Подобно лидерам и противникам они определяют контуры социального мира, но по-разному для разных людей, в свете различных ситуаций, исходя из которых люди реагируют на политический спектакль...

Если социальные проблемы – это конструкции, то очевидно, что условия, которые причиняют страдания людям, не обязательно становятся проблемами. Сегрегированные рестораны, отели, школы и туалеты на юге США существовали в течение столетия с половиной и не были проблемами, как не являются проблемами бесчисленное число других расистских и сексистских практик повсюду. Обеднение и уничтожение значительной части американских индейцев не были проблемой в то время, когда это происходило, и стали таковой только гораздо позже, когда это было уже свершившимся фактом.

П. Бакрач называет такие явления «нерешениями»¹. Иногда они имеют место потому, что влиятельные политические группы могут блокировать рассмотрение практик, приносящих им

выгоду; однако такая форма нерешения обычно не обладает значительной жизнеспособностью...

Поскольку обычно существует консенсус относительно долговременных социальных практик, только небольшая их часть становится проблемами, причем это необязательно наиболее вредные практики... Возможно, наиболее сильным эффектом, возникающим в результате новостей, разговоров и описаний проблем, является формирование невосприимчивости к вниманию и критике, которой они наделяют вредные условия, не входящие в перечень проблем. Результатом этого аспекта конструирования проблем является формирование веры в моральную чувствительность режимов и индивидов при затушевывании ошибок (ляпсусов), которые могут вызвать вопросы об этой чувствительности...

“Политика”, таким образом, – это набор изменчивых, разнообразных и противоречивых ответов на целый спектр политических интересов...

Поскольку социальная проблема – это не верифицируемое объективное условие, а конструкция, способствующая реализации идеологических интересов, ее объяснение непременно является частью процесса конструирования, а не набором фальсифицируемых положений. В конечном счете проблемы создаются таким образом, чтобы общественному вниманию можно было представить определенные причины, а также определенные решения...

Объяснение условия, вызывающего беспокойство, обычно важнее для участников, чем возможность устранения этого условия; последнее – это риторическое обращение к отдаленному будущему, которое вряд ли наступит, тогда как объяснение имеет жизненно важное значение для современного политического маневра...

Люди, облеченные властью, соответственно обладают корыстными (“шкурными”) интересами в отношении определенных проблем и определенного их происхождения...

Определение проблемы обеспечивает власть и статус, приносит выгоду и финансовую поддержку, отказывая в этих преимуществах конкурирующим претендентам. Поэтому неудивительно, что фактически вся политическая коммуникация непосредственно или скрыто конструирует одни проблемы, наделяя их решающим значением, и в то же время игнорирует другие.

Время от времени проблема привлекает такое пристальное внимание, что многие претенденты на власть конкурируют между собой за то, чтобы их идентифицировали с данной проблемой...

В середине 1980-х гг. жестокое обращение с детьми стало определяться (конституироваться) как чрезвычайно важная (urgent) проблема, в результате чего психологи, полицейские чины, учителя, врачи, соседи и т. д. обнаружили, что она может способствовать поддержке их авторитета (власти), а окружные прокуроры предпринимали попытки выстраивания своих политических карьер на основе преследования предполагаемых агрессоров.

Почему одни проблемы становятся “модными” в этом смысле, тогда как другим, одинаково или даже более вредным, никогда это не удастся? Почему, например, бездомность не относится к тому разряду проблем, за возможность идентифицироваться с которыми конкурирует целый ряд политиков, обладающих властью? Представляется правдоподобным, что различие заключается в том, что означают эти проблемы в следующем отношении: чья власть в результате их конструирования растет, а чья оказывается под угрозой? Жестокое обращение с детьми, так же, как употребление наркотиков и советская угроза, предлагает определенные возможности для контроля над поведением и языком значительного числа людей, которые по-

что не обладают властью и могут быть подозреваемыми и на других основаниях. В данном случае сосредоточенность на проблеме подкрепляет устоявшиеся неравенства. Серьезная попытка справиться с бездомностью, напротив, привела бы к пересмотру установленных экономических и социальных институтов и, таким образом, могла бы угрожать существующим властным неравенствам.

Некоторые попытки извлечь выгоду посредством акцентирования проблем, вызывающих беспокойство, циничны, однако большинство безусловно искренни...

Для большинства академических работ характерен тот же взгляд на связь между социальными проблемами и попытками решить их, какой предпочитают отстаивать публичные должностные лица. Согласно этому взгляду, проблемы возникают, ответственные органы ищут наилучший путь для того, чтобы справиться с ними или, как называет это Г. Саймон, они заняты поиском удовлетворительного решения. В данном случае подчеркивается рациональность процесса поиска, даже если она является ограниченной.

Однако поразительная особенность этой связи между политическими проблемами и решениями в повседневной жизни заключается в том, что решения обычно предшествуют проблемам, как хронологически, так и психологически. Лица, выступающие за определенный курс правительственных действий, скорее всего, будут искать проблему, вызывающую широкую обеспокоенность и страх, к которой можно было бы “прикрепить” этот курс с целью получения максимальной поддержки...

Прикрепление решения к проблеме, вызывающей широкую обеспокоенность, облекает дискурс в рациональную форму; такая форма имеет решающее значение в плане получения поддержки со стороны общественности...

Любой анализ формирования политики, относящийся к широко признаваемым проблемам как к “причинам” действия (как это

обычно делает теория рационального выбора), романтизирует основания правительственных действий и, таким образом, не способствует точным прогнозам о том, какая политика найдет организованную и интенсивную поддержку...

Терапия – это помощь людям, находящимся в состоянии фрустрации (*emotionally distressed*), но вместе с тем это также сигнал о пределах толерантности, средство для оказания давления на одних и наделения властью других, для дифференцирования и для обслуживания классового интереса. Система социальных пособий и пособий по безработице очевидно выполняет те же функции. К этой же категории можно отнести проверки, осуществляемые службами безопасности, и внутреннюю разведывательную активность – “решения” проблемы подрывной деятельности...

Всегда есть люди, которые выигрывают или думают, что выигрывают в результате существования широко распространенного убеждения в том, что проблема решена или что имеет место существенное продвижение к ее решению. Когда число таких людей велико или они занимают стратегические позиции, режим испытывает сильное побуждение представлять в качестве решения любое развитие, связанное с данной проблемой лингвистически, логически или в воображении...

Склонность принимать официальные интерпретации публичных действий в отношении вопросов, удаленных от повседневного опыта, является основным источником легитимации...

Вербальный или физический жест, принимающий *форму* реакции на проблему, позволяет заинтересованным группам заниматься выгодным торгом в отношении своих ресурсов: денег, тактических способностей, симпатий общественности, двусторонних или многосторонних соглашений друг с другом. Двусмысленный язык – это одновременно знак и средство такого торгова...

Атаки на условия, вызывающие беспокойство, часто половинчаты, непоследовательны и неэффективны вследствие существования конфликтующих материальных и идеологических интересов. Конструирование проблем иногда порождает более долгосрочный эффект: оно способствует увековечению или усилению условий, определяемых в качестве проблемы. Это результат усилий справиться с условием путем изменения сознания или поведения индивидов при сохранении тех самых институтов, которые формируют сознание и поведение.

Тюремное заключение может способствовать увековечению преступности, обеспечивая контакт заключенных с опытными преступниками, обучающими их техникам совершения преступлений. В конечном счете эта система выпускает заключенных в общество, от которого они находятся в еще большем отчуждении по сравнению с периодом до заключения и в котором они лишены каких-либо ресурсов за исключением тех, что может принести повторное обращение к преступному поведению...

Предложения решать хронические социальные дилеммы путем изменения установок и поведения индивидов являются выражением той же самой структуры власти, что породила само условие...

Возникновение какой-либо проблемы может отвлекать общественное внимание от другой проблемы, возможно, более угрожающей. Такое скрытое маскирование более опасных условий является характерной чертой дискурса в отношении публичных вопросов и часто объясняет готовность значительной части общественности принимать проблему в качестве легитимной даже тогда, когда люди не имеют какого-либо интереса в исправлении данной ситуации. Тот факт, что внимание к бросающейся в глаза проблеме может уменьшать интерес к более опасной ситуации, иногда признается открыто, но чаще всего ощущается подсознательно.

В то время как симпатия к бедным воодушевляет многих людей, поддерживающих программы борьбы с бедностью, некоторые либералы и многие консерваторы, например, находят, что бедность – это приемлемая (palatable) проблема, по крайней мере отчасти, поскольку обеспокоенность этим вопросом способствует отвлечению внимания от проблемы неравенства. Как “новый курс” 1930-х гг., так и “война с бедностью” 1960-х гг. сделали очень много в плане смягчения ситуации с бедностью на некоторое время, но совершенно не сократили неравенство, а возможно, и увеличили его². Программы борьбы с бедностью требуют денежных затрат, тогда как меры по сокращению неравенства угрожают устоявшимся институтам, власти и привилегиям. Сосредоточенность на бедности позволяет людям симпатизировать бедным, отводя в то же время угрозу от основных политических и экономических институтов.

Подобным образом привлекательность акцента на патологиях преступников и полезности наказания заключается отчасти в том, что он отвлекает внимание от следующего: от прослеживания связи преступности с патологическими социальными условиями...

Конкуренция за внимание существует и среди проблем, обсуждаемых публично. Когда одни начинают преобладать в политических новостях и дискуссиях, другие уходят со сцены. Похоже, существует предел в отношении числа вопросов, которые люди замечают и о которых беспокоятся, и этот предел не зависит от серьезности проблем. Энтони Даунс писал о “цикле внимания к проблеме”; спустя какое-то время проблема начинает надоедать общественности, и ей на смену приходит что-то другое даже в том случае, если данная проблема не была решена³. Бунты в афро-американских гетто постоянно находились в заголовках новостей, начиная с бунта в Уоттсе (Лос-Анджелес) в 1964 г., до примерно 1967 г., а затем лишь изредка упоминались, хотя бурные протесты в гетто продолжались по

крайней мере до начала 1970-х гг.⁴ Логика, объясняющая внимание официальных структур, общественности и средств массовой информации к политическим проблемам, зависит не от серьезности последних, а скорее от их привлекательности, определяемой драматичностью. Такого рода привлекательность в свою очередь уязвима перед насыщением внимания и потерей новизны.

Возможно, большинство случаев применения этого принципа обусловлено способностью внешних угроз отвлекать внимание от внутренних условий...

Новости... реконструируют социальные миры, истории и эсхатологии, закладывая основания для беспокойности и для надежды и формируя представления о том, на что следует обратить внимание, а что проигнорировать, кто достоин уважения или является героем, а кто такого уважения не заслуживает... Неудивительно поэтому, что заинтересованные группы стремятся к тому, чтобы определять содержание и форму телевизионных новостей и новостей, сообщаемых печатными СМИ, поскольку сконструировать мир, в котором доминирует определенный набор проблем, означает в то же время обеспечить поддержку определенным курсам действий...

Основная функция некоторых публичных административных органов заключается в распространении (publicizing) нарративов об угрозах, удаленных от повседневного опыта, поскольку такие нарративы оправдывают (rationale) существование и действия разведывательных структур, органов национальной полиции и министерств обороны...

Кризис, подобно всем процессам, связанным с формированием новостей, – это порождение языка; явление кризиса – это политический акт, а не признание какого-либо факта или редкой ситуации...

Многие не обращают никакого или почти никакого внимания на большую часть новостей. Ответ на вопрос о том, каким образом это сказывается на их положении (вредит ему или улучшает), зависит от того, что мы полагаем под новостями. С традиционной или общепринятой точки зрения, новости наделяют людей информацией, позволяющей им действовать в их собственных интересах. Согласно же взгляду, разделяемому исследователями дискурса и политического языка, новости конструируют социальную реальность, на которую реагируют люди, а также способствуют конструированию субъективности акторов и зрителей; таким образом, они поддерживают установленные структуры власти и ценностные иерархии. Второй взгляд, следовательно, предполагает, что поглощенность новостями – это в большей степени форма подчинения, нежели средство обретения автономии. Люди не беспомощны перед влиянием ньюсмейкеров и средств массовой коммуникации, однако необходимо находиться в постоянном напряжении для того, чтобы поддерживать свои независимость и автономию...

Новости способствуют принятию людьми той жизни, которой они живут, создавая другой мир символов и фетишей. Политический спектакль поощряет людей поддерживать хорошие дела и хороших лидеров и противостоять врагам, жертвовать собой ради общего блага и уступать неизбежному. Таким образом, он способствует принятию устойчивых социальных структур и неравенств, формирующих переживаемый ими опыт.

И здесь мы касаемся главного следствия конструирования публичных проблем. Оно затемняет беспокойства повседневного существования и личного благополучия и высвечивает конструкции, формируемые сообщениями о политическом спектакле. Эти конструкции часто меняются. Они указывают на небольшие шансы на успех в случае попытки изменить социальные условия и на неуместность личной чувствительности. Хотя этот спектакль разворачивается в отдаленном мире, он

ослабляет сопротивляемость непосредственным условиям и обеспечивает рациональные основания для принятия мира таким, какой он есть...

Конструирование социальных проблем... часто является способом предотвращения систематического внимания к истории, а также к социальным структурам...

Примечания

¹ См.: **Bachrach, Peter**. The theory of democratic elitism. Boston: Little Brown, 1967; **Bachrach, Peter, Morton Baratz**. Power and poverty. New York: Oxford University Press, 1970.

² См.: **Plotnick, Robert D., F. Skidmore**. Progress against poverty. New York: Academic Press, 1975. P. 104–105, 169–179.

³ **Downs, Anthony**. Up and down with ecology: the issue-attention cycle // The public interest. 1972. № 28 (Summer). P. 38–50.

⁴ См.: **Lipski, Michael, David J. Olson**. Commission politics: the processing of racial crisis in America. New Brunswick: Transaction Books, 1977. P. 446–447.

ВОЛНЫ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ИДЕОЛОГИЯ*

Когда мы говорим о волнах преступности, мы имеем в виду своего рода социальное осознание преступности, преступность, доведенную до общественного сознания. Это то, о чем говорят в гастронOME на углу, на что жалуются на собрании членов той или иной общины и о чем предупреждают на пресс-конференции мэра. Волна преступности не может “напасть сзади”, схватив за горло, но она может испугать. И этот страх может послужить основой для выведения на улицы дополнительных полицейских сил и принятия новых законов. Волны преступности могут быть “состояниями ума” (“things of the mind”), но иметь при этом реальные последствия.

Волны преступности являются “главными кандидатами” на идеологию. Представленное исследование посвящено анализу конкретной волны преступности, имевшей место в Нью-Йорке в конце 1976 г. Эта ситуация как иллюстрирует, так и наполняет содержанием мое положение о том, что волны преступности, периодически возникающие в прессе, представляют собой создаваемые средствами массовой информации конструкции и вносят свой вклад в идеологическую концепцию преступности в Америке¹.

Я использую термин “идеология” в том смысле, в каком его использует Дороти Смит². Всякое знание – это знание с некоторой точки зрения, возникающее в результате использования тех или иных процедур для познания части мира. Идеологические описания являются результатом «процедур, которые люди

* Fishman, Mark. *Crime waves as ideology* // *Social problems*. 1978. Vol. 25. P. 531–543. Copyright © 1978 by The University of California Press. All rights reserved. Перевод и перепечатка с разрешения Марка Фишмана и издательства Калифорнийского университета (The University of California Press).

используют в качестве средств *не знать* (курсив мой. – М.Ф.)»³. Устоявшаяся практика сбора и редактирования новостей включает в себя именно такие “процедуры не знать”. Информационный бизнес встроен в определенную конфигурацию институтов. Среди последних – сообщество информационных организаций, у которых журналисты заимствуют представления о том, “каковы новости в настоящий момент”, и правительственные органы, от которых журналисты зависят с точки зрения доступа к тем или иным материалам. Взаимодействуя между собой и опираясь на официальные источники, информационные организации полагаются на преобладающие представления о “серьезной преступности” и в то же время воспроизводят их.

Преступления против пожилых людей

В конце 1976 г. Нью-Йорк пережил большую волну преступности. Три ежедневные городские газеты и пять местных телевизионных компаний сообщали о волне насилия против пожилых людей. Эта волна преступности продолжалась примерно семь недель и, в конечном счете, стала освещаться национальным телевидением и газетами.

Одним из следствий этого всплеска было публичное определение нового типа преступности⁴. “Преступления против пожилых” стали типичным преступлением с типичными жертвами, преступниками и деталями. Грабители, убийцы и насильники пожилых, о которых сообщалось, обычно относились к черной или латиноамериканской молодежи с длинными “послужными списками” (with long juvenile records). Они были жителями гетто, соседствующих с анклавами пожилых белых, которые по разным причинам (обычно бедности) не смогли выбраться из внутреннего города. Используя этот сценарий, журналисты на протяжении ноября и декабря 1976 г. сообщали об одном случае зверства за другим.

Общественный протест по поводу этих преступлений последовал незамедлительно. Мэр Нью-Йорка, который готовился к перевыборам, подверг критике систему правосудия в отношении несовершеннолетних и работу судов по уголовным делам. Полиция Нью-Йорка обеспечила свое подразделение по борьбе с грабежами пожилого населения кадрами для расширения сыскных операций. Съёмочные группы местных телевизионных компаний делали сюжеты о том, как переодетые и изображавшие пожилых людей офицеры этого подразделения арестовывали грабителей. Местные полицейские участки проводили собрания пожилых жителей, на которых объяснялось, как защитить себя. Законодатели штата Нью-Йорк представили к рассмотрению законопроект, предлагавший обеспечить доступ судей в ходе судебного разбирательства к данным о предыдущих правонарушениях подростков, лишать лиц в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет статуса несовершеннолетних в случае, если потерпевшим в результате их действий стал пожилой человек, и ввести обязательное тюремное заключение для лиц, совершивших насилие в отношении пожилых. Эти предложения были приняты как Законодательным собранием, так и Сенатом штата, но, в конечном счете, были отклонены губернатором штата, использовавшим право вето. Последнее произошло 19 августа 1977 г. – спустя девять месяцев после завершения этой волны преступности.

В мае 1977 г. опрос, проведенный службой Гарриса, показал, что данная волна преступности повлияла на чувство страха людей перед преступностью, причем этот эффект имел общенациональный характер. Кроме того, она сказалась и на используемых данной службой категориях преступности; вопросы, задаваемые при проведении этого обследования, включали в себя новую категорию преступности, преступления против пожилых, которая не использовалась в рамках предыдущих опросов. По данным службы Гарриса, 60% респондентов считали, что нападения на пожилых людей в районах проживания

опрашиваемых участились, а 50% респондентов в возрасте пятидесяти и более лет заявили о том, что испытывают большее беспокойство, находясь на улице, чем год назад⁵.

Сомнительно, что волна преступности или какой-либо небывалый рост насилия против пожилых существовали в реальности. Никто этого на самом деле не знает, и меньше всего знают об этом журналисты, сообщавшие о волне преступности. Статистические данные полиции Нью-Йорка не свидетельствуют о волне преступности⁶. В действительности, как показывают эти данные, в случае с одним из видов преступлений против пожилых – убийствами – наблюдалось *снижение* уровня преступности на 19% по сравнению с предыдущим годом. Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку средства массовой информации начинали свои сообщения с освещения ряда леденящих душу убийств. 28% сообщений трех информационных организаций, которые мы обследовали, были сообщениями об убийствах. Между тем, по данным полиции, убийства составили менее 1% всех преступлений, совершенных против пожилых людей в 1976 г.

В случае с другими типами преступлений, жертвами которых были пожилые, полицейская статистика действительно показывает рост по сравнению с предыдущим годом. Однако в 1976 г. уровень криминальной виктимизации вырос для всех возрастных категорий. В одних случаях рост числа жертв среди пожилого населения был более значительным, в других – менее. Число грабежей в отношении населения в целом возросло на 10%, а в отношении пожилых людей – на 19%. Число крупных краж в отношении населения в целом возросло на 29%, а в отношении пожилых – на 25%. Короче говоря, статистика правоохранительных органов свидетельствует только о продолжительном росте уровня виктимизации для пожилых (как и для населения в целом), а не о том, что старые люди как никогда раньше стали выделяться в этом отношении из остальных категорий. Кроме того, динамика уровня убийств противоречит

рисуемой средствами массовой информации картине волны преступности.

Представляемая работа не является, тем не менее, исследованием несоответствия между статистикой правоохранительных органов и криминальными новостями. Предшествующие исследования криминальных новостей и волн преступности⁷ и биографические описания⁸ делают очевидной всю иронию таких волн: несмотря на обеспокоенность общественности и реакцию политиков, вызванные сообщениями СМИ о драматическом росте преступности, такие “волны” не имеют основания с точки зрения статистики правоохранительных органов. Данное исследование идет дальше социологической иронии и нацелено на то, чтобы выяснить, *как и почему информационные организации конструируют волны преступности*. Волны преступности понимаются здесь как волны в освещении той или иной криминальной темы. Волны преступности как *медиа-волны* могут быть связаны или не связаны с тем, что происходит “на улицах” или в статистике правоохранительных органов. Изучение волн преступности означает изучение процессов, происходящих в средствах массовой информации.

Метод

В ходе этого исследования собирались данные двух видов. Во-первых, я и двое моих студентов с ноября 1976 г. до апреля 1977 г. проводили включенное наблюдение в одной из местных телевизионных компаний Нью-Йорка, назовем ее *ВОЛНА* (псевдоним). Один из студентов имел полную ставку журналиста *ВОЛНЫ*, работая в качестве репортера, продюсера программы, ответственного редактора, распределяющего задания репортерам и съемочным группам (assignment editor). Мы сосредоточивались на том, как ответственный редактор составляет ежедневную программу новостей, решая, какие события заслуживают освещения, и поручая репортерам и съемочным

группам подготовку сюжетов об этих событиях. Кроме того, мы провели ряд интервью с журналистами *ВОЛНЫ* и *Нью-Йорк дейли ньюс*.

Во-вторых, мы сделали запись всех новостей, связанных с преступлениями против пожилых, представленных с сентября 1976 г. по февраль 1977 г. двумя газетами, *Нью-Йорк дейли ньюс* и *Нью-Йорк пост*, и ежевечерней часовой программой новостей телекомпании *ВОЛНА*. Это позволило нам установить существование волны преступности в Нью-Йорке, определить, когда она началась и закончилась и как преступления против пожилых людей освещались до, в течение и по окончании периода волны преступности.

Волна преступности: взгляд извне

В течение шестимесячного периода наблюдения *Нью-Йорк дейли ньюс*, *Нью-Йорк пост* и *ВОЛНА* 89 раз обращались к преступлениям против пожилых. 56 газетных материалов и телевизионных сюжетов (63%) были представлены в период волны преступности. В приложении показана понедельная частота таких новостей для всех трех информационных организаций. Этот график ясно указывает на волну сообщений средств массовой информации, которая началась в последнюю неделю октября, а завершилась второй неделей декабря. Мы видим резкий рост освещения в первые две недели этого периода и медленный, неравномерный спад в остальные пять недель.

Изучение конкретных образцов освещения, свойственных трем информационным организациям, показывает, что до начала волны преступности каждая из них представляла примерно по одному материалу или сюжету в неделю о преступлениях против пожилых. По ее окончании освещение было спорадическим и вместе с тем более интенсивным, чем в период, предшествовавший волне, указывая на то, что средства массо-

вой информации, как представляется, стали более чувствительными к этой теме.

Анализ волн преступности в *Дейли ньюс*, *Пост* и *ВОЛНЕ* в отдельности свидетельствует о том, что отмеченный рост в освещении не одинаков для этих трех информационных организаций. Стремительный рост освещения преступлений против пожилых в *Дейли ньюс* пришелся на третью неделю октября; *ВОЛНА* и *Пост* не увеличивали своего освещения до четвертой недели октября. Кроме того, оба “опоздавших” начали повышать уровень освещения преступлений против пожилых на четвертой неделе *одновременно*. До этого между сообщениями *Нью-Йорк пост* и телекомпании *ВОЛНА* трудно было провести какую-либо параллель. Синхронность в их действиях появилась только после начала волны преступности в *Дейли ньюс*. Эта тенденция говорит о том, что информационные организации одновременно отреагировали на изображение волны насилия против пожилых в *Дейли ньюс*.

Кривые трех волн преступности отличаются друг от друга. Телекомпания *ВОЛНА* выделяется резким ростом уровня освещения – единственным пиком волны преступности, – а затем столь же крутым спадом (17 дней роста и 16 дней спада). Кривые *Дейли ньюс* и *Пост*, напротив, имеют бимодальный характер. В освещении *Дейли ньюс* заметен быстрый начальный рост (10 дней), после чего уровень освещения медленно снижался, а затем вновь стал расти, достиг своего второго пика (не столь высокого, как первый), вслед за которым последовал окончательный спад.

Неравномерность волны *Дейли ньюс* отразилась в кривой освещения *Нью-Йорк пост*. Участие последней в волне преступности было менее активным по сравнению с *Ньюс* или *ВОЛНОЙ*. Мы можем сказать даже, что частота появления в *Нью-Йорк пост* материалов о преступлениях против пожилых не дает оснований для утверждений о волне преступности, за исключением периода наиболее интенсивного освещения, сов-

павшего с периодом волны преступности в других организациях. Более того, образцы освещения *Пост* преступлений против пожилых до начала волны преступности и после ее окончания очень схожи с образцами, свойственными двум другим информационным организациям, а в период самой волны преступности освещение *Пост* соответствовало бимодальной волне *Дейли ньюс*. Таким образом, представляется, что волна *Пост* была слабым отражением кривой *Дейли ньюс*.

Чем объясняется бимодальность этих образцов? Возможно, причина того, что *Дейли ньюс* и *Пост* снизили уровень освещения после первых пиков, заключается в важных информационных событиях, происходивших в это время: президентских выборах 1976 г., которые состоялись 2 ноября. Выборы, как представляется, вытеснили преступления против пожилых со страниц газет, но не из информационных программ местного телевидения, поскольку такие телекомпании, как *ВОЛНА*, и не пытались конкурировать с освещением президентской гонки крупнейшими телевизионными компаниями. Таким образом, в период информационного “затишья”, наступившего после выборов, *Дейли ньюс* и *Пост*, казалось, “вновь открыли” волну преступности, которая все еще присутствовала в новостях местного телевидения.

Иными словами, похоже, что второй пик освещения *Дейли ньюс* и *Нью-Йорк пост* был реакцией на продолжающуюся волну преступности в телевизионных средствах массовой информации (предполагается, что другие телекомпании действовали подобно *ВОЛНЕ*). Так же как первое появление волны преступности в *Дейли ньюс*, по нашему представлению, послужило толчком для усиления освещения *Нью-Йорк пост* и *ВОЛНОЙ*, продолжающееся освещение волны преступности по телевидению, вероятно, “вновь пробудило” интерес к этой теме у *Дейли ньюс* и *Пост*. Таким образом, поведение каждой информационной организации в период волны преступности, по-видимому, представляло собой реакцию на поведение других средств массовой информации.

Тематизация преступности: взгляд изнутри

Почему отдельные преступления начинают считаться волной преступности? Ответ может быть найден в методах организации новостей. Работники информационных программ и отделов новостей (news workers) создают волны преступности, видя в новостях те или иные “темы”. Волны преступности – это не более чем продолжительное и интенсивное освещение многочисленных происшествий, которые представляются журналистами как одна тема (например, как “преступления против пожилых людей”).

Темы новостей весьма разнообразны: «что сегодня делал Джимми Картер», «забастовка водителей такси», «Вьетнам», «разрушение американской семьи», «трудовые конфликты». Тема новостей – это объединяющее понятие. Она представляет отдельные информационные события или ряд таких событий как относящиеся к некоторой более широкой категории. Например, ограбление восьмидесятидвухлетней женщины из Бронкса может быть представлено как “самый последний случай из продолжающегося ряда преступлений против пожилых”. Тема новостей дает журналистам возможность освещать какой-либо инцидент как *пример* чего-либо.

Группа исследователей массовой коммуникации университета Глазго⁹ приводит интересный пример тематизированных информационных событий, представленных одной из британских телепрограмм:

Эта неделя имела свою долю беспорядков. Волнения в Глазго, в которых приняли участие бастующие мусорщики и диспетчеры станций скорой помощи, сокращенный рабочий день (short time) в автомобильной промышленности, отсутствие сегодня Санди миррор или Санди пипл и значительное общее беспокойство на Флит-стрит, а также продолжающийся шум по поводу тюремного заключения участников пикета строителей.

Как указывают авторы, в рамках одной темы “беспорядков” сообщается о совершенно несопоставимых инцидентах. Предполагается, что эти события считаются членами аудитории событиями одного плана, примерами единой темы.

Темы наделяют программы новостей и газеты порядком представления или презентационным порядком. Сообщения представляются в виде ряда, выстраиваемого вокруг какой-либо темы. Одни темы связаны с другими, что делает возможным последовательное расположение этих блоков. Например, первые десять минут одной из часовых информационных программ телекомпании *ВОЛНА* периода волны преступности против пожилых были построены вокруг следующих взаимосвязанных тем:

1. Полиция задержала трех подростков, предположительно участвовавших в ограблении пожилой пары в районе Q.

2. Полиция и представители пожилого населения на встрече в Q обсуждают способы борьбы с преступностью против пожилых.

3. Репортаж о действиях подразделения по борьбе с грабежами пожилого населения.

4. Полиция изъяла огнестрельное оружие и наркотики, предназначенные для воюющих группировок в Бронксе.

5. Арестованы два члена подростковой шайки, которые ограбили одного из жителей, угрожая ему ножом.

6. Курсант R.O.T.C. обвинен в убийстве другого курсанта.

7. Аудиторская проверка на уровне штата обнаружила, что городская полиция Нью-Йорка использовала не по назначению 9,1 миллиона долларов из федерального бюджета.

8. Представители городских властей и профсоюза служащих полиции все еще работают над новым договором, между тем стало известно, что некоторые уволенные пожарные и работники транспортной полиции будут вновь приняты на работу.

Во-первых, существуют небольшие информационные блоки, каждый из которых содержит тему, общую для всех сообщений в данном блоке (первые три сообщения посвящены “преступлениям против пожилых”, а следующие три – “преступлениям

подростков”). Во-вторых, одни блоки сообщений располагаются рядом с другими, поскольку различные темы этих блоков обладают некоторыми общими чертами (может считаться, что как блок преступлений против пожилых, так и блок преступлений, совершенных подростками, посвящены несовершеннолетним преступникам и действиям полиции, предпринимаемым в отношении такого рода правонарушителей).

Журналисты не создают темы только ради того, чтобы обеспечить видимость порядка перед аудиторией. Информационные темы очень полезны и в самой работе по сбору и представлению новостей. Темы, в частности, нужны редакторам, отбирающим и выстраивающим новости дня¹⁰. Каждый день редакторы имеют дело с огромным количеством “сырого материала” (сообщения телеграфных агентств, пресс-релизы, полицейские сводки), из которого они должны выстроить относительно небольшое число информационных сюжетов. Эта задача решается в процессе отбора, по-разному протекающего в телевизионных и газетных отделах новостей. Однако сущность этого процесса заключается в одном и том же: в выявлении и распределении отдельных новостей в соответствии с возможными темами.

Шансы какого-либо события или инцидента получить освещение повышаются в том случае, если они связаны с одной из текущих информационных тем. О криминальных происшествиях сообщается редко, за исключением той ситуации, когда журналисты считают, что они имеют отношение к существующей или возникающей тенденции в преступности или правоохранительной сфере. Приведенное выше краткое описание того, как ответственный редактор телекомпании *ВОЛНА* составил первую часть выпуска новостей, служит иллюстрацией именно такой ситуации. Ответственный редактор решил, что будет главными новостями дня, когда заметил, что несколько до этого никак не связанных друг с другом материалов являются частями одной и той же текущей, заслуживающей освещения темы: “преступления против пожилых”. Само “открытие” темы не

было случайным совпадением – эта информационная программа вышла в эфир в один из дней в середине периода волны преступности.

В начале рабочего дня ответственный редактор еще не знал об этих криминальных новостях и, в частности, что преступления против пожилых займут ведущее место в вечерней программе новостей. Приступив к работе в 8.45, он уже представлял себе два материала, которые должны были, по всей вероятности, получить место в эфире¹¹. Одним из них был репортаж о действиях подразделения по борьбе с грабежами пожилого населения. Данный материал, который в, конечном счете, стал третьим сюжетом вечерних новостей, был записан днем раньше; он относился к серии репортажей об этом подразделении, представляемой данной телекомпанией в течение нескольких последних недель. Вторым материалом был сюжет о послеобеденной “продовольственной ярмарке” в Манхэттене. Редактор планировал послать туда репортера и съемочную группу и вместе с тем хотел подыскать для информационной программы этого дня, как он выразился, «материалы получше».

Спустя десять минут после появления в отделе новостей редактор начал просматривать сообщения информационных источников в поисках каких-либо важных материалов. Он “рылся” в огромном количестве новостей информационных агентств, поступивших за ночь; изучал полицейскую сводку о происшедших ночью и утром криминальных инцидентах (числом около десяти или двенадцати), полученную по телетайпу, который назывался “полицейским”. В поиске идей относительно содержания новостей он полагался также на другие средства массовой информации: читал *Дейли ньюс* и *Нью-Йорк таймс* и слушал сообщения радиостанции, работающей в формате информационной передачи (all-news radio station).

В *Дейли ньюс* редактор обнаружил небольшую заметку об уволенных, а в данный момент вновь принимаемых на работу пожарных и работниках транспортной полиции. Он подумал, что это будет хорошим материалом, поскольку «указывает на

то, что, возможно, что-то меняется в этом городе». Этот случай показался заслуживающим освещения в тот момент, когда редактор смог разглядеть в нем элементы текущей информационной темы (“финансовый кризис в Нью-Йорке”).

Тем не менее, ответственный редактор был в отчаянии из-за того, что у него не было “настоящих новостей” и что день был “скучным с точки зрения новостей” (“a slow news day”). Однако около 10 утра произошло следующее. Просматривая полицейскую сводку, редактор нашел сообщение о том, что в 113-м округе в районе Q была ограблена пожилая пара и что один из правонарушителей ранен полицией. Когда он вырезал это сообщение, он услышал по радио, что в 112-м округе, совсем рядом с тем местом, где произошло ограбление, проводится встреча полиции с пожилыми людьми с целью предупреждения преступлений против этой категории населения. Теперь редактор знал, что будет главными новостями дня, а также знал, что он должен предпринять для того, чтобы выстроить эти новости в информационную программу:

1. Он должен послать репортера в 113-й округ для того, чтобы тот нашел и снял все, что “подвернется”, о происшедшем ограблении (интервью с полицейскими служащими, может быть, с некоторыми свидетелями или самими жертвами; и, если повезет, кого-либо из подозреваемых, задержанных полицией).

2. После этого репортер может перебраться в соседний 112-й округ, чтобы снять встречу полиции с пожилыми людьми.

3. После этих двух сюжетов будет показан предварительно записанный репортаж о подразделении по борьбе с грабежами пожилого населения.

4. Материал о вновь принимаемых на работу пожарных и работниках транспортной полиции, как и другие связанные с темой преступности краткие сообщения, которые могут поступить по телетайпу в оставшуюся часть дня, будут представлены в некотором, пока окончательно не определенном порядке после

упомянутых выше трех основных новостей. Сюжет о “продовольственной ярмарке” будет показан ближе к концу программы.

Каждый из этих материалов, если рассматривать их в отдельности, возможно, не заслуживал бы внимания. Но рассматриваемые вместе, они казались относящимися к общей теме и заслуживающими включения в программу новостей. “Открытие” редактором темы преступности против пожилых привело к объединению сообщений этого дня. Теперь редактор знал, что он поручит репортеру и съемочной группе; и довольно хорошо представлял себе, какими будут новости дня.

Отбор новостей на основе информационных тем является одним из компонентов идеологического производства криминальных новостей. Это как раз одна из “процедур, используемых с тем, чтобы не знать”. Эта процедура требует, чтобы инцидент был вырван из реального контекста его происхождения таким образом, чтобы его можно было поместить в новый, символический контекст: тему новостей. Поскольку свойство заслуживать освещение определяется темами, внимание, уделяемое событию, может быть несоразмерным его значению, актуальности или своевременности, определяемым с точки зрения какой-либо теории общества. Вместо такого теоретического понимания явлений, о которых они сообщают, журналисты рассматривают эти инциденты только как *примеры тем* – тем, которые создаются в рамках процесса производства новостей. Таким образом, те или иные действия становятся “серьезным типом преступности” в результате того, что происходит в отделах новостей.

От криминальных тем к волнам преступности

Криминальные темы – это потенциальные волны преступности. Информационная организация не может создать волну преступности, не сотрудничая с другими СМИ, сообщающими новости на ту же самую криминальную тему. Волны преступно-

сти возникают лишь в результате взаимодействия между информационными организациями.

Свободно распространяющиеся, пересекающиеся мнения журналистов о том, “каковы новости”. Представления журналистов о том, “каковы сегодня новости”, зависят от других информационных организаций. Например, ответственный редактор *ВОЛНЫ* начинает свой день с чтения утренних газет, *Дейли ньюс* и *Нью-Йорк таймс*, и прослушивания новостей по радио. Позднее он читает *Нью-Йорк пост* и смотрит информационные программы других телекомпаний. Этот человек сказал мне как-то, что он не прочь «использовать все, что угодно, любой источник новостей». «Я не гордый. Я украду любую новость».

На самом деле новости не крадутся целиком; другие средства массовой информации скорее являются важным источником идей с точки зрения распределения заданий по сбору материала. Дневные и вечерние телевизионные выпуски новостей редко используются с этой целью, поскольку к моменту их выхода в эфир редактор уже определяет содержание большей части своей информационной программы. Новости других телекомпаний главным образом подтверждают верность решений ответственного редактора, поскольку запланированное им содержание информационной программы, выходящей в 10 часов вечера, за небольшим исключением, идентично тому, что передают его конкуренты. Представляется, что последние делают то же самое, что и он: читают *Таймс* и *Дейли ньюс*, слушают радио, работающее в формате информационной передачи, и черпают материал из тех же самых источников информации (сообщения телеграфных агентств, полицейские сводки, пресс-релизы)¹².

Мнения о том, каковы новости, постоянно пересекаются во времени и пространстве. Редакторы дневных и вечерних программ и выпусков ищут и ориентируются на новости утренних СМИ. Представления о новостях редакторов утренних передач и выпусков определяются сообщениями СМИ в дневное и ве-

чернее время. Поскольку эти информационные организации могут работать в различных регионах и городах, мнения о том, каковы новости, не ограничиваются какой-либо территорией. Телеграфные информационные агентства и несколько газет национального масштаба, такие, как *Нью-Йорк таймс* и *Вашингтон пост*, обеспечивают распространение этих мнений по всему пространству Соединенных Штатов.

Кроме того, это пересечение обеспечивает преемственность мнений о том, каковы новости. Какие-либо происшествия или темы, представленные утром, будут освещаться и вечером, возможно, с включением последних инцидентов, большего числа деталей, нового поворота в развитии событий или “местной точки зрения” на происходящее. Этот процесс может повториться на следующий день, воспроизводя теперь уже вечерние темы.

Динамика волны преступности. Когда журналисты замечают друг у друга внимание к одной и той же криминальной теме, она закрепляется в сообществе информационных организаций. Репортеры и редакторы отныне будут знать, что «этот вид преступности является новостями». Используя термин Г. Сакса¹³, можно утверждать, что журналисты установили “правило соответствия” (“consistency rule”): *каждый криминальный инцидент, который может рассматриваться как пример какой-либо темы, будет рассматриваться и освещаться именно так.* Это правило определяет, заслуживает ли освещения какое-либо преступление. Репортеры и редакторы будут знать, например, что определенное происшествие является “еще одним преступлением против пожилых”, а не просто каким-то инцидентом, который может быть охарактеризован тем или иным образом.

Каждое применение правила соответствия подтверждает и упрочивает его действенность. Любое использование этого принципа побуждает читателей или зрителей, включая других журналистов, использовать его и в дальнейшем. Для того, чтобы увидеть в криминальном инциденте пример данной темы, читатели или зрители должны использовать то же самое пра-

вило соответствия, которое применялось в ходе производства этой новости.

Журналисты, которые еще не различают определенную криминальную тему, приобретают способность видеть ее, просто наблюдая за конкуренцией в своей области. Они смогут вскоре освещать, используя правило соответствия, ту самую криминальную тему, которую они научились различать в процессе конкуренции. В тот момент, когда тема начинает распространяться среди все возрастающего числа информационных организаций, «реальность» этой темы уже не вызывает сомнений у тех организаций, которые первыми стали освещать ее. Теперь они видят, что и другие используют тему. Кроме того, информационные организации, которые уже используют ее, без колебаний будут сообщать о новых примерах, так как последние подтверждают верность предшествовавшего мнения, что «это действительно тот тип преступности, который имеет место в настоящем». Таким образом, каждое обращение к этой теме подкрепляет и оправдывает предшествующие случаи ее использования.

Если этот процесс продолжается в течение довольно длительного периода времени, он приобретает черты, свойственные динамике волны преступности. Все волны преступности начинаются как простые темы, которые разрастаются в ходе такой динамики. Криминальные темы в сообщениях СМИ появляются постоянно, но лишь очень немногие из них достигают размеров полномасштабных волн преступности. В конце концов, для того, чтобы в новостях появилась новая тема, достаточно всего лишь одного редактора с некоторым уровнем воображения. Почему же только небольшое число криминальных тем живут дольше нескольких дней освещения одной или двумя информационными организациями?

Очевидно, для того, чтобы тема превратилась в волну, необходимо нечто большее, чем динамика волны преступности: *необходим непрерывный поток криминальных происшествий, которые могут считаться примерами этой темы.* Журнали-

сты могут быть готовы к тому, чтобы сообщать о волне криминальных инцидентов, но такого рода освещение требует также, чтобы они владели информацией о достаточном числе этих случаев. (В период моего исследования журналисты Нью-Йорка были расстроены срывом своих планов относительно освещения ожидавшейся “войны мафии”. Этой теме никогда не удавалось продержаться долго из-за отсутствия достаточного числа инцидентов. Таким образом, “война мафии” была скудной криминальной темой, лишенной достаточного числа инцидентов, необходимых для того, чтобы она стала той волной преступности, какой могла бы стать). Поток инцидентов имеет решающее значение для роста волн преступности. Каковы же источники криминальных новостей, которыми пользуются журналисты?

Таким источником могли бы быть виновники преступлений, но журналисты редко узнают о преступлениях непосредственно от преступников. Основным источником являются правоохранные органы¹⁴. В отделе новостей *ВОЛНЫ* журналисты впервые узнают о криминальных инцидентах из трех источников¹⁵: “полицейского телетайпа”, полицейского радио и других информационных организаций (сообщений телеграфных агентств, радиостанции, работающей в формате информационной передачи, *Дейли ньюс*). Первые два напрямую связаны с городской полицией. Криминальные новости – это на самом деле полицейские новости. Таким образом, *поток криминальных инцидентов, получаемый средствами массовой информации, является функцией собственных правоохранительным органам практик сообщения о преступлениях*. Это доверие к органам правопорядка составляет еще один компонент идеологического производства криминальных новостей. Журналисты не знают того, что, как правило, не становится известным полиции или не сообщается им. На самом деле журналисты знают о преступности то, что содержится в формулировках, приготовленных для них правоохранительными органами.

Ресурсы потенциальных волн преступности

Полиция каждый день снабжает информационные организации определенным ассортиментом криминальных происшествий. В небольших городках и городах этот ассортимент часто включает в себя все преступления, ставшие известными полиции в течение двадцати четырех часов. Но в крупных городах полиции становится известным слишком большое число преступлений, и какой-либо репортер не может знать все, что произошло. Вследствие этого журналисты, работающие в таких городах, зависят от полиции, “резюмирующей” эти инциденты.

В Нью-Йорке такое ежедневное “резюме” называется “полицейским телетайпом”. Все крупные информационные организации в городе имеют телетайп, получающий криминальные сообщения из отдела общественной информации нью-йоркской полиции. За день “полицейский телетайп” передает в среднем от 12 до 25 сообщений. Сообщения о преступлениях, поступающие с этого телетайпа, и составляют “ресурс волны преступности”: совокупность криминальных происшествий, известных СМИ и потенциально составляющих предмет тех или иных криминальных тем. Криминальные темы, непрерывно пополняемые примерами по “полицейскому телетайпу”, могут стать волнами преступности.

Несмотря на то, что журналисты могут выдумывать криминальные темы (я подозреваю, что полиция подсказывает и поощряет многие из них), волна преступности требует достаточного числа сообщений об инцидентах, поступающих из полицейских источников. Полиция обладает властью как способствовать, так и налагать вето на волны преступности. Совокупность сообщений о криминальных инцидентах, которую полиция предоставляет информационным организациям, может систематически препятствовать превращению некоторых тем в волны преступности (запретительная власть). Вместе с тем та же самая совокупность может содержать достаточное число сообщений определенного типа, позволяющих превратиться в

волны преступности только ограниченному ряду криминальных тем (разрешающая власть).

В течение трех декад, с середины февраля по конец марта 1977 г., наша исследовательская группа собирала копии всех криминальных сообщений, поступавших по полицейскому телетайпу. В течение тридцати дней было получено 468 отдельных сообщений (в среднем, 15,6 в день). Из этого числа мы исключили 97 (21%) сообщений, которые, по мнению полиции и журналистов, не были связаны с преступлениями (это были, главным образом, сообщения о дорожно-транспортных происшествиях и не вызывающих подозрения пожарах).

Остальные (371 сообщение) свидетельствуют о том, что полицейский телетайп держит журналистов на постоянной и строгой диете “уличных преступлений”. Две трети (246, или 66,3%) этих криминальных сообщений посвящены: а) кражам и грабёжам (85 сообщений, или 23% всех криминальных сообщений), б) не уточняемых далее стрельбе и поножовщине (stabbing) (156 сообщений, или 42%) и в) небольшому числу других нападений (5 сообщений, или 1% – главным образом, об изнасилованиях).

Оставшаяся треть сообщений полицейского телетайпа касается множества разнообразных инцидентов: тринадцати случаев использования взрывных устройств (bombings); девяти отстраненных или арестованных полицейских; шести демонстраций, требующих от полиции тех или иных действий; пяти ситуаций с заложниками; четырех рейдов по игорным притонам, местам распространения порнографии и наркотиков; трех человек, погибших под колесами поездов метро; одного поджога и одного водителя, сбившего пешехода и скрывшегося. Кроме того, эта треть включала в себя сообщения о происшествиях, которые полиция, как мне кажется, находила “странными” и, следовательно, представляющими интерес для СМИ (например, сообщения об угнанном автобусе, краже большого количества яда, человеку, угрожающем самосожжением, несчастном случае, когда человека раздавило лифтом, и обнаружении головы без тела).

Первое, что стоит отметить относительно информации, поступающей по полицейскому телетайпу, – она *не* содержит сообщений о случаях фиксирования цен, обмана потребителей, предложении недоброкачественной пищи или жилья ниже качества, установленного стандартом, загрязнении окружающей среды, политических взяточничестве и коррупции и т. д. Ни один из таких инцидентов не попадает в тот ресурс криминальных событий, из которого возникают волны преступности. Между тем такого рода случаи могут быть достаточно частыми и, следовательно, могли бы вызвать волну преступности, если бы СМИ имели постоянный доступ к информации о них.

Одна из причин, почему эти инциденты не отражаются в сообщениях, поступающих по полицейскому телетайпу, заключается в том, что законы, касающиеся этих типов преступности, осуществляются не городской полицией, а другими органами. Поскольку личный состав полицейских сил занимается уличной преступностью, полицейский телетайп передает сообщения о преступлениях именно такого рода. Если перед журналистами стоит задача освещать другие преступления, то они должны использовать иные источники (обычно телеграфные агентства и другие информационные организации), которые сообщают о таких преступлениях лишь спорадически.

Кроме того, в сообщениях, поступающих по полицейскому телетайпу, не представлен ряд очень распространенных преступлений, о которых местная полиция *знает*, но считает “неинтересными” и вследствие этого не заслуживающими того, чтобы информация о них была передана в СМИ¹⁶. Эти преступления включали в себя то, что, по словам журналистов, было “слишком рядовым”, чтобы стать новостями: все от кражи велосипедов, ограбления магазина, торгующего спиртным, и изнасилований до битья жен, приставания к детям (child molesting) и других “семейных дел”, не окончившихся убийством или госпитализацией.

Вероятно, что значительное число уличных преступлений, сообщения о которых поступили от полиции по телетайпу, также представляли собой на самом деле семейные ссоры, преступления против женщин и расовые конфликты. Однако об этом трудно судить по информации, сообщаемой полицией. Это касается прежде всего большого числа случаев стрельбы и поножовщины, которые журналисты склонны оставлять без внимания.

Для журналистов, занимающихся поиском темы в информации о преступности, важным подспорьем является любое содержащееся в полицейских донесениях описание. Изучая сообщения, поступающие из полиции, я был поражен отсутствием деталей. Описания жертв, если они вообще были установлены, и если пострадали люди, а не фирмы, как правило, включали в себя указания на пол и возраст. Когда сообщалось что-то еще, жертвы описывались как: 1) “пожилые” (в случае убийства и ограбления), 2) “полицейские” (в случае любого нападения), или 3) банковские служащие (в случае ограбления). Что касается виновников преступлений (в сообщениях, поступающих из полиции, ими всегда были люди, а не предприятия, фирмы и т.д.), обычно сообщался их пол и точный возраст. Если говорилось что-то еще, почти всегда это было связано с упоминанием о “шайке подростков” или несовершеннолетии правонарушителя. Редко упоминалось то, в каких отношениях находились жертвы и преступники. Довольно трудно было определить случаи, когда они знали друг друга. Вследствие этого возникает впечатление, что большая часть преступлений совершается в отношении незнакомых преступникам людей. Наконец, место преступления обычно сообщалось посредством указания на конкретный адрес или перекресток. Однако *характер* этого места упоминался только тогда, когда могло быть сказано, что инцидент произошел в общественном или наполовину общественном месте, например, на улице, в метро, на школьном дворе или холле многоквартирного дома.

Таким образом, типы криминальных инцидентов и их описания в сообщениях полиции способствуют развитию лишь определенных криминальных тем. Такими темами, которые могут подтверждаться и подтверждаются многочисленными примерами, поступающими по полицейскому телетайпу, являются преступления в общественных местах, преступления, когда жертвы и преступники не знают друг друга, и преступления, соотносимые с каким-то определенным возрастом. “Преступления против пожилых” представляют собой одну из тех тем, которые с помощью полицейского телетайпа уже превратились в волну преступности. Но и другие темы, такие, как “преступления, совершаемые шайками подростков” (“youth gang crime”), “преступность в метро” и “преступность в школьных дворах”, имеют отличные шансы стать новыми волнами преступности.

Очевидно, передавая криминальные сводки СМИ, полиция отбирает те происшествия, которые, по ее мнению, будут интересны журналистам. Подобная избирательность имеет два следствия; как одно, так и другое препятствует смене сложившегося в новостях образа “серьезной преступности”. Во-первых, когда полиция ощущает, что СМИ интересуются определенным типом преступности (например, преступлениями против пожилых), она включает примеры этого типа в сообщения, передаваемые ею по телетайпу, всякий раз, когда это возможно. Так, полиция поддерживает возникающие волны преступности все то время, пока эти волны относятся к тем преступлениям, которыми она обычно занимается (т. е. к уличным преступлениям). Во-вторых, полиция решает, что интересует средства массовой информации, основываясь на том, что они сообщали прежде.

Все сообщения полиции, которые составляют для СМИ ресурс волны преступности, укрепляют преобладающие образы “серьезной преступности”. Этот ресурс заставляет СМИ воспроизводить общепринятое представление о том, что “настоящая преступность” – это преступления на улицах, преступле-

ния, совершаемые в отношении незнакомых преступникам людей, преступления, при которых жертвами зверств становятся слабые и беззащитные люди, и преступления, совершаемые “гнусными” подростками. Такая преступность действительно существует, но ее образ становится *единственной реальностью преступности*, которую люди будут воспринимать серьезно, поскольку это единственная реальность, навязываемая им СМИ. Это также единственная реальность, о которой постоянно в качестве криминальных тем и периодически в качестве полномасштабных волн преступности могут сообщать журналисты.

Роль властей

Я описывал ресурс волны преступности так, словно его составляли одни криминальные происшествия. Такое описание является верным лишь отчасти. На начальной стадии волн преступности СМИ действительно сообщают большей частью о криминальных инцидентах как примерах превращающейся в волну темы. Но как только возникает впечатление, что криминальная тема становится “модной” и превращается в волну, журналисты начинают иметь дело с новостями другого рода: реакцией политиков, полиции и других официальных структур.

Первые признаки нью-йоркской волны преступности против пожилых людей появились в последнюю неделю октября 1976 г., когда городские СМИ стали сообщать о криминальных инцидентах, жертвами которых были старые люди. В тот момент широко освещались три происшествия: убийство двух пожилых сестер в их квартире в Бронксе, изнасилование и убийство восьмидесятипятилетней женщины из Манхэттена и освобождение под залог в 500 долларов подростка, избившего пожилого человека. После третьего происшествия последовала первая официальная реакция: мэр Бим созвал пресс-конференцию и вместе с комиссаром полиции поклялся сделать город без-

опасным для пожилых людей с помощью таких мер, как пополнение полицейского подразделения по борьбе с грабежами пожилого населения и реформа системы правосудия. С этого момента “преступления против пожилых” стали излюбленной темой политической риторики и предлагаемых реформ.

Начиная с первой недели волны преступности СМИ могли сообщать как о преступлениях против пожилых, так и о том, что говорят и делают власти в ответ на эти преступления. Вся волна на протяжении 7 недель поддерживалась освещением официальных заявлений, возможных реформ системы правосудия, законодательных прений и действий, разработки новых полицейских программ и конференций представителей той или иной общины, посвященных этой проблеме. Материалы такого рода составили 35% новостей этого периода, связанных с волной преступности.

Должностные лица, представители власти с самого начала были склонны допускать, что волна преступности представляет собой нечто реальное, или, по крайней мере, они не хотели выражать какие-либо сомнения в этом публично. Таким образом, в результате публичных заявлений и предпринимаемых официальных действий властей, руководствующихся этим допущением, волна преступности стала выглядеть еще более реальной. При этом заявления и действия властей обеспечивали продолжение волны преступности в течение определенного времени. Когда в середине декабря иссяк поток официальных реакций на “проблему”, то же самое произошло с криминальными инцидентами, известными СМИ по сообщениям полицейского телетайпа и из других полицейских источников. Волна, в конечном счете, прекратила свое существование.

Очевидно, что должностные лица, заинтересованные в том, чтобы “что-то сделать” с преступлениями, обладают властью над волнами преступности. Независимо от того, инспирируют они волны преступности или нет, они могут пытаться изменить

направление в освещении уже начавшейся волны преступности. С наибольшей отчетливостью это проявилось в первые четыре недели освещения *Дейли ньюс* волны преступности против пожилых. Заголовки *Ньюс* в течение первой недели подчеркивали “проблему”, приводя один пример за другим. Однако в течение следующих трех недель, начиная с первой пресс-конференции мэра, направленность публикуемых материалов была иной, теперь они сосредоточивались на том, “что делается в отношении этой проблемы”.

Политики и полиция используют свою власть формировать новости (news-making power), направляя освещение социальных проблем в определенное русло¹⁷: новости о проблеме становятся новостями о том, как действует, исправляя ситуацию, эта система. Власти могут использовать свою способность формировать новости также с целью предотвратить превращение той или иной криминальной темы в волну преступности. Существуют некоторые предварительные данные, указывающие на то, что превращению такой криминальной темы, как “преступность в метро”, в полномасштабную волну преступности воспрепятствовали транспортные власти Нью-Йорка.

На третьей неделе февраля 1977 г. *Дейли ньюс*, *Нью-Йорк пост* и *ВОЛНА* внезапно усилили свое освещение убийств и ограблений в метро. В середине недели начальник транспортной полиции сказал корреспонденту *Дейли ньюс*, что волны преступности нет, а вскоре после этого три высших должностных лица в транспортной сфере созвали пресс-конференцию, на которой заявили, что метро представляет собой более безопасное место, чем городские улицы. С этого момента освещение преступности в метро стало постепенно ослабевать и, в конечном счете, достигло своего прежнего уровня.

В том случае, если возникающая волна преступности нежелательна для властей, они могут, используя свои возможности в формировании новостей, отрицать существование волны преступности или направлять освещение преступлений в

“надежное” русло. Существуют однако определенные данные о том, что преступления против пожилых не были “нежелательной волной преступности” – по крайней мере, для некоторых должностных лиц в полиции Нью-Йорка.

Корреспондент *Дейли ньюс*, автор ряда ключевых статей, которые, как оказалось, стали началом волны преступности, рассказал мне, что “значительную помощь” ему оказало подразделение по борьбе с грабежами пожилого населения, т. е. подразделение, предназначенное находить и задерживать тех, кто совершал убийства и ограбления пожилых людей (то самое полицейское формирование, состав которого был существенно пополнен по указанию мэра в начале волны преступности). 7 октября корреспондент впервые написал статью о двух преступлениях против пожилых людей, сообщения о которых поступили по полицейскому телетайпу в этот же день. Эта статья была опубликована 8 октября, за две недели до начала волны преступности. Тогда же редактору *Дейли ньюс* пришла в голову мысль о том, что было бы неплохо, если бы этот корреспондент представил серию статей о “преступлениях такого рода” (подобные статьи время от времени появлялись до этого в других периодических изданиях).

В тот период, когда корреспондент *Дейли ньюс* начинал работать над своими статьями, он находился в тесном контакте с подразделением по борьбе с грабежами пожилого населения. Сотрудники подразделения говорили ему, что они чувствуют себя так, словно находятся в осаде, страдают от неукомплектованности и ведут борьбу, которая заслуживает большего внимания (по словам репортера, «они активно обращали в свою веру»). После публикации серии статей полицейские из этого подразделения стали звонить ему всякий раз, когда узнавали об ограблении или убийстве пожилого человека. Это позволило корреспонденту продолжить свою серию сообщениями о конкретных криминальных происшествиях. Наконец, именно сотрудники этого подразделения первыми сообщили корре-

спонденту *Дейли ньюс* о подростке, отпущенном под залог в 500 долларов после избиения пожилого человека. Все крупные информационные организации Нью-Йорка быстро подхватили эту историю после того, как *Ньюс* сообщила о ней. С этого момента началась волна преступности.

Я не хочу утверждать, приводя краткую историю одной из волн преступности, что все они инспирированы полицией или политиками. Все обстоит не так просто. Представляется, что волна преступности против пожилых людей в Нью-Йорке была результатом отчасти случайности, отчасти помощи со стороны полиции. Однако история этой волны показывает, что официальные лица действительно могут использовать и на самом деле используют свое положение для того, чтобы способствовать возвращению криминальных тем, впервые сформулированных журналистами. Равным образом, они могут использовать это положение с тем, чтобы отрицать реальность волн преступности.

Заключение

Волны преступности начинаются с криминальных тем, которыми руководствуются журналисты в процессе организации и отбора новостей, представляемых общественности. Поскольку представления журналистов о том, “каковы новости”, связаны между собой отношениями взаимозависимости, криминальная тема может распространяться по всему сообществу информационных организаций. Вследствие того, что каждая такая организация отслеживает темы, представляемые другими, она перенимает данную тему и включает в свои новости.

Однако необходимым условием этой динамики волны преступности является возможность журналистов связывать криминальную тему с непрерывным потоком происшествий, которые могут считаться ее примерами. Знание информационных организаций о преступности почти полностью определяется

информацией, поступающей из правоохранительных органов. Основным источником потока сообщений о криминальных инцидентах для СМИ в Нью-Йорке является так называемый полицейский телетайп. Поступающие по нему криминальные сообщения касаются, главным образом, уличных преступлений: ограблений, краж, стрельбы, поножовщины и других нападений. Эти сообщения составляют ресурс потенциальных волн преступности, исключая в то же время возможность развития определенных тем. Между тем, если бы массированное освещение в качестве волн преступности получили темы иных видов преступности, отличных от уличной, они могли бы существенно изменить преобладающие представления о том, что является “серьезной преступностью” в данном обществе.

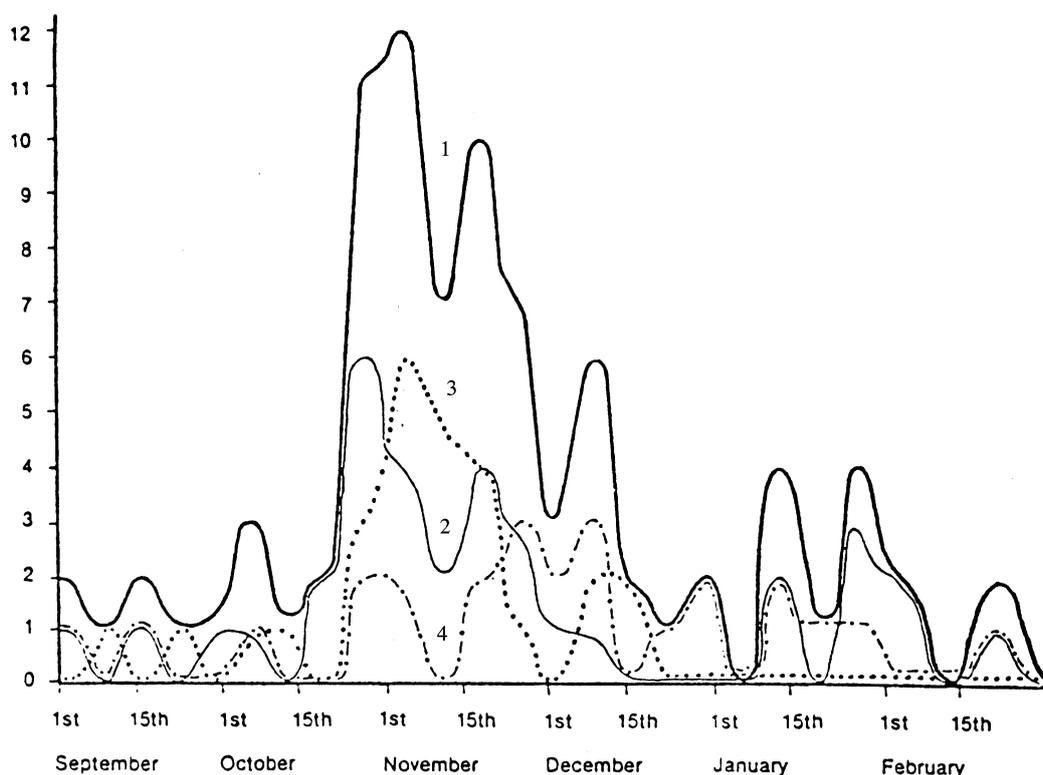
Кроме того, когда криминальные темы начинают интенсивно освещаться СМИ, власти могут, используя свою возможность формировать новости, пытаться усилить, умерить или погасить растущую волну преступности. Таким образом, официальные источники контролируют не только поток материалов, составляющих основу криминальных новостей, но и рост волны преступности.

Хотя это исследование было сосредоточено на возникновении волн преступности, раскрываемые процессы формирования новостей имеют и более широкое значение. Новости играют решающую роль в формировании общественных вопросов и событий и в определении направления их последующего развития. Подобно тому, как нью-йоркская волна преступности была результатом взаимодействия между местными политиками и местными СМИ, взаимодействие между национальными элитами и национальными средствами массовой информации вполне может дать рост ряду социальных вопросов, которые до последнего времени считались “арматурой” американской политической сцены.

Рассмотрим Уотергейт. По мере того, как несколько занимающихся расследованием журналистов упорно продолжали рас-

капывать новости о незаконных действиях администрации Никсона, национальные элиты стали конкурировать между собой, стремясь положить конец, поддержать или переориентировать растущую информационную тему Уотергейта. В конечном счете, были сформированы специальные прокурорские группы и комитеты Конгресса, т. е. был создан бюрократический аппарат, который стал снабжать СМИ свежими примерами уотергейтской темы. Как только Никсон ушел со своего поста, этот аппарат прекратил свое существование, как прекратила свое существование и уотергейтская “волна новостей”.

Уотергейт, “смерть” политической активности 1960-х гг. и многие другие признанные политические “реалии”, возможно, были созданы той же идеологической машиной, которая порождает волны преступности.

Приложение. Частота появления материалов о преступности против пожилых людей в *Дейли ньюс*, *Нью-Йорк пост* и на ТВ *ВОЛНА*

- 1 – совокупная частота (все три источника)
- 2 – *Дейли ньюс*
- 3 – ТВ *ВОЛНА*
- 4 – *Нью-Йорк пост*

Примечания

¹ Эта статья сосредоточивается не на следствиях, а на зарождении волн преступности. Так, я делаю предположение, что волны преступности, создаваемые СМИ, вносят свой вклад в существующие образы и страхи в отношении преступности в обществе. Доказательство этого предположения требует отдельного исследования последствий волны преступности с использованием других, отличных от применяемых здесь методов. Существуют, тем не менее, работы, указывающие на то, что страхи и образы преступности у людей в значительной степени являются продуктом СМИ. См., например: **Davis, F. James**. Crime news in Colorado newspapers // *American journal of sociology*. 1952. Vol. 57. P. 330; **Biderman, Albert, Louise Johnson, Jennie McIntyre, Adrienne Weir**. Report on pilot study in the District of Columbia on victimization and attitudes toward law enforcement. Washington, D.C.: U.S. Government printing office, 1967.

² **Smith, Dorothy**. The ideological practice of sociology (unpublished paper). Department of sociology, University of British Columbia, 1972.

³ Ibid. P. 3.

⁴ Наряду с тем, что данная волна преступности стала первым случаем широкого распространения формулировки “преступления против пожилых”, пальма первенства в определении этой проблемы не принадлежит нью-йоркским СМИ. Правоохранительный истеблишмент определил преступления против пожилых как новый тип преступности, по крайней мере, за два года до волны преступности: с 1974 г. она была важной темой, финансируемой L.E.A.A., в 1975 г. – темой крупной конференции, а в феврале 1976 г. *Police chief* посвятил ей специальный выпуск.

Вероятно, именно эти более ранние формулировки правоохранительных органов привели к созданию в полиции Нью-Йорка специального подразделения по борьбе с грабежами пожилого населения как раз перед волной преступности в городе. Как мы увидим, это подразделение сыграло решающую роль в привлечении внимания СМИ к преступлениям против пожилых на первой стадии этой волны. Представляется, таким образом, что ранние “профессиональные формулировки” привели к созданию специального органа, который, в свою очередь, предоставил СМИ возможность публично сформулировать такую категорию, как “преступления против пожилых”.

⁵ *New York post*. 1977. May 9.

⁶ До сих пор я не имею возможности получить полные ежемесячные данные полиции Нью-Йорка об уровнях преступности в 1976 г. Поэтому приводимые данные являются, за исключением уровня убийств, приблизительными и частичными.

⁷ **Davis**. Crime news. P. 325–330; **Roshier, Bob**. The selection of crime news in the press // The manufacture of news / Ed. by S. Cohen and J. Young. Beverly Hills: Sage, 1973. P. 28–39.

⁸ **Steffens, Lincoln**. The autobiography of Lincoln Steffens. New York: Harcourt Brace, 1931.

⁹ **Glasgow media group**. Bad news // Theory and society. 1976. Vol. 3. P. 355.

¹⁰ Использование редакторами информационных тем является частью более общей тенденции, свойственной работникам отделов новостей, кодировать и распределять по категориям информационные события с целью “рутинизации их неожиданности”. См.: **Tuchman, Gaye**. Making news by doing work: routinizing the unexpected // American journal of sociology. 1973. Vol. 79. P. 110–131.

¹¹ Ответственный редактор начал с этих двух сюжетов потому, что включить их в программу предложил его начальник по отделу новостей.

¹² Хотя мой пример совпадающих мнений о содержании новостей касается местной телекомпании, то же самое явление имеет место и в случае с газетами и национальным телевидением. См.: **Epstein, Edward Jay**. News from nowhere. New York: Random House, 1973. P. 150.

¹³ **Sacks, Harvey**. On the analyzability of stories by children // Directions in sociolinguistics / Ed. by J. Gumperz, D. Hymes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 333.

¹⁴ Единственным исключением, которое приходит в голову, являются новости на тему мафии в виде крупных, подготовленных специальными репортерами публикаций в нью-йоркской прессе: *Нью-Йорк таймс*, *Нью-Йорк дейли ньюс*, *Нью-Йорк пост*, *Уолл-стрит джорнэл* и *Ньюсдей*.

¹⁵ Иногда появляется четвертый источник: телефонные звонки из полиции.

¹⁶ Бывают и некоторые исключения. Крайне небольшая часть этих преступлений все же представлена в поступающих из полиции сообщениях (например, четыре изнасилования в тридцатидневный период наблюдения). Журналисты, которых я наблюдал, не могли объяснить появления этих сообщений и игнорировали их.

¹⁷ **Molotch, Harvey, Marilyn Lester**. News as purposive behavior: the strategic use of routine events, accidents, and scandals // American sociological review. 1974. Vol. 39. P. 101–112.

**ДИСКУРС ПРЕССЫ И ПРЕСС ДИСКУРСА:
КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРКОТИКОВ В
ПЕТЕРБУРГСКИХ СМИ***

Введение

Большинство работ по социологии наркотизма в современной российской социологии проводится в рамках объективистской парадигмы социальных проблем, согласно которой то или иное негативное (в глазах исследующих его) явление автоматически отождествляется с социальной проблемой. Задача социологов в этом случае сводится к описанию этого явления (как правило, в количественных терминах); применительно к наркотизму основные задачи исследования сводятся к выяснению того, кто и что сегодня употребляет, кто и как к этому относится, почему происходит это употребление и что можно сделать, чтобы его остановить. На одной недавней конференции, посвященной медицинской профилактике наркомании, все медицинские работники как один говорили о необходимости сотрудничества специалистов всех областей, занимающихся проблемой наркотизма. Социологам при этом отводилась роль статистиков, занимающихся, по выражению одного врача, “замерением социальных констант”, т. е., по сути, демографов, собирающих рутинную информацию, но не имеющих полномочий на *реальный социологический* анализ ситуации. К сожалению, именно этот сценарий, как правило, и реализуется в современном россий-

* Печатается с дополнениями по: Мейлахс П. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – №4. – С.135–151. © П. Мейлахс, Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. Перепечатка с разрешения П. Мейлахса и редколлегии журнала.

ском обществе, где социологи часто занимаются обслуживанием и подтверждением доминирующих медицинских и юридических теорий, их легитимацией. На языке теории стигматизации, наши социологи занимаются главным образом изучением тех, “кого клеймят”, и гораздо реже изучением тех, “кто клеймит”.

Конструктивистская теория социальных проблем изучает не этиологию того или иного условия, а этиологию определений этого условия. Применительно к социальной проблеме наркотизма сторонники этого подхода занимаются изучением кластера значений, связанных с потреблением наркотиков в глазах различных социальных и профессиональных групп, как это потребление типифицируется, классифицируется и категоризируется, какие причины употребления наркотиков и пути выхода из “наркотической эпидемии” конструируются различными акторами и, в первую очередь, агентами различных институций, принимающих участие в процессе принятия решений по наркотикам и оказывающих влияние на государственную антинаркотическую политику. Этим конструктивистское исследование принципиально отличается от объективистского, изучающего социальные факторы наркотизации или социальную составляющую медицинских или криминологических теорий наркотизма.

Данная работа ставит своей целью показать, как социальная проблема наркотиков конструируется в прессе и таким образом сдвинуть существующее в сегодняшней российской социологии внимание от исключительно наркозависимых и их “проблем” к тем, кто конструирует и определяет ситуацию вокруг наркотиков, и тем самым проблематизировать “очевидные” и “само собой разумеющиеся” категории доминирующих медицинских и криминологических дискурсов.

Следует отметить, что несмотря на свою немногочисленность, такого рода работы существуют в современной российской социологии. Это работы НИЦ «Регион», и в частности ра-

боты Н. Смирновой¹, У. Блюдиной² и И. Костериной³, посвященные конструированию моральных паник вокруг наркотиков в региональной прессе. Однако, несмотря на многочисленные достоинства этих работ, в них есть и ряд недостатков. Во-первых, несмотря на заявленную конструктивистскую ориентацию, в них присутствует сильный объективистский “крен”. Так, например, И. Костерина пишет, что «современные СМИ обладают неограниченными возможностями, как в освещении, так и конструировании социальных проблем»⁴. Отсюда можно сделать вывод, что освещение и конструирование – это совершенно разные вещи, что можно освещать какую-либо проблему и не участвовать при этом в ее конструировании. Из чего имплицитно следует, что освещение – это донесение до аудитории какой-то безличной и единой для всех “правды”, а конструирование – это что-то искусственное, создание чего-либо ex nihilo. Такая точка зрения, на мой взгляд, неверно трактует концепцию социального конструирования реальности, сводя ее к созданию и распространению различных мифов и заблуждений с теми или иными корыстными целями. Тогда как любая лингвистическая деятельность – это социальное (ре)конструирование реальности, так же как социальное конструирование реальности сопровождается созданием лингвистических категорий. Все социальные проблемы социально конструируются, вне зависимости от того, считает ли их социолог-исследователь легитимными или нет.

Во-вторых, в работах этих социологов, представивших замечательный анализ ситуации с наркотиками и ее презентации СМИ, все же недостаточное внимание уделено собственно дискурсивным механизмам конструирования моральной паники вокруг них. Данная работа призвана заполнить существующие пробелы в работах современных российских социологов кон-

структивистской ориентации, а также ответить на ряд новых вопросов, поставленных в самом исследовании.

Авторы классического труда по теории социальных проблем «Конструирование социальных проблем», вышедшего в 1977 г., американские социологи Малькольм Спектор и Джон Китсьюз определяют социальную проблему следующим образом: «Мы определяем социальную проблему как активность индивидов или групп, выказывающих недовольство и выступающих с утверждениями-требованиями (claims) в отношении каких-либо предполагаемых условий»⁵. Таким образом, социальная проблема заключается не в наличии какого-либо условия, а в активности определенных групп в отношении него. Активность в выдвижении утверждений-требований состоит в запросах каких-либо услуг, подаче жалоб, открытии судебных процессов, публикациях в прессе, собраниях и пресс-конференциях, демонстрациях и акциях протеста, проведении научных исследований и опубликовании их результатов в научных журналах и др. Поэтому социальная проблема наркотиков выражается не в том, что кто-то употребляет вещества, считающиеся в данном обществе наркотическими (даже если таких людей много), а во всем огромном пространстве социальных взаимодействий и столкновений различных групп, пытающихся определить или переопределить ситуацию вокруг наркотиков в тех или иных целях. Действительно, мы не можем беспристрастно «увидеть» проблему употребления наркотиков в «объективных» и нейтральных категориях, все наше знание о ней выражается в категориях, кем-то и для чего-то уже сконструированных до нас. Иными словами, сам феномен и знание о нем оказываются неразделимыми, и цель конструктивистского исследования заключается в том, чтобы показать, как такое знание конструируется.

Множество исследователей (Дж. Бест⁶, Дж. Шнайдер⁷, П. Ибарра и Дж. Китсьюз⁸, Г. Миллер и Дж. Холстайн⁹, К. Томп-

сон¹⁰ и др.) выделяют два пути изучения конструирования социальных проблем. Первый, так называемый “жесткий” (strict) конструктивизм (М. Спектор и Дж. Китсьюз¹¹, П. Ибарра и Дж. Китсьюз¹², Дж. Шнайдер¹³), заключается в том, чтобы изучать высказывания и требования агентов без проверки этих высказываний на истинность. Определяется, какие группы выдвигают требования, в чем они заключаются, кто выигрывает, а кто проигрывает от победы определения ситуации той или иной группы, как они выдвигают эти требования, с какими другими группами заключаются союзы, в чем состоят “ставки категоризации”¹⁴ и т. д. При этом социолог не берет на себя роль эксперта по оценке истинности этих высказываний. Так, например, изучение проблемы наркотиков и изучение какого-нибудь культа, члены которого утверждают, что Землю скоро атакуют инопланетяне, принципиально друг от друга не отличаются. И в том и другом случае звучат требования в отношении какого-либо условия, есть социальные группы, заинтересованные в выдвигании этих требований, существует борьба между различными группами и т. п.

Сторонники второй разновидности конструктивизма – контекстуального (Дж. Бест¹⁵, Дж. Гасфилд¹⁶, Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда¹⁷) – утверждают, что социолог имеет право проверять требования на истинность. Приверженцы этого вида конструктивизма не просто исследуют этиологию определений того или иного условия, но также пытаются установить, насколько эти определения могут быть подкреплены или опровергнуты с помощью эмпирических данных. Концепция моральных паник соответствует второму типу конструктивизма. Она была выдвинута в 1972 г. в Англии социологом Стэнли Коэном¹⁸ для того, чтобы описать преувеличенную реакцию общества на какое-либо негативное явление. В частности, сам Коэн с помощью этого понятия исследовал всплеск общественного интереса в Британии к молодежным бандам в середине 1960-х. Сама

оценка преувеличения имплицитно содержит в себе некий суд реальности, т. е. проверку на истинность требований групп, выступающих с “катастрофическим” определением этого условия.

Наркомания в пространстве внимания средств массовой информации

В различные периоды своего существования общества оказываются подвержены моральным паникам. Это происходит тогда, когда «условие, эпизод, лицо или группа лиц определяется как представляющая угрозу общественным ценностям и интересам; их природа изображается средствами массовой информации в стилизованном и стереотипизированном виде, моральные баррикады занимают редакторами, священниками, политиками и другими “праведно мыслящими”, социально аккредитованные эксперты ставят диагнозы и предлагают свои решения; возникают методы борьбы с этой проблемой; после чего это условие либо исчезает, либо пропадает из поля общественного внимания, либо ухудшается и становится более заметным»¹⁹. При этом условие либо исчезает, либо институционализируется и занимает устойчивую нишу на арене социальных проблем. Концепция моральных паник развивается в западной социологии уже более тридцати лет, она применялась для анализа самых различных явлений, таких, как наркомания²⁰, сатанизм²¹, охота на ведьм²², молодежные субкультуры²³, преступность²⁴, сексуальные преступления²⁵, СПИД²⁶.

Как видно из определения Коэна, масс-медиа играют одну из ключевых ролей в конструировании моральных паник, поскольку именно за ними закреплено тиражирование “катастрофических” определений ситуации и стереотипизированных образов “других”. Поэтому основной целью данной работы является анализ дискурсивных стратегий, реализуемых СМИ, направ-

ленных на конструирование моральной паники вокруг проблемы наркотиков.

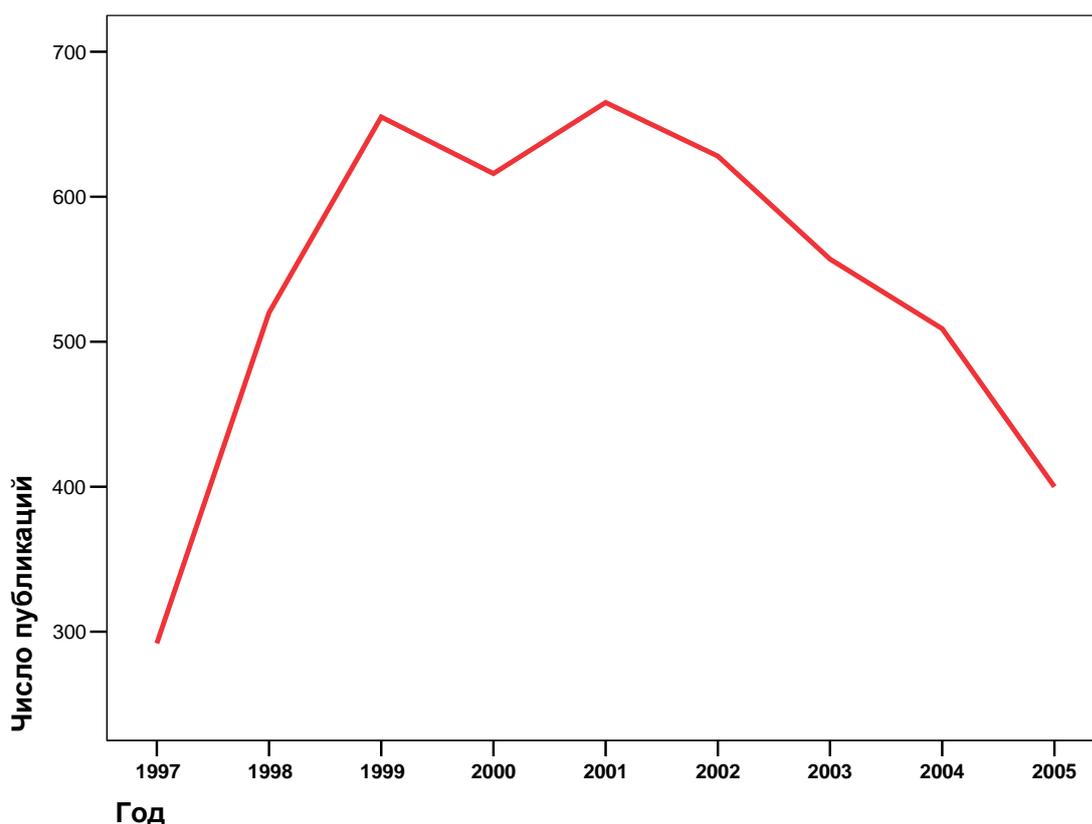
В рамках этой работы проводился анализ публикаций в петербургских газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «Час пик» и «Вечерний Петербург», посвященных теме наркомании, за период с 1997 по 2005 г. включительно. Анализировались публикации, где встречались слова «наркомания» или «наркотики» во всех их грамматических вариациях. Следует отметить, что далеко не все материалы, где встречались эти слова, были посвящены теме наркотизма. Часто слово «наркомания» лишь упоминалось в списке наиболее важных для России проблем. Однако уже этот факт может служить индикатором актуальности темы наркотизма для российских СМИ, так как даже упоминание наркомании не является случайным – число упоминаний коррелирует с количеством материалов, посвященных этой теме как таковой, и является свидетельством интереса масс-медиа к проблеме наркотиков. Кроме того, для сравнения петербургской ситуации с общероссийской анализировались статьи, посвященные проблеме наркомании в центральных средствах массовой информации – «Российской газете», «Независимой газете», «Известиях», «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», «Коммерсанте», «Советской России». Для поиска публикаций, удовлетворяющих условиям отбора, использовалась поисковая система «Integrum». Анализ включал в себя как количественную составляющую (подсчет числа публикаций по данной теме), так и качественную – критический дискурс-анализ рассматриваемых материалов.

Моральная паника в отношении наркотиков – и это согласуется с теоретическими моделями, которые предполагают ее неустойчивость²⁷, – в общем-то позади. Это видно даже без качественного анализа публикаций, достаточно посмотреть на кривую их числа. Критерием числа публикаций послужило упоминание слова «наркомания» во всех его формах. Для оценки

числа публикаций, посвященных теме наркомании в России, суммировалось количество материалов с упоминанием слова “наркомания”, вышедших в центральных средствах массовой информации – газетах «Известия» «Российская газета», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Коммерсант», «Советская Россия». Кроме того, в это число были включены две Санкт-Петербургские газеты – «Невское время» и «Санкт-Петербургские ведомости». Во всех выбранных для анализа газетах кривые схожи – резкий рост количества публикаций в 1998–1999 гг. и постепенное падение, начавшееся в 2001–2002 гг., которое продолжается во всех газетах до сих пор. Так, например, если в «Независимой газете» в 1997 г. публикаций было 45, то в 1998 их было уже 93 (рост более чем в два раза), в 1999 – 113, в 2000 – 128, в 2001 – 130, а в 2002 г. – всего лишь 84, в 2003 – 51, в 2004 – 40, в 2005 – 50. Общая сумма публикаций отражена на рис. 1. Как видно из рис. 1 и рис. 2, для прессы в целом характерны резкий рост и падение интереса к проблеме наркомании. Это противоречит взглядам на прессу как на зеркало общественных проблем, реагирующую на степень их реальной опасности, – ситуация с наркотиками не менялась или менялась незначительно, в то же время падение интереса наблюдалось довольно резкое, причем каждая из газет проходила свой пик. Вместе с тем наблюдается определенный паттерн – пики в 1999 и 2001 гг. практически для всех изданий. Такой паттерн свидетельствует о том, что речь идет о тенденциях, характерных для СМИ в целом как специфического агента, действующего в социальном пространстве, а не о колебаниях, вызванных изменением политики отдельной газеты. Для «Российской газеты» (которая послужила для меня образцом некоего общероссийского “мэйнстрима”, поскольку она является рупором исполнительной власти, и на ее страницах публиковались все российские законы о наркотиках и реакция на них агентов всех значимых институций, имеющих отношение к этой проблеме) пик пришелся на 1999 г., затем

наблюдалось резкое падение интереса, до 2001 г. Так, 24.03.1999 на ее страницах пишется, что наркомания волнует россиян больше, чем все остальные проблемы вместе взятые. В Петербурге наркомания объявляется самой большой проблемой несколько позже, в 2001 г. («Невское время», 26.04.2001).

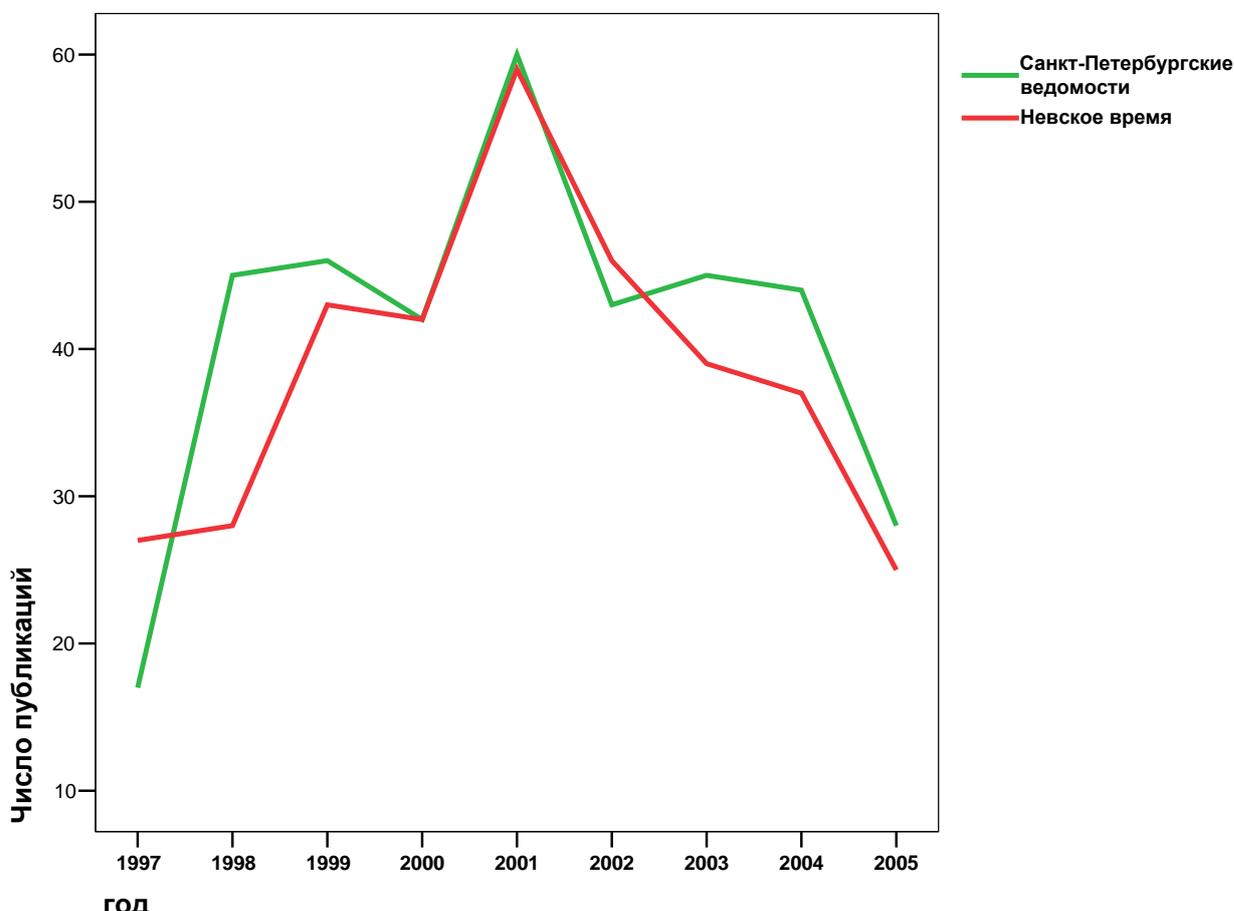
Рис. 1. Ежегодная сумма публикаций с упоминанием слова “наркомания” в России за 1997–2005 гг.

В целом на общероссийском уровне отражение темы наркотиков в прессе можно представить в виде трех глав. Глава 1. “Перед грозой”. Заголовки полны апокалиптических прогнозов. Глава 2. “Девятый вал”. Целый поток публикаций. Основная их тема: апокалипсис уже наступил. Появляются призывы увеличить ответственность за потребление и незаконный оборот наркотиков вплоть до смертной казни (с такими инициативами выступают даже некоторые губернаторы). Ужесточение законов последовательно происходит в 1997, 1998 гг. Глава 3. “После бури”. Интерес к проблеме постепенно теряется. Репрессивная

риторика, т. е. убеждение общества в том, что необходимо укрепить силовые органы социального контроля, сменяется профилактической и реабилитационной (которая также предполагает усиление механизмов социального контроля, однако уже другой его части, той, что скрывается за дискурсом рациональности, который и делает ее невидимой – медицинской). На законодательном уровне осенью 2003 г. принимаются поправки к Уголовному кодексу РФ, отчасти либерализующие существующие антинаркотические законы. Кроме того, коллективистская риторика, которая призывает оградить общество от преступных посягательств индивида, постепенно сменяется индивидуалистической (защита прав индивида от репрессивной политики коллектива).

Рис. 2. Число публикаций с упоминанием слова “наркомания” в Санкт-Петербурге за 1997–2005 гг.

Однако, как показал качественный анализ публикаций о наркомании в нескольких петербургских газетах («Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «Час Пик», «Вечерний Петербург»), в Санкт-Петербурге моральной паники в прессе, по крайней мере в классическом понимании этого понятия, не наблюдалось, за исключением очень короткого периода в начале 2002 г. (В январе этого года после убийства академика Глебова появляются признаки того, что в принципе может квалифицироваться как моральная паника.) Так, 12.02.2002 в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована статья, в которой утверждалось: *«Едва ли не половина преступлений сегодня так или иначе связана с наркотиками. Несчастных пенсионеров на улицах и в подъездах поджидают не крутые “качки” (у тех – “объекты” совершенно другие), а “безбашенные” Маши и Пети из соседнего парадного, которые уже вынесли из дома все, что только можно, и ради “косячка” в предчувствии близкой “ломки” готовы идти на любой “подвиг”, вплоть до убийства. Было время – и не такое уж давнее – когда мы все дружно этих Маш и Петей жалели. Больные же люди, не наказывать их надо, а лечить. На защиту несчастных наркоманов вставали многочисленные международные организации и партии, требования смягчить касающиеся их законы звучали с трибун форумов и съездов, скандировались на митингах и демонстрациях. Надо признать, наркомания современными средствами НЕИЗЛЕЧИМА. Все, что выдается за результат излечения, – это всего лишь так называемая ремиссия. Т. е. временное ослабление болезни. Единственный способ борьбы с наркоманией (а значит, и со всеми связанными с ней преступлениями) – это ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ наркоманов от общества. Пора, наконец, честно признать: наши “рулевые” заигрались в гуманизм».*

Хочу подчеркнуть, что такая реакция, в общем, не была характерна для петербургских СМИ. Им была свойственна более сдержанная и амбивалентная позиция по отношению к нарко-

зависимому как к преступнику-жертве. Один из отличительных моментов моральной паники – это демонизация определенных групп, персонально ответственных за сложившуюся ситуацию (об этом чуть ниже). Однако подобная демонизация наркозависимых не была типична для Петербурга, что не позволяет классифицировать реакцию петербургских СМИ как моральную панику. Вместе с тем между дискурсивными стратегиями петербургских СМИ и стратегиями их общероссийских коллег существует много общего – попытка определения ситуации как “катастрофической” и угрожающей безопасности государства и др. Поэтому при анализе того, как конструировалась проблема наркотиков на петербургском и на общероссийском уровне, я буду выделять то общее, что было присуще обеим ситуациям, и акцентировать внимание на том, что их отличало.

Была ли оправданна столь паническая реакция СМИ, действительно ли ситуация вокруг наркотиков на исходе предыдущего тысячелетия в России и Петербурге представляла собой “национальную катастрофу” и угрозу национальной безопасности? Имеющиеся данные говорят об обратном. Так, по данным Европейского центра мониторинга за наркотиками за 2002 г.²⁸, в Финляндии хотя бы раз в жизни пробовали наркотики 10% взрослого населения, в Дании и Англии доля этих лиц достигает 25% и 30% соответственно. В целом в Европе эта цифра колеблется вокруг 20% (Бельгия, Германия, Испания, Ирландия и Нидерланды). Кстати, в Америке, стране, проводящей одну из самых жестких в западных странах политику в отношении наркотиков, цифры более тревожные – в 2000 г. марихуану там пробовали около 34% взрослых, а кокаин, гораздо более тяжелый наркотик – 11%. Для сравнения: в Санкт-Петербурге в 2000 г., по данным Л. Кесельмана и М. Мацкевич²⁹, степень распространенности к наркотикам составляла примерно 18,5%, при этом для 6,5% это были разовые пробы, 6,5% употребляли наркотики неоднократно, однако в дальнейшем прекратили употребле-

ние, оставшиеся 6% употребляли наркотики на момент проведения исследования. Много это или мало?

Конечно, тем, кто исходит из предпосылки, что количество пробовавших или употребляющих наркотики (часто люди не склонны видеть особой разницы между этими категориями) должно равняться нулю или колебаться около него, как было в бывшем СССР, эти цифры внушают ужас. Для тех же, например, кто осведомлен, что в развитых западных странах уровень наркотизации примерно тот же самый уже десятки лет, а в некоторых странах, например в США, бывал и побольше, (65,5% попробовавших школьников в 1981 г.) и никакой “национальной катастрофы” или “разрушения генофонда” там не происходит, эти цифры не выглядят столь пугающими³⁰.

Таким образом, социетальная реакция на употребление наркотиков во многом обусловлена не абсолютными цифрами, показывающими уровень наркотизации населения, а отношением или противоречием между *представлениями о существующем* и *должном*, между тем, какой представляется ситуация, и тем, какой она должна быть. Представления о “нормальном” уровне распространенности наркотиков зависят от картины мира, от того, что немцы называют *Weltanschauung*, мировоззрения.

Конструирование СМИ повышенной опасности наркомании

Итак, и для общероссийских и для петербургских СМИ характерны дискурсивные стратегии, направленные на создание чувства повышенной опасности наркомании. Мною был выделен ряд дискурсивных стратегий такого рода.

Дискурсивные стратегии, направленные на конструирование повышенной опасности наркомании

1. *Спираль сигнификации*³¹ – способ сигнификации общественных проблем, целью которого является увеличение воспринимаемой угрозы путем отождествления сигнификатора с

более острой социальной проблемой (например, называть употребление наркотиков “чумой”, “национальной катастрофой”).

2. *Конвергенция проблем*³². Конвергенция проблем происходит, когда в процессе сигнификации два вида активности связываются между собой с целью увеличения эффекта и размера опасности. Например, наркотерроризм (проблема наркотиков путем сигнификации связывается с проблемой терроризма), наркоинтервенция – наркотики+интервенция.

3. *Автоматическая проблематизация* возникает тогда, когда с проблемой наркотиков связываются другие социальные проблемы, например, преступность и СПИД. Я называю такую проблематизацию автоматической, поскольку величина и опасность этих проблем-сателлитов автоматически (само собой разумеющимся образом) ставятся в прямую и основную зависимость от количества людей, употребляющих наркотики. Так, например, постулируется, что число ВИЧ-инфицированных растет только лишь из-за увеличения количества “наркоманов”. *«Между борьбой со СПИДом и борьбой с наркоманией во всем мире поставлен знак равенства»* («Невское время», 13.07.2001). (Здесь “наркоман” – аналитическая категория, сконструированная для описания дискурсивной ситуации и призванная объединить все типификации первого рода (Шюц), такие, как “наркоман”, “торчок”, “наркоша” и т. д. Никакого отношения к наркозависимости или вообще какого-либо медицинского смысла она не имеет; в этом аспекте она аналогична категории Оксаны Карпенко³³ “гости с юга”, введенной в ее работе об этническом дискурсе). То, что инфицирование происходит главным образом из-за того, что они пользуются одним шприцем, и что можно остановить распространение ВИЧ-инфекции путем организации программ по обмену шприцев, во времена моральной паники, как правило, даже не рассматривалось. То же и с преступностью. Вся так называемая наркопреступность автоматически ставится в зависимость лишь от количества лиц, употребляющих наркотики, несмотря на то, что огромная ее

часть является последствием не употребления наркотиков, а *законов*, регулирующих их оборот. Для петербургской прессы более характерно подчеркивание связи между наркотиками и ВИЧ-инфекцией, общероссийская же пресса делает не меньший акцент на автоматической проблематизации преступности. Кроме того, во времена, непосредственно предшествующие моральной панике, петербургские СМИ были гораздо более лояльны к программам по обмену шприцев (вероятно, это связано с существованием городской программы «Автобус профилактической защиты», в рамках которой производился их обмен). Однако по мере развития событий, несмотря на растущую в городе распространенность ВИЧ-инфекции, такие материалы стали исчезать из печати. В 2002 г. (в тот краткий период, который можно именовать моральной паникой) в День памяти жертв СПИДа в «Санкт-Петербургских ведомостях» (16.05.2002) нет ни слова о подобных программах, хотя еще два года назад в этом же издании материалы о них появлялись регулярно. По всей видимости, газеты не хотели даже упоминать о таких «непопулярных» в тот период мерах. Правда, начиная со второй половины 2002 г., когда накал страстей стал спадать, такие материалы вновь стали появляться в печати.

4. *Социальная работа по категоризации.* Так, все люди, употребляющие любые наркотики с любой частотой, относятся к одной категории – «наркоманы». Эта ситуация аналогична той, что существует в медицинском и юридическом дискурсах. «Наркоман» и человек, попробовавший или эпизодически употребляющий какие-либо наркотики, и в юридическом и в медицинском дискурсе – фактически одно и то же. В юридическом потому, что он совершал или совершает преступления, такие, как приобретение и хранение наркотиков, а в медицинском из-за того, что он сделал практически необратимый шаг на пути к наркомании и все остальное – уже вопрос времени; сделав такой шаг, человек как бы лишается своеобразной (анти)наркотической девственности, после чего контроль перехо-

дит от него к таинственным условно-рефлекторным механизмам, толкающим его на все учащающиеся повторения наркотического опыта. Отказаться от пробы наркотика – это «единственный способ не стать наркоманом». Учитывая, что “наркоман” готов на все ради дозы («наркоманы, страдающие от ломки, ради дурмана с легкостью идут на убийство», «Невское время», 28.11.2003), что он “заражает” в год 7–10 человек («Час пик», 06.11.2002), ситуация выглядит в самом деле катастрофической. Действительно, в 2003 г. («Санкт-Петербургские ведомости», 10.09.2003) сообщается, что в России – 4 миллиона наркоманов (т. е. людей, готовых на все). Простая арифметика показывает, что в 2004 г. будет 40 миллионов людей, готовых на все ради дозы. В 2005 г., согласно той же логике, их уже будет 400 миллионов, т. е. их число более чем в два раза превысит население России.

5. *Селективная типизация.* Заключается в том, что, например, при презентации в СМИ преступлений, связанных с употреблением наркотиков, случаи тяжких преступлений (убийство) подаются как типичные, о них пишется больше всего, в то время как доля наркозависимых, совершивших такого рода преступления, крайне мала³⁴.

Мобилизационные стратегии СМИ

Социальные агенты, занимающиеся конструированием моральной паники, должны не только показать опасность наркотиков, но и постараться мобилизовать общество для борьбы со злом. Отсюда важность мобилизационных стратегий.

1. Полезным мне представляется использовать здесь некоторые методологические инструменты американских социологов Ибарры и Китсьюза. Они называют риторическими идиомами комплексы определений, которые помещают проблематизируемое условие-категорию в моральные универсумы. Так, риторика катастрофы состоит из метафор и мыслительных практик,

которые должны вызвать у убеждаемого чувство неминуемой катастрофы. Она также призвана объединить всех агентов, конкурирующих на рынке социальных проблем, под один символический зонт, поскольку все остальные проблемы оказываются логически подчинены главной³⁵.

Применяющие такую риторику ставят целью мобилизовать и сплотить для борьбы с наркоманией как “широкую общественность”, так и агентов из конкурирующих институций, занимающихся эксплуатацией девиантности³⁶. *«Стоит ли сейчас столько заниматься экономикой, если через двадцать лет Россия превратится в поселения больных наркоманией» («Российская газета», 19.03.1999). «Не понимаю, о чем думают руководители страны, города, в конце концов. Строят Ледовый дворец, дороги, памятники... А ведь совсем немного времени остается до того момента, когда понадобятся строительные объекты только одного вида – кладбища, если не позаботиться о молодежи сейчас» («Невское время», 30.05.2001).*

2. Прямая мобилизация – призывы создавать комитеты сознательных граждан, звонить на различные “телефоны доверия” и пейджеры МВД, доносить на тех, кто подозревается не только в торговле, но и в злоупотреблении психоактивными веществами. (*«Сообщи куда следует ради ближнего»*, «Российская газета», 26.02.1999). То, что такие телефоны могут стать орудиями для сведения личных счетов, в пылу борьбы забывается. В Петербурге по сравнению с общероссийской ситуацией такого рода прямая мобилизация использовалась менее часто.

Персонификация зла

Для мобилизации общества на борьбу со злом необходимо это зло персонифицировать. Любая моральная паника сопровождается конструированием “народных дьяволов” (folk devils) (Коэн), т. е. тех, кто персонально ответственен за сложившуюся

ситуацию. Наркомания – это сложное явление, обусловленное рядом социальных, культурных и политических факторов. Путем персонификации зла легче как драматизировать обстановку, так и конкретизировать ее (сделать зло простым и наглядным). Отсюда социальная работа по конструированию образа “наркомана” – воплощения зла. Это помогает отвлечь внимание от сложных структурных и институциональных аспектов социальной реальности и свести проблему к простому уничтожению, изоляции или переделке личности. Так, Джозеф Гасфилд в своей книге о социальном конструировании проблемы “пьяного вождения” пишет, что «создавать общественное волнение и строить нарратив вокруг таких объектов, как ремни безопасности, дизайн автомобиля, качество дорог, доступность алкоголя, в принципе возможно, но в таких нарративах будет отсутствовать элемент злодейства, необходимый для драматизации, тот элемент, который присутствует в ситуации с пьяным водителем»³⁷. Кроме того, на таких “народных дьяволов” можно свалить немалую часть существующих в обществе проблем (например, недобор призыва в армию). Конструирование образа “другого” в случае проблемы наркотиков имеет характерные особенности, отличные от тех, которые встречаются, например, в этническом дискурсе. Если в последнем “они” – пришлые, “гости”, то в антинаркотическом дискурсе СМИ “они” – это превращенные или совращенные “мы”. Имеет место трансформация наподобие той, что описана в рассказе «Превращение» Кафки, когда милый и любимый в семье юноша неожиданно превращается в отвратительное насекомое. Такое превращение, как правило, происходит через совращение другими “насекомыми”. И очень быстро – достаточно один раз попробовать. (*«Факт: всерьез можно отказаться только один раз, первый»*, «Санкт-Петербургские ведомости, 21.03.2000). В любую минуту каждый из “нас” может стать “им” (*«Фактически в опасности каждая семья»*, «Невское время», 08.04.2000). Правда, иногда, как утверждается, это происходит вопреки желанию

несчастливого – мутагенное вещество (наркотик) вводится ему против воли. В этом случае происходит насильственное обращение в “насекомые”. От этого не спасут ни деньги, ни “хорошая семья”. (*«Впрочем (не мы сделали вывод, а американцы), вероятность того, что ребенок станет наркоманом, одинакова – что в семье президента, что в семье алкоголика»*, «Час пик», 29.08.2001). Но шанс, что “он” может вновь стать одним из “нас”, минимален, либо нулевой. (*«Из сотни больных излечивается, согласно статистике, один. И тот в любой момент может вернуться к прежнему времяпрепровождению»*, «Санкт-Петербургские ведомости», 21.04.2000). Одна из “их” главных отличительных особенностей – то, почему они представляют наибольшую опасность – это готовность на все ради единственной дозы наркотика и “заражение” других. В этом аспекте проявляется одно из наибольших различий между петербургской и общероссийской ситуациями; именно оно, на мой взгляд, не позволяет говорить о моральной панике в петербургских СМИ. Несмотря на то, что ситуация в них часто описывалась как катастрофическая (и в этом она соответствует критериям моральной паники), демонизации наркозависимых как таковой, за исключением короткого периода в первой половине 2002 г., мне выявить не удалось. А без этого, то есть без повышенной враждебности к определенной группе населения, признанной персонально ответственной за существующее положение вещей, характеризовать ситуацию как моральную панику нельзя.

Легитимация определения ситуации

В довершение ко всему полученная картина мира, или определение ситуации (Томас), должна быть легитимирована. Это происходит двумя путями.

1. Через апелляцию к мнениям экспертов. При этом эксперты и СМИ находятся на взаимной службе друг у друга: а) СМИ

объективируют мнение эксперта и придают ему валидный статус общественной озабоченности. Так, частная профессиональная позиция эксперта после публикации становится общественно важной; б) обратный процесс наблюдается, когда масс-медиа становятся *vox populi* и говорят от имени публики. Этот процесс придает легитимность мнениям, высказанным самой газетой. После этого уже официальные источники могут ссылаться на точку зрения газеты как на объективное и “истинное” мнение общества³⁸. Таким образом, СМИ воспроизводят позиции экспертов, а эксперты воспроизводят позиции СМИ. В ситуации с наркотиками такими экспертами становятся по большей части представители МВД и Минздрава, которые и свидетельствуют о катастрофичности ситуации и необходимости принятия, как правило, жестких мер. Одно из наибольших различий между позициями этих двух профессиональных групп проявляется в вопросе о (не)излечимости наркомании. Удивительного тут ничего нет. Владеть проблемой – значит обладать правом называть эту проблему и быть в состоянии предложить что-то, что может быть сделано по поводу нее³⁹. Знание этого что-то и есть мандат профессии на владение проблемой. Поэтому даже в разгар моральной паники врачи все время повторяют, что наркомания – дело не безнадежное (несмотря на очень скромные, по их же словам, успехи). Однако им постоянно приходится оговариваться, что дело это очень трудное, чтобы как-то объяснить невысокий процент удач: тогда и более чем скромные результаты что-то будут значить. Сказать, что наркомания неизлечима, значит сдать мандат на владение этой проблемой. Правда, потом медики обрели лучший (менее проверяемый) мандат – профилактику. Если лечение наркомании дело почти безнадежное, то единственное, что можно сделать – не допустить ее развития. Мандат в таком случае опять попадает к медикам. Это, на мой взгляд, многое объясняет в “профилактическом повороте”, произошедшем в 2000–2001 гг. Вместе с тем за право легитимной экспертизы здесь им пред-

стоит побороться с другими агентами – педагогами. Агентам же силовых ведомств более целесообразно утверждать, что наркомания практически неизлечима. Их мандат в другом – в изоляции “наркоманов”. *«Лучшая профилактика – задерживать и привлекать к уголовной ответственности наркоманов и сбытчиков наркотиков, ведь чуть ли не сто процентов тех, кто нападает на пенсионеров, добывают так деньги на очередную дозу, – говорит заместитель начальника Управления уголовного розыска ГУВД Андрей КЕМЕНЕВ»*, («Невское время», 21.02.2002). Кроме того, экспертом часто выступает сам наркозависимый. При этом он выступает в роли частичного эксперта – когда то, что он говорит, согласуется с тем, что утверждается в рамках доминирующих дискурсов, он подтверждает и легитимирует их как «человек, не понаслышке знакомый с реалиями наркоманского быта». Если же наркозависимый заявляет что-нибудь, что противоречит предположениям принятым в этих дискурсах, то его высказывания объявляются наркоманскими мифами или сознательным распространением выгодных наркомафии вымыслов.

2. Вторая стратегия по легитимации – это устранение конкурентных определений ситуации, которые ставят под сомнение навязываемую картину мира.

Как правило, клэймсмэйкеры, т. е. те, кто выдвигает требования (claims) в отношении какого-либо условия⁴⁰, в данном случае СМИ, оперируют оборотами “всем известно”, “во всех странах” и т. д., т. е. пытаются нейтрализовать дискуссию, показать ясность, непротиворечивость, единственность их решения, монополизировать дискурс, сделать свою точку зрения единственно возможной. Все остальное объявляется мифами и отбрасывается без рассмотрения. Часто приводятся заявления о том, что есть некоторые таинственные силы, пытающиеся проводить либеральные законы. При этом сами эти силы в дискурсе СМИ времен моральной паники практически не были представлены. Более того, сторонники противоположной точки зре-

ния объявлялись преступниками и обвинялись в пропаганде наркотиков – уголовном преступлении, или в сговоре с наркомафией. Таким образом, происходит не только монополизация дискурса, но и попытки криминализации контрдискурса. Контрдискурсом я называю дискурс, в рамках которого признается возможность решения и смягчения наркотических проблем не только с помощью снижения числа потребителей наркотиков, но и с помощью других мер (снижение вреда), а также в котором призывается сосредоточить внимание на законах, регулирующих наркотизм, на их вреде, и отказаться от “войны с наркотиками”. Как мне видится, одна из причин этого заключается в том, что меры, предлагаемые в рамках этого дискурса, направлены на снижение отрицательных последствий наркотизации, таких, как смерть от передозировок, сопутствующие заболевания, преступность вокруг наркотиков, но не предлагают главного для тех, кто принимает участие в конструировании моральной паники вокруг наркотиков, – защитить мораль, которая и является главным ее объектом. Как раз традиционная мораль в рамках контрдискурса терпит поражение. Вот почему, например, в обращении Государственной Думы к ООН 30.10.1999 проблема легализации или декриминализации наркотиков приравнивается к проблеме наркомании. *«Проблема наркомании, легализации наркотиков – это мировая проблема в ряду тех, что угрожают гибелью человеческой цивилизации»* («Российская газета», 30.10.1999). В этом отношении ситуация в петербургских СМИ также отличалась от общероссийской. Несмотря на все флуктуации, которые происходили в петербургских газетах в отношении контрдискурса, попытки представить его как дело рук наркобаронов и тем самым криминализировать его не были характерными.

Заключение

Итак, можно констатировать, что как в целом по России, так и в Санкт-Петербурге интерес прессы к проблеме наркотиков, начиная с 2001 г. продолжает падать. Сейчас он находится примерно на уровне 1998 г. При этом, несмотря на то, что в Санкт-Петербурге наблюдалось стремление СМИ представить положение как катастрофическое, квалифицировать ситуацию в качестве моральной паники не представляется возможным, так как отсутствовал один из важнейших ее компонентов – конструирование образа “народных дьяволов”, или демонизация наркозависимых. Тем не менее, в начале 2002 г. такая демонизация отмечалась, что позволяет говорить о моральной панике в тот промежуток времени.

В работе был выявлен ряд дискурсивных стратегий СМИ, направленных на формирование чувства повышенной опасности наркомании. К ним относятся спираль сигнификации, конвергенция проблем, автоматическая проблематизация, социальная работа по конструированию категорий и селективная типизация. Также были определены мобилизационные стратегии СМИ, такие, как риторика катастрофы, призванная объединить всех участников рынка социальных проблем под один символический зонт, и стратегия прямой мобилизации – публикация различных “телефонов доверия” силовых структур. Как уже было сказано, одно из наиболее важных отличий петербургской ситуации от общероссийской проявляется в конструировании образа наркозависимого. В то время как для общероссийской прессы конца 1990-х характерна та или иная степень демонизации наркозависимых, петербургским печатным СМИ была присуща более амбивалентная позиция по отношению к наркозависимому как к преступнику-жертве.

Легитимация определения ситуации, презентуемой СМИ, осуществлялась с помощью апелляции к мнениям экспертов, которыми выступали представители правоохранительных орга-

нов, медицинских структур и сами наркозависимые. Здесь также ситуация в петербургских СМИ отличается от общероссийской, для местной прессы не было характерно стремление криминализировать контрдискурс, в рамках которого признается возможность решения и смягчения наркотических проблем не только с помощью снижения числа потребителей наркотиков, но и с помощью других мер (снижение вреда), а также в котором призывается сосредоточить внимание на законах, регулирующих наркотизм, на их вреде, и отказаться от “войны с наркотиками”. Отношение петербургской прессы к таким мерам было значительно более толерантное, хотя в последнее время ситуация несколько выровнялась.

Безусловно, одного лишь выявления и описания дискурсивных стратегий СМИ недостаточно для описания ситуации моральной паники вокруг наркотиков. Необходимо поместить эту ситуацию в общий социальный контекст с тем, чтобы выявить факторы, способствующие возникновению моральной паники, и факторы, которые содействовали ее окончанию. Однако это уже задача будущего исследования.

Примечания

¹ **Смирнова Н.** Паника или Знание? Конструирование проблемы роста потребления наркотиков среди подростков и молодежи в местной прессе // Героинашеговремени. Социологические очерки / Под ред. Е. Л. Омельченко. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. С. 205–222.

² **Блюдина У.** “Молодежные культуры”, масс медиа и феномен “моральных паник” // Другое поле. Социологические практики / Под ред. Е. Л. Омельченко, С. А. Перфильева. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000. С.53–63.

³ **Костерина И.** Криминал, скандалы, реклама и проповеди: наркомания и наркотики в презентациях СМИ // Тринадцатый шаг: социология наркотизации / Под ред. Е. Л. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновск. гос. ун-та, 2002. С.200–212.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ **Spector M., Kitsuse J.** Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977. P. 75.

⁶ **Best J.** Constructionism in context // Images of issues. Typifying contemporary social problems / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1995.

⁷ **Schneider J.** "Members only": reading the constructionist text // Reconsidering social constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

⁸ **Ibarra P., Kitsuse J.** Vernacular constituents of moral discourse: an interactionist proposal for the study of social problems // Reconsidering social constructionism // Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

⁹ **Miller G., Holstein J.** Reconsidering social constructionism // Reconsidering social constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

¹⁰ **Thompson K.** Moral panics. London and New York: Routledge, 1998.

¹¹ **Spector M., Kitsuse J.** Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977.

¹² **Ibarra P., Kitsuse J.** Op. cit.

¹³ **Schneider J.** Introduction // Studies in the sociology of social problems / Ed. by J. Schneider and J. Kitsuse. New Jersey: Norwood, 1984.

¹⁴ **Ленуар Р.** Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С.77–144.

¹⁵ **Best J.** But seriously folks: limitations of the strict constructionist interpretation of social problems // Reconsidering social constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

¹⁶ **Gusfield J.** Constructing the ownership of social problems: fun and profit in the welfare state // Social problems. 1989. Vol. 36. № 5.

¹⁷ **Goode E., Ben-Yehuda N.** The social construction of deviance. Oxford: Blackwell, 1994.

¹⁸ **Cohen S.** Folk devils and moral panics: the creation of the mods and rockers. London: MacGibbon & Kee, 1972.

¹⁹ Ibid. P. 9.

²⁰ **Goode E., Ben-Yehuda N.** Op. cit.; **Reinarman C., Levine H.** The crack attack: America's latest drug scare, 1986–1992 // Images of issues. typifying contemporary social problems / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1995; **Reinarman C., Levine H.** The social construction of drug scares // Deviance: the interactionist perspective / Ed. by E. Rubington and M. Weinberg. Needham Heights, 1996; **Hawdon J.** The role of presidential rhetoric in the creation of a moral panic: Reagan, Bush, and the war on drugs // Deviant behavior. 2001. Vol. 22; **Rowe J.** Dealing with dope // Meanjin. 2002. Vol. 61. № 2; **Orcutt J. D., Turner J. B.** Shocking numbers and graphic accounts: quantified images of drug problems in the print media // Social problems. 1993. Vol. 40. № 2.

²¹ **Victor J. S.** Satanic panic: the creation of a contemporary legend. Chicago: Open Court, 1993; **Victor J. S.** Moral panics and the social construction of deviant behavior: a theory and application to the case of ritual abuse // Sociological perspectives. 1998. Fall; **Jenkins P., Meier-Katkin D.** Satanism: myth and reality in a contemporary moral panic // Crime, law & social change. 1992. Vol. 17.

²² **Ben-Yehuda N.** Deviance and moral boundaries: witchcraft and the moral boundaries: occult, science fiction, deviance sciences, and scientists. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

²³ **Cohen S.** Op. cit.; **McRobbie A.** Folk devils fight back // *New left review*. 1994. Vol. 203; **McRobbie A., Thornton S.** Rethinking “moral panic” for multi-mediated social worlds // *British journal of sociology*. 1995. Vol. 46.

²⁴ **Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B.** Policing the crisis: mugging, the state and law and order. London: Macmillan, 1978; **Zatz M. S.** Chicanos youth gangs and crime: the creation of moral panic // *Contemporary crises*. 1987. Vol. 11.

²⁵ **Jenkins P.** Intimate enemies: moral panics in contemporary Britain. New York: Aldine, 1992; **Jenkins P.** Clergy sexual abuse: the symbolic politics of a social problem // *Images of issues. Typifying contemporary social problems* / Ed. by J. Best. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1995.

²⁶ **Thompson K.** Moral panics. London and New York: Routledge, 1998.

²⁷ **Goode E., Ben-Yehuda N.** Op. cit. P. 158.

²⁸ EMCDDA. Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway, European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA), 2002.

²⁹ **Кесельман Л., Мацкевич М.** Социальное пространство наркотизма. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

³⁰ **Johnston L., O'Malley P., Bachman J.** National survey results on drug use from the monitoring the future study, 1975–1997. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998.

³¹ **Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B.** Policing the crisis: mugging, the state and law and order. London: Macmillan, 1978.

³² Ibid.

³³ **Карпенко О.** Языковые игры с “гостями с юга”: “кавказцы” в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. Москва, 2002.

³⁴ **Русакова М.** Наркотики в России // *Девиантность и социальный контроль в России* / Под ред. Я. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2000.

³⁵ **Ibarra P., Kitsuse J.** Vernacular constituents of moral discourse: an interactionist proposal for the study of social problems // *Reconsidering social constructionism* / Ed. by J. Holstein and G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993. P. 40.

³⁶ **Lemert E.** Social pathology. New York: McGraw-Hill, 1951.

³⁷ **Gusfield J.** Constructing the ownership of social problems: fun and profit in the welfare state // *Social problems*. 1989. Vol. 36. № 5. P. 434.

³⁸ **Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B.** Policing the crisis: mugging, the state and law and order. London: Macmillan, 1978. P. 62.

³⁹ **Gusfield J.** Op. cit. P. 433.

⁴⁰ **Spector M., Kitsuse J.** Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977.

КОНСТРУИРОВАНИЕ “НЕ-ПРОБЛЕМ”: СТРАТЕГИИ ДЕПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ СИТУАЦИЙ*

В современных обществах процессы формирования “повестки дня”, т. е. определения приоритетных вопросов внутренней и внешней политики, имеют, как правило, сложный, многофакторный характер. Если институты гражданского общества сильны, то эти процессы в большей или меньшей степени демонополизированы, в них наряду с исполнительной и законодательной ветвями власти участвуют общественные организации, средства массовой коммуникации, научные сообщества и т. д. Если же гражданское общество развито слабо, то “повестка дня” устанавливается главным образом властными элитами, фактически навязывающими “свою” проблематику остальной части общества. Результатом является расходование ресурсов общества на “решение” одних проблем и фактическое игнорирование других ситуаций, которые могут быть не менее опасными.

Российское общество относится ко второму типу. Властные элиты, контролирующие наиболее влиятельные средства массовой коммуникации, в частности, федеральные телеканалы, при слабо развитой сфере общественных организаций обладают монопольным правом формирования “повестки дня”. Исследования информационных программ трех российских телеканалов – Первого канала, «России» и НТВ – показывают, что приоритетные позиции в формируемой ими публичной “повест-

* Печатается с дополнениями по: Ясавеев И. Конструирование “не-проблем”: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1. – С.91–102. © И. Ясавеев, Журнал социологии и социальной антропологии, 2006. Перепечатка с разрешения редколлегии журнала.

ке дня” занимают проблемы терроризма, преступности, употребления наркотиков, в конечном счете, выигрышные для правящей элиты¹. Их “актуальность” оправдывает действия по “укреплению вертикали власти”, финансовую и символическую поддержку силовых структур и использование репрессивных стратегий социального контроля. В то же время такие явления, как алкоголизация населения, натурализация коррупции, повсеместные нарушения прав человека, отсутствие независимой судебной власти, насилие в семье и многие другие, находятся за рамками публичного дискурса².

Одним из направлений социологии социальных проблем, “проясняющим” вопрос о том, почему одни ситуации наделяются статусом социальных проблем, а другие этого статуса лишены, является *конструкционистский подход* к социальным проблемам. Данный подход сосредоточивается на исследовании процессов определения тех или иных ситуаций как нежелательных, пагубных, опасных, угрожающих. При этом современные теоретики данного подхода открыто заявляют о том, что они не призывают отказаться от проведения традиционных объективистских исследований, т. е. от изучения преступности, бездомности, безработицы и т. д. как объективных социальных условий. Как указывает Д. Лазик, это можно представить как академическое разделение труда: «Кто-то может изучать объективный мир. Конструкционисты же сосредоточиваются на *смыслах*, которые люди создают в нашем мире»³. Представители различных подходов, – отмечает Лазик, – задаются вопросами о различных аспектах жизни, и отрицать важность каких-либо теоретических рамок означает ограничивать понимание происходящего⁴. Сходной точки зрения на отношения объективизма и конструкционизма придерживается Дж. Бест: «Конструкционистский подход не требует от социологов прекратить исследование объективных условий. Аналитики, интересующиеся, скажем, бедностью, могут по-прежнему стараться подсчи-

тать число бедных или выявить причины бедности или как-то еще изучать бедность как социальное условие. Однако конструкционисты утверждают, что понимание бедности *как социальной проблемы* требует иного подхода. В самой природе бедности нет ничего, что делало бы ее социальной проблемой; во многих обществах бедность воспринималась как нечто само собой разумеющееся, как естественная часть социального порядка, т. е. не считалась социальной проблемой. Бедность становится социальной проблемой только тогда, когда люди определяют ее как вызывающую беспокойство, когда они заявляют о том, что она проблематична»⁵.

Основные идеи конструкционистского подхода к социальным проблемам разработаны М. Спектором и Дж. Китсьюзом⁶. Сущность его заключается в рассмотрении социальных проблем как *риторики*. Социальные проблемы, с данной точки зрения, – это конструкции, создаваемые индивидами или группами посредством выдвижения утверждений-требований (*claims-making*): конструируя социальные проблемы, члены общества *утверждают*, что существует вредное социальное условие, и *требуют* его устранения или изменения. Формами конструирования социальных проблем являются, согласно Спектору и Китсьюзу, ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследовании общественного мнения, обращения с жалобами и письмами протеста, предъявление судебных исков, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, распространение “проблематизирующих” сообщений средствами массовой коммуникации, проведение митингов, пикетов, демонстраций, маршей протеста, забастовок⁷.

Социологи-конструкционисты поднимают также вопросы о властных ресурсах конструирования социальных проблем и депроблематизации ситуаций. Одной из наиболее интересных концепций, разработанных в рамках конструкционистского под-

хода, является модель публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска⁸. Согласно данной концепции, социальные проблемы *конкурируют* между собой за то, чтобы попасть в публичную “повестку дня”. Конкуренция между социальными проблемами вызвана ограниченностью такого ресурса, как *пропускная способность* публичных арен (исполнительная и законодательная ветви власти, средства массовой коммуникации, общественные организации, религиозные и т. д.). Например, телевидение, радио, газеты, Интернет-сайты не могут сообщать обо всем, что происходит в обществе. Их пропускная способность ограничена рамками эфирного времени информационных программ, газетными площадями и пр. Вследствие этого в рамках публичных арен постоянно осуществляется отбор социальных проблем, т. е. принимаются решения о том, какие проблемы являются в настоящий момент более важными, заслуживают внимания, обсуждения и тех или иных действий. При этом значительный успех какой-либо проблемы в такой конкуренции обычно сопровождается вытеснением других социальных проблем на периферию или за пределы публичного дискурса. Ключевым вопросом концепции Хилгартнера и Боска: *каким требованиям должна соответствовать социальная проблема для того, чтобы с успехом выигрывать конкуренцию с другими проблемами за место в “повестке дня”?* Такими требованиями, согласно Хилгартнеру и Боску, являются *драматичность, новизна, соответствие культурным предпочтениям, доминирующим в обществе, и институциональным ритмам публичных арен*. Еще одно требование – соответствие конструирования социальной проблемы *интересам правящих элит*. «Большинство публичных арен, – указывают Хилгартнер и Боск, – находится под мощным влиянием господствующих политических и экономических групп. Вследствие этого определения социальных проблем, соответствующие их пристрастиям, имеют более высо-

кие шансы на успех»⁹. В то же время элиты «могут активно противодействовать тем или иным определениям проблем, предавая некоторые вопросы политически обеспечиваемому забвению»¹⁰.

Если применить модель публичных арен к анализу ситуации в российском обществе, то становится очевидной специфика конкуренции между социальными проблемами в России: соответствие конструирования проблем интересам властных элит имеет решающее значение. Даже когда возникает новая, драматичная ситуация, если ее появление в «повестке дня» идет вразрез с интересами правящих политических групп, то она, вероятнее всего, будет блокирована на краю публичного дискурса. Примеров такого рода множество, начиная со второй войны в Чечне с 1999 г. по настоящее время и заканчивая акциями протеста пенсионеров в начале 2005 г.

Наиболее простым приемом является замалчивание ситуации, табуирование той или иной темы. Однако, как указывает М. Эделман, такого рода блокирование конструирования социальных проблем, невыигрышных для элит, обычно не обладает значительной жизнеспособностью¹¹. Более тонкими и, в конечном счете, более эффективными являются *стратегии депроблематизации ситуаций*, описываемые П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом. Ибарра и Китсьюз используют в данном случае понятие «*контрриторические стратегии*», определяя их как дискурсивные стратегии противодействия характеристикам той или иной ситуации, предлагаемым теми, кто конструирует социальную проблему. «Контрриторика, – отмечают они, – блокирует либо выделяемые характеристики условия, либо призыв к действию, либо и то, и другое»¹².

Ибарра и Китсьюз указывают на два класса контрриторических стратегий: 1) «сочувствующую» контрриторику, признающую полностью или частично проблематичный статус ситуа-

ции, но в сущности блокирующую требование исправить ее; 2) “несочувствующую” контрриторику, не принимающую ни предлагаемые характеристики и оценки ситуации, ни предлагаемые средства ее исправления. “Сочувствующая” контрриторика в свою очередь включает в себя пять стратегий. Первой является *натурализация* – стратегия, при которой принимается оценка ситуации, предлагаемая теми, кто конструирует проблему, но в то же время отвергается призыв к действию посредством представления самой ситуации в качестве неизбежной. «Если условие – это пример “естественного состояния” мира или того, что “неизбежно” предполагается ситуацией, тогда призывы к исправлению ситуации в конечном счете наивны»¹³. Вторая стратегия – контрриторика *затрат, связанных с исправлением ситуации*, – заключается в утверждении, что следует примириться с проблематичным условием, а не исправлять его посредством предлагаемых мер, поскольку «и то, и другое зло» или потому, что провозглашаемые “выгоды” не компенсируют “затрат”. Третья стратегия “сочувствующей” контрриторики – *декларация бессилия* – предполагает проявление морального сочувствия и в то же время указание на истощение имеющихся ресурсов, не позволяющее справиться с ситуацией. На уровне индивидов это может быть ссылкой на нехватку времени, энергии или власти для того, чтобы решить проблему. Данная стратегия может включать в себя также конструирование шкалы приоритетов: «да, расизм – это проблема, но все попытки покончить с ним, пока существует классовое угнетение, тщетны»¹⁴. На институциональном уровне может заявляться, что бюджет слишком ограничен для того, чтобы попытаться что-либо изменить. Четвертую “сочувствующую” контрриторическую стратегию Ибарра и Китсьюз называют *перспективизацией* (perspectivizing). Она заключается в утверждении, что объяснение, предлагаемое людьми, которые кон-

струируют проблему, это всего лишь их “взгляд” на положение дел, отличающийся от самого положения дел. Иными словами, утверждение-требование представляется как не более чем мнение. «Используя выражение «Вы имеете право на свое мнение», лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, признает право людей, выдвигающих утверждения-требования, участвовать в процессе создания социальной проблемы и в то же время ограничивает это участие, указывая на то, что это вопрос мнения, и вовсе необязательно придерживаться таких же взглядов или поддерживать призыв к исправлению ситуации»¹⁵. Наконец, пятый контрриторический стиль этого класса – *критика тактики*. В данном случае критик соглашается с предлагаемой характеристикой условия, но возражает против средств, используемых людьми, выдвигающими утверждения-требования. Примером может быть следующее высказывание: «Да, женщины угнетены, но означает ли это, что феминистки должны быть столь воинствующими и резкими в обнародовании этого факта?»¹⁶. Другой пример – осуждение противниками аборт взрывов в клиниках, совершаемых “маргинальными элементами” данного движения. Ибарра и Китсьюз отмечают, что из всех “сочувствующих” контрриторических стратегий эта стратегия может вызывать наименьшую враждебность со стороны людей, конструирующих социальную проблему, поскольку “противник” выражает как симпатию в отношении попыток проблематизации, так и готовность обсуждать тактику.

Другой класс контрриторических стратегий – “несочувствующая” контрриторика. Первую стратегию такого рода Ибарра и Китсьюз называют *антитипизацией* (*antipatterning*). В данном случае заявляется о том, что утверждение-требование “на самом деле” не является описанием полномасштабной социальной проблемы, а относится к тому, что можно назвать “отдель-

ными инцидентами”. Вторая стратегия данного типа – *опровергающие истории* (telling anecdote) – предполагает дискредитацию утверждения-требования посредством приведения примеров, которые показывают, что обобщения, предлагаемые теми, кто конструирует проблему, вызывают подозрение. Например, в ответ на утверждение о том, что «эти улицы небезопасны для ночного пешехода», может быть сказано: «Я хожу по этим улицам в ночное время уже много лет, и со мной ничего не случилось». Или утверждение, что курение – это проблема, поскольку вызывает рак, может быть встречено следующим образом: «Мой дед выкуривал по две пачки сигарет в день и дожил до 80 лет»¹⁷. Согласно Ибарре и Китсьюзу, особенно подвержены нападкам с использованием данной стратегии утверждения-требования, сформулированные на языке научных обобщений. При использовании третьей стратегии – *контрриторики неискренности* – лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, заявляет, что предлагаемая характеристика условия подозрительна, поскольку у того, кто выдвигает утверждения-требования, имеется своя «скрытая повестка дня». Конструирование социальных проблем представляется всего лишь средством продвижения в карьере, обретения власти, статуса или денег. Четвертая “несочувствующая” стратегия – *контрриторика истерии* – предполагает указание на то, что моральные суждения людей, конструирующих проблему, не основываются на “здравой” оценке ситуации, а находятся под влиянием “иррациональных” или “эмоциональных” факторов. «Контрриторика истерии описывает людей, конструирующих социальную проблему, как членов определенной социальной категории, а затем отклоняет их утверждения-требования как “типичные” выражения “либералов с истекающими кровью сердцами”, “ограниченных религиозных фундаменталистов”, “свихнувшихся инвайронменталистов” и т. д.»¹⁸. Ибарра и

Китсьюз отмечают также: «Независимо от того, является контрриторика сочувствующей или нет, все эти стратегии представляют собой способы формулирования ответа на утверждения-требования, и общим для всех является формат “да, но...”»¹⁹.

Типология Ибарры и Китсьюза позволяет идентифицировать использование тех или иных депроблематизирующих стратегий. Так, разновидность стратегии натурализации, часто используемая Президентом РФ Владимиром Путиным, – расширение рамок проблемы таким образом, чтобы она представляла не внутренней российской проблемой, а глобальной, что очевидным образом снимает часть ответственности за нее с федеральных властей. В частности, российская властная элита активно использует конструкцию “международный терроризм” в отношении внутренней проблемы терроризма. Можно вспомнить в связи с этим поспешные заявления официальных лиц после бесланской трагедии о непосредственном участии международных террористических структур в захвате заложников, отвлекающие внимание от таких причин происшедшего, как действия федеральных властей в Чеченской Республике и коррумпированность правоохранительных органов. Показательным является утверждение Путина во время визита в Нидерланды в начале ноября 2005 г. о том, что Россия ведет борьбу с международным терроризмом, «в том числе и в Чечне», не только в своих интересах, но и в интересах других стран, отвечая на угрозы, которые террористы «создают для наших обществ». Подобную стратегию использовал президент и в отношении проблемы ВИЧ/СПИДа, открывая заседание президиума Государственного совета 21 апреля 2006 г.: *«Сегодня мы рассматриваем проблему, которая носит глобальный характер и является актуальной не только для России, но и для всего мира»*. Один из недавних примеров – «Прямая линия с Президентом» 25 октября 2006 г., когда свой ответ на вопрос о кор-

рупции («Проблема коррупции стала тотальной, поборы сопровождают нашу жизнь на всех уровнях, начиная с открытия своего бизнеса и заканчивая взятками сотрудников ГИБДД. Не секрет, что очень часто высокие чины милицейские даже “крышуют” банды и не понаслышке я даже это знаю») Путин начал с утверждения: «Конечно, эта проблема характерна не только для России, но и для многих других стран мира. В разные периоды существования стран, в разные периоды их развития она приобретает менее либо более острый характер. У нас она достаточно острая, эта проблема». Но ведь вопрос был не просто о существовании коррупции, а о том, что она приобрела тотальный характер, о ее масштабах в нашей стране. Корректной была бы в данном случае ссылка на коррупцию не просто в «других странах», а, скажем, в Гондурасе, Гамбии и Свазиленде.

В. Путин инициировал также использование контрриторической стратегии неискренности в отношении общественных организаций, конструирующих различные социальные проблемы, заявив в своем Послании Федеральному собранию РФ 26 мая 2004 г.: «Для части этих организаций приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов, для других – обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов, при этом острейшие проблемы страны и ее граждан остаются незамеченными. Должен сказать, что когда речь идет о нарушениях фундаментальных и основополагающих прав человека, об ущемлении реальных интересов людей, голос подобных организаций подчас даже не слышен. И это неудивительно: они просто не могут “укусить руку”, с которой кормятся»²⁰. Вслед за Путиным данная стратегия в течение последних двух лет неоднократно использовалась в отношении правозащитных организаций чиновниками, представителями силовых структур и подкон-

трольными властям журналистами. Например, 11 декабря 2005 г. в программе «Воскресное время» Первого канала был показан сюжет о правозащитниках, приехавших в г. Благовещенск Республики Башкортостан оказывать юридическую помощь людям, которые пострадали в результате насилия со стороны местной милиции в декабре 2004 г. (в течение нескольких дней были избиты несколько сот человек), и проблематизировавших данную ситуацию нарушения прав человека. В сюжете А. Верницкого заявлялось, что руководство правозащитного движения «За права человека» *«больше заботится не о жертвах произвола благовещенских милиционеров, а об отработке некоего заказа»*²¹. А в программе А. Мамонтова «Специальный корреспондент. Шпионы», вышедшей в эфир телеканала «Россия» 22 января 2006 г. и посвященной «разоблачению» сотрудников британского посольства в Москве, которые якобы получали разведывательную информацию с помощью контейнера-камня, прямо заявлялось: *«Главное даже не в этом, а в том, что один из британских дипломатов, вернее шпионов, оказался связан с некоторыми российскими неправительственными общественными организациями»*. Характерен общий вывод, сделанный в конце программы: *«Неправительственные организации нужны как контроль общества за властью и чиновниками... [Но] контроль за властью должен осуществляться людьми неподкупными, которые радуют за интересы своей родины, а не чужой страны»*²².

Другая распространенная контрриторическая стратегия, применяемая властной элитой, – стратегия антитипизации. Ее использовал, в частности, министр обороны РФ С. Иванов, реагируя на утверждения-требования в отношении насилия в российской армии: *«Я утверждаю, что в 80 процентах частей и соединений Вооруженных сил дедовщины нет, потому что там нет вообще правонарушений»*²³.

Разновидностью стратегии антитипизации является индивидуализация причин социальной проблемы. Представители Министерства обороны России нередко объясняют насилие в российской армии, осуществляемое одними военнослужащими в отношении других, личными особенностями призываемых людей (уголовное прошлое, низкий уровень образования, психическая неуравновешенность), обосновывая тем самым необходимость отмены существующих отсрочек. Такого рода объяснения и вытекающие из них суровые наказания виновных в тех случаях, когда нанесение увечий военнослужащему или его смерть становятся общеизвестными, уводят внимание общественности от того факта, что так называемая “дедовщина” – это системное явление, обладающее функциональной значимостью в российской армии (офицеры делегируют часть своих полномочий военнослужащим более раннего призыва, которые обеспечивают порядок и дисциплину и в силу этого обладают властью над солдатами более поздних призывов). Например, в случае с Андреем Сычевым, который в результате издевательств со стороны других солдат в Челябинском танковом училище лишился обеих ног, официальные представители Министерства обороны в январе и феврале 2006 г. информировали общественность о санкциях в отношении начальника училища и непосредственных “виновников” происшедшего, не признавая типичности данной ситуации насилия для российской армии в целом.

В противовес попыткам сконструировать проблему насилия в российской армии используется также стратегия опровергающих историй, когда общественности показывают “образцовые части”, где, как утверждается, нет “дедовщины”. В частности, сообщения о таком симптоматичном явлении, как регулярные побеги военнослужащих из воинских частей с оружием в руках, которые часто сопряжены с убийствами и самоубийствами,

средства массовой коммуникации, подконтрольные властной элите, нередко сопровождают репортажами об “успешном” реформировании российской армии, ее переводе на контрактную основу, учениях, испытаниях нового оружия. Например, 5 января 2003 г. в программе «Время» на Первом канале был показан сюжет об оставлении воинской части железнодорожных войск в Ленинградской области (Мга) группой военнослужащих в количестве 24 человек, обратившихся в Комитет солдатских матерей Санкт-Петербурга и заявивших об издевательствах и побоях со стороны офицеров. Программа «Время»: *«Данные о происшедшем в воинской части 01375 пока неточные. Одни сообщают о тридцати сбежавших, другие о двадцати четырех. Солдаты, сумевшие добраться до петербургского комитета солдатских матерей, говорят, что издевательства офицеров терпели четверо суток. Все началось в новогоднюю ночь, когда один из командиров ворвался в помещение третьей роты и начал стрелять из газового пистолета. Потом солдат выгоняли на плац и в тридцатиградусный мороз заставляли выполнять упражнения “упал – отжался”. Затем допросы с пристрастием. Избивали так сильно, что двоих пришлось госпитализировать. Сейчас они в местной больнице. С журналистами общаться отказываются, боятся появляться перед камерами, закрываясь одеялами и гимнастерками. Дежурный врач говорит, что уже привык принимать пострадавших из ближайших воинских частей с отбитыми почками и многочисленными ушибами. Информация о случившемся пришла из комитета солдатских матерей. В него успели обратиться лишь несколько бежавших. Остальных перехватили – кого на станции Мга, кого – уже в Питере. Солдатские матери уже заявили, что будут добиваться распределения этих военнослужащих по другим частям»²⁴.*

Характер этого первого сообщения драматичен и свидетельствует о негативном, осуждающем отношении к офицерам (виновники происшествия) и сочувственном к солдатам (жертвы). Солдаты «сумели добраться» до комитета солдатских матерей, но не все – остальных «перехватили»; «издевательства офицеров терпели четверо суток»; один из командиров «ворвался... и начал стрелять»; солдат «выгоняли на плац и в тридцатиградусный мороз заставляли выполнять упражнение»; их «избивали так сильно, что двоих пришлось госпитализировать»; наконец, дежурный врач говорит, что «уже привык принимать пострадавших из воинских частей с отбитыми почками и многочисленными ушибами».

Однако следующим сюжетом данной программы (“историей”, опровергающей предположение о систематическом характере насилия в российской армии) был сюжет о подготовке профессиональных военных для службы по контракту в Рязанском институте ВДВ. Можно предположить, что репортаж из Рязани был показан для того, чтобы нейтрализовать негативный, критический по отношению к российской армии характер предыдущего сообщения. *«К службе в контрактной армии курсант Юрий Хромой готовит себя с первого курса. Совсем скоро, говорит, в войсках будут профессионалы, с них и спрос будет больше. Будущий офицер отлично водит боевую машину десанта и, имея при себе лишь плащ-палатку, может заночевать в лесу в любой мороз. На полигоне проходят занятия по тактике. Курсанты отрабатывают захват укрепленного объекта. Работают быстро и небольшими группами – двойками и тройками. Это и есть так называемая “адресная спецоперация” – основа современного боя. Быстрая атака, уничтожение противника и возвращение домой. Полковник Васин, как и большинство преподавателей института, служил в так называемых “горячих точках”. Говорит, что сол-*

дат-срочник, конечно, хороший вояка, но лучше все же работать с профессионалами. Военный должен полностью отдавать всего себя работе. Сергей Васин, старший преподаватель кафедры тактики: «Для этого нужно создать элементарные условия жизни, быта, деятельности военнослужащего, чтобы он не думал о семье и других проблемах, а посвятил себя, всю свою жизнь непосредственно служению армии и родине». Впрочем, о квартирах и зарплатах думают, в основном, военные постарше – нужно о семье заботиться. Молодых десантников пока волнует только учеба, военная дипломатия и рукопашный бой. Будущие офицеры-контрактники могут уложить сразу несколько противников, но предпочитают без повода не показывать силу. Создание контрактной армии, конечно, сложное дело, считают в институте. Но десантники привыкли быть там, где труднее»²⁵.

Это сообщение совершенно не соответствует принципам отбора новостей – в данном случае нет события, т. е. информационного повода. Тем не менее, сообщение включают, несмотря на всю интенсивность конкуренции между новостями, в главную информационную программу Первого канала.

Стратегию антитипизации нередко используют российские чиновники и в отношении утверждений о коррумпированности органов власти. Так, отвечая на вопрос о практике “отмазки от армии”, который был задан в эфире радиостанции «Эхо Москвы в Казани» 27 декабря 2005 г., военный комиссар Республики Татарстан Р. Мустаев опроверг утверждение о том, что взяточничество в военкоматах – это «системное явление», сообщив, что имеют место «единичные случаи». А в ответ на вопрос социолога об отношении к данным ИНДЕМа о коррупции в военкоматах военный комиссар заявил: «Для того, чтобы все это понять, нужно увидеть. Поэтому данные всех этих фондов, они требуют практического подтверждения. Пусть он [со-

циолог] фактом это все докажет, преподнесет нам. А так пока опять все на словах. Я, например, в той же степени социолог, как и он. Я четыре года тому назад стал кандидатом социологических наук». Очевидно, что в данном случае использовалась также стратегия перспективизации.

Такие стратегии контрриторики, как натурализация и выстраивание шкалы приоритетов (утверждение о том, что другие вопросы являются более важными), использовались М. Леонтьевым в его комментарии на радиостанции «Эхо Москвы» гибели 30 августа 2003 г. подводной лодки К-159 с девятью моряками на борту, затонувшей при буксировке на утилизацию: «Как это ни странно говорить, но это совершенно банальный случай, абсолютно банальный, можно сказать, рабочий, рутинный случай. Непонятно только, почему действительно там было столько народу в этой лодке. Но вообще, в действительности буксировка в этих широтах и понтонах, и если это в плавучем доке делается, это всегда страшный риск, всегда. Я только недавно разговаривал с корабельщиками, которые говорили, что они всегда, когда подписывают документы по буксировке, они всегда думают, сядут они или не сядут. Потому что это всегда риск, и, в общем, ничего в этом удивительного нет, особенно в условиях шторма и так далее. Понятно, что виноватые там будут, и их искать не надо, они в штатном расписании обозначены, виноватые, к сожалению, и будут отвечать. Что хотелось бы в связи с этим сказать, вот если сейчас кто-нибудь начнет в связи с этим вспоминать «Курск» и вкаты, это абсолютный повод получить по харе, абсолютный повод, потому что вообще политическое мародерство у нас стало страшно модным, но за это надо бить, уже давно пора. Что очень жаль, что люди в действительности гибнут в прямом смысле за металл. Т. е. за черный вторичный металл, а не за Родину и за какие-то великие задачи. Вот наш командующий господин Куроедов, который,

кстати, говорят, что он контуженный «Курском», всей этой ситуацией, он недавно объявил, что Россия больше не будет строить судов океанского класса, и вообще теперь у нас главная задача – охрана территориальных вод, каботажное плавание и так далее. Великая страна, которая не ставит перед собой амбициозных задач, я сейчас про геополитику не говорю, про какие-то там угрозы и опасности, а просто, если великая страна не ставит перед собой амбициозных задач, она не может решить никаких задач. Зря, жалко гибнуть зря»²⁶.

Одним из направлений дальнейшего развития конструкционистского подхода в его прикладном варианте – как технологии конструирования социальных проблем и депроблематизации ситуаций – может быть разработка стратегий “третьего порядка”: приемов нейтрализации уже контрриторических стратегий. Так, контрриторической стратегии натурализации, т. е. утверждениям о том, что та или иная ситуация “естественна” и “неизбежна”, можно противодействовать посредством приведения данных, опровергающих “естественность” сложившегося положения дел. Такими данными могут быть сведения о ситуации в других регионах или обществах. Скажем, в ответ на утверждения о том, что около 35 тысяч смертей ежегодно в результате ДТП в России – это неизбежная плата за технический прогресс, в частности, за использование автомобилей, или о том, что коррупция неизбежна, поскольку «такова человеческая природа», можно привести данные о смертности в ДТП в других обществах, где автомобилей и ДТП гораздо больше, чем в России, а смертность ниже или на том же уровне, или данные о различных уровнях коррумпированности в разных странах. Например, в США в 2003 г. в дорожно-транспортных происшествиях погибли 42643 человека²⁷, а в России – 35602 человека²⁸ при колоссальной разнице в количестве автомобилей, ко-

личестве ДТП (204267 в России в 2003 г. и около 6328000 в США), численности населения в США и России.

Контрриторика затрат, связанных с исправлением ситуации, может нейтрализоваться посредством аргументов, показывающих, что в дальнейшем затраты на исправление ситуации будут несоразмерно большими.

Декларация бессилия является наиболее уязвимой стратегией и, как указывают Ибарра и Китсьюз, может проблематизироваться вопросами о компетентности и соответствии занимаемой должности лиц, заявляющих о своем бессилии.

Критика тактики не требует какого-либо противодействия сама по себе, в данном случае необходимо убеждать оппонентов в эффективности и приемлемости используемых средств конструирования социальной проблемы.

Перспективизацию, т. е. представление утверждений-требований как “субъективного мнения”, а также использование такой стратегии, как контрриторика истерии, можно предупредить на первоначальном этапе конструирования социальной проблемы, используя по мере возможности научные данные, оценки экспертов, статистику и в результате придавая своей риторике характер “обоснованности” и “объективности”.

Стратегией противодействия антитипизации является использование, если это возможно, репрезентативных данных о распространенности (масштабности) проблематизируемой ситуации. Например, “антитипизирующим” заявлениям российского министра обороны о 80% частей, в которых нет “дедовщины”, можно противопоставить данные комитетов солдатских матерей о повсеместности насилия в воинских частях или результаты количественных социологических исследований — опросов людей, демобилизованных после прохождения срочной службы. При этом необходимо привести убедительные доказательства того, что эти данные являются достоверными.

Стратегия опровергающих историй может нейтрализоваться указанием на то, что примеры не являются доказательством. Существование опровергающего примера не означает, что проблематизируемая ситуация не является распространенной. Показательно, что в качестве “истории”, “опровергающей” утверждение о повсеместности насилия в российской армии чаще всего используется пример только одной части – Рязанского института ВДВ.

Что касается контрриторики неискренности, то противодействие данной стратегии представляется наиболее трудной задачей. Активистам социальных движений, правозащитникам, представителям инициативных групп, конструирующих какую-либо социальную проблему, следует изначально принимать во внимание возможность использования данной стратегии и продумывать свою реакцию на нее, в частности, быть готовыми инициировать судебные разбирательства по вопросам защиты чести и достоинства, требовать опровержений выдвигаемых обвинений в средствах массовой коммуникации, обеспечивать свою прозрачность в плане источников финансирования и т. д. В любом случае очевидно, что легче предупредить использование контрриторических стратегий, чем нейтрализовать их постфактум.

На наш взгляд, конструкционистский подход в таком теоретико-прикладном варианте может сыграть важную “рефлексивизирующую” роль, позволяя раскрывать приемы конструирования повестки дня властными элитами и тем самым способствуя формированию более дистанцированной и критической позиции общественности по отношению к действиям властей, навязывающих выгодную ей проблематику и блокирующих альтернативные варианты определения ситуации. Кроме того, обозначенные выше стратегии противодействия контрриторике могут способствовать более эффективному конструированию различных социальных проблем.

Примечания

¹ **Ясавеев И.Г.** Конструирование “повестки дня”: социальные проблемы российского общества в новостях федеральных телеканалов [Электронный ресурс] // Управление общественными и экономическими системами [Электронный журнал]. 2007. № 1 (9). <http://www.bali.ostu.ru/umc/zj2007_1.php>.

² **Ясавеев И.Г.** Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. С. 79–82.

³ **Loseke D.R.** Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives. 2nd ed. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 14.

⁴ Ibid. P. X.

⁵ **Best J.** Social problems // Handbook of symbolic interactionism / Ed. by L.T. Reynolds, N.J. Herman-Kinney. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2003. P. 982.

⁶ **Spector M., Kitsuse J.I.** Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977.

⁷ **Спектор М., Китсьюз Дж.** Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II: Хрестоматия / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 162.

⁸ **Hilgartner S., Bosk C.L.** The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94 (№ 1). P. 53–78.

⁹ **Хилгартнер С., Боск Ч.Л.** Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ **Edelman M.J.** Constructing the political spectacle. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 13.

¹² **Ibarra P.R., Kitsuse J.I.** Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by G. Miller, J.A. Holstein. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 34.

¹³ Ibid. P. 34.

¹⁴ Ibid. P. 35.

¹⁵ Ibid. P. 35–36.

¹⁶ Ibid. P. 36.

¹⁷ Ibid. P. 37.

¹⁸ Ibid. P. 38.

¹⁹ Ibid. P. 38.

²⁰ **Путин В.** Послание Федеральному Собранию Российской Федерации <http://president.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63372_71501.shtml> (26.05.2004).

- ²¹ **Верницкий А.** Правозащитники расследуют милицейскую операцию в Благовещенске. Изнанка кампании
<http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=84010> (11.12.2005).
- ²² **Мамонтов А.** Специальный корреспондент. Шпионы
<<http://www.rutv.ru/tvp.html?id=107011&d=0>> (22.01.2006).
- ²³ **Иванов С.** Мирное бремя: (беседа с министром обороны РФ С.Б. Ивановым / записала Н. Калашникова) // Итоги. 2005. 11 апреля.
- ²⁴ Массовый побег солдат-срочников в Ленинградской области
<http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50051> (05.01.2003).
- ²⁵ В российской армии готовятся к переходу на контрактную основу
<http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50091> (05.01.2003).
- ²⁶ **Леонтьев М.** Гибель подлодки К-159
<<http://www.echo.msk.ru/comments/archive/1045.html>> (31.08.2003).
- ²⁷ Car accidents <<http://www.car-accidents.com/pages/stats.html>> (17.05.2005).
- ²⁸ Общее количество ДТП, число погибших и раненых за 2003 г.
<<http://www.gibdd.ru/id4/1214.gpml>> (31.01.2004).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: КОНСТРУКЦИОНИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Составитель: **И.Г.Ясавеев**
Ответственный редактор: **Р.З.Шарафутдинова**
Оформление обложки: **Виктория Петрова**

Подписано в печать 06.09.2007. Формат 60 x 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая. Гарнитура Arial Cyr.
Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 17,25. Тираж 500 экз.
Заказ № 1/10.

Издательство Казанского университета

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского государственного университета
им. В.И. Ульянова-Ленина

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 231-53-59, 292-65-60